

В Ъ С Т Н И К Ъ
Е В Р О П Ы.

Ч А С Т Ъ XVI.

М О С К В А , 1804.

Въ Университетской Типографіи,
у Любія, Гарія и Полева.

**Съ одобренія Ценсурнаго Комитета, утреж-
деннаго для Округа Императорскаго Мо-
сковскаго Университета.**

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

І Ю Л Ъ 1804.

№ 13.

ЛИТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I

Странные люди.

(Изъ Voyageurs en Suisse.)

Прѣорство Шамуни составляетъ большое село. Оно 524 сажени выше моря, и построено на оплогости, подъ которою течетъ рѣка Арва. Любопытство видѣть славную гору (*) привлекаетъ сюда множество чужестранцевъ. Лѣтомъ здѣсь довольно жарко, а зимою очень холодно; снѣгъ выпадаетъ въ Ноябрь и лежитъ

(*) Которая называется бѣлою (mont blanc).
No 13. 2*

до Мая; въ теченіе сего времени года термометръ показываетъ десять градусовъ ниже точки замерзанія.

Мы остановились въ лучшемъ трактирѣ. Наша хозяйка, Госпожа Кутранъ, (женщина добрая, ласковая и услужливая) сказывала, что одинъ Англичанинъ жилъ у нее съ Октября до Мая, и пріѣхалъ сюда нарочно для того, чтобы видѣть зиму въ полномъ ея величїи. Онъ имѣлъ свой запасъ чаю, кофе, винъ, ликеровъ и маленькую библіотеку; любимаго книги его были: Йонговы Ночи, Лафоншеневы басни, Шекспировъ театръ, Конгревовы комедїи, приключенія великана Гарланша, Общественный договоръ (Жан - Жака Руссо), и Цицероново сочиненіе о должностяхъ. — Сей удивительной челсвѣкъ вспавалъ по утру съ постели въ 8 часовъ, и тотчасъ разтворялъ окно, даже въ самой жестокой морозъ; нѣсколько минутъ освѣжался чистымъ воздухомъ; послѣ того самъ приготавливалъ себѣ чай, копорой съ хлѣбомъ и масломъ составлялъ всегдашній его завтракъ; до половины дня читалъ, или писалъ; съ двенадцати часовъ до двухъ, надѣвъ шолстые сапоги, кожаную шубу и превеликую шляпу, накрывшую чехломъ изъ вощанки, прохаживался, и никакая погода не

могла принудить его возвратиться домой ранѣе обыкновеннаго; пришедъ въ свою комнату иногда весь покрытый снѣгомъ, грѣлся и отдыхалъ; въ половинѣ третьяго часа обѣдалъ, и всегда очень хорошо: выпивалъ цѣлую бутылку вина, двѣ чашки кофе и двѣ рюмки ликёру; послѣ обѣда сидѣлъ у хозяйки, или посѣщалъ знакомаго; въ семь часовъ съ половиною былъ уже неопытно дома; въ девять, Госпожа Кутранъ приходила къ нему съ друзьями своими пить чай; въ десять, онъ отпускалъ гостей и занимался чтеніемъ; а въ одиннадцать, не смотря на то, хотѣлъ ли спать, ложился въ постелю. У него были двои хорошіе карманные часы, по которымъ онъ наблюдалъ сей порядокъ жизни съ чрезвычайною точностію. На каминѣ въ его комнатѣ стоялъ портретъ молодой Англичанки. „Это моя любовница,“ сказалъ онъ хозяйкѣ. „Удивляюсь, что вы оставили ее!“ — „Хотѣлъ изпытать, могу ли жить одинъ.“ — „Странно!“ — „Напрошивъ того, очень благоразумно; я доволенъ собою: это опытъ спасаетъ меня отъ женитьбы.“ Онъ далъ Госпожѣ Кутранъ слѣдующую записку:

*Состояніе браковъ въ полуденной
Англіи.*

По самымъ вѣрнымъ справкамъ оказалось :

Женщинъ, которыя оставили мужей и живутъ съ любо- вниками - - -	1262
Мужей, которые оставили женъ и живутъ съ любовницами -	2361
Парь, по взаимному согласію раз- ставшихся - - -	4120
— живущихъ подъ одною кро- влею въ непрестанной войнѣ	191,023.
— скрывающихъ отъ публики взаимную ненависть свою —	162,320.
— показывающихъ явную холод- ность - - -	510,132.
— обманывающихъ свѣтъ при- творною любовью -	1,102.
— щасливыхъ по сравненію съ другими - - -	155.
— испинно щасливыхъ -	9.

Въ каждое Воскресенье обѣдали у него четверо изъ жителей Пріорства. Онъ звалъ ихъ по очереди; угощалъ весьма хорошо, и самъ варилъ кофе. Ему было 35 лѣтъ. Нанимая комнаты въ трактирѣ, онъ сказалъ, что поѣдетъ изъ Шамуни 1 Мая, въ 9 часовъ утра, и не про-

срочилъ ни одною минутою. Плашилъ хозяйкѣ необыкновеннымъ образомъ: въ послѣдній день каждаго мѣсяца, она, пришедъ въ его комнату, когда онъ прогуливался, находила деньги подъ шандаломъ; брала изъ нихъ, сколько ей принадлежало, и на томъ же мѣстѣ оспавляла счетъ. Не извѣстно, были ли когда нибудь сіи счеши повѣряемы.

Онъ написалъ чешыре стиха на бѣломъ листѣ въ деревянной рамѣ, и просилъ Госпожу Курранъ оспавить ихъ навсегда въ его комнату:

*Au milieu des frimas, dans ces déserts sauvages,
J'ai trouvé le secret de couler d'heureux jours:
N'en soyez pas surpris, savans, prétendu sages;
Eloigné des humains, j'étais parmi les ours.*

Съ нами путешествуетъ Лордъ Элисъ — человекъ умной и пріятной, Философъ, не привязанной ни къ одной системѣ. Онъ освободилъ себя отъ всѣхъ спрасней, отъ всѣхъ обязанностей, отъ всѣхъ дѣлъ; читаетъ, ходитъ пѣшкомъ, любитъ хорошій столъ, и болѣе ни чѣмъ не занимается. Въ двадцать лѣтъ отъ роду онъ былъ раненъ Купидовою стрѣлою; но огорченный любовницею, вспомнилъ смерть Сенеки, и рѣшился умереть подобно сему Римлянину;

велѣлъ приготовить ванну, раздѣлся, позвалъ лѣкаря, заставилъ его читать извѣстный Катоновъ монологъ, заперъ дверь, погрузился въ воду, слушалъ холоднокровно, разсуждалъ о нѣкоторыхъ стихахъ — и потребовалъ отъ своего чтеца, чтобы онъ отворилъ ему четыре жилы. Хирургъ затрепеталъ и отказался. Молодой Элисъ бросающася изъ ванны, беретъ пистолетъ и грозится застрѣлить упряма, если онъ не исполнитъ его желанія. Сей, видя, что одному изъ двухъ необходимо должно отправиться на пошъ свѣтъ, разсудилъ лучше опустить шуда неперпѣливаго, который и безъ него нашелъ бы средство разспатъся съ жизнью; вынулъ ланцетъ, попросилъ Лорда сѣсть, и пустилъ ему кровь. Опчаянный любовникъ скоро лишился памяти; тогда лѣкарь перевязалъ жилы и позвалъ людей. Элиса положили на постелью. Пришедъ въ чувство, онъ опивилъ жестокое свое намѣреніе. Съ того времени любовь всегда казалась ему сумасшествіемъ; онъ слѣдуетъ правилу Ариппипову: наслаждается женщинами, не принадлежа имъ. Другая спрасъ едва не покорила его своей власти: спрасъ къ игръ. Но случилось, что одинъ доброй опецъ семейства, проигравъ ему все имѣніе, упо-

пился въ Темзѣ: Лордъ Эллисъ возвра-
шилъ деньги несчастной вдовѣ, обѣщался
не играть, и сдержалъ слово.

Дворянинъ, сосѣдъ его по земляному
владѣнію, несправедливо завелъ съ нимъ
пьяжбу, и осужденъ заплашить убытки;
будучи сверхъ того обремененъ долгами,
онъ хотѣлъ продать владѣніе свое: Лордъ
Эллисъ, услышавъ о его затрудненіи, по-
слалъ ему двѣ тысячи гиней. Уже черезъ
десять лѣтъ дворянинъ узналъ своего
благодѣтеля, когда вздумалъ заплашить;
до того времени онъ всегда злословилъ
его, и не кланялся ему.

Такіе поступки заставляютъ имѣть
почтеніе къ Лорду Эллису; но

*. . . à l'humanité, si parfait que l'on fût,
Toujours par quelque foible on paya le tribut.*

Сей щедрой и великодушной человекъ
умѣетъ одолжать единственно деньгами.
Если надобно просить, стараться, упо-
требить нѣсколько труда, въ такомъ
случаѣ онъ сказываетъ безъ сколичностей,
что не имѣетъ силъ преодолѣть своей
лѣности; знаетъ самъ, что это дурно,
и не можетъ изправиться. Удивляетъ
меня чрезвычайная привязанность его къ
знаменности рода — привязанность непонят-

ная въ челоѣкѣ, которой философически соглашается, что люди всѣ равны! Онъ женился не для сердца, не для удовольствія жить съ милою подругою; но единственно для того, чтобы передать имя свое потомкамъ. Дочь была первымъ плодомъ сего брака: отецъ плакалъ; однакъ Госпожа Элисъ на другой годъ утѣшила его, родивъ ему сына. Черезъ нѣсколько дней послѣ того, онъ сказалъ ей: „Любезная! мы насладились всѣми удовольствіями пріятнѣйшаго союза: теперь ограничимся дружбою! Супружество есть дѣло, не соразмѣрная слабость челоѣческой. Позволь мнѣ жить для себя; будь участницею моего имѣнія, и разполагайся какъ тебѣ угодно; я оппращаюсь путешествованіемъ.“ Госпожа Элисъ, вмѣсто отвѣта, усмѣхнулась и поцѣловала своего мужа, который на другой же день поѣхалъ во Францію.... Надобно еще описать вамъ эту необыкновенную женщину.

Она росла высокаго и стройнаго; имѣла лицо величественное, болѣе прекрасное, нежели миловидное; умна — и не старается блистать своимъ умомъ; одарена воображеніемъ живымъ и плодотивнымъ; читая книгу, думаетъ и утѣшается; хочетъ знать не много, но основательно; заражена философією мужа своего, и слѣдственно мало уважаетъ то, что

называется женскою добродѣтелію ;
 смѣется Француженкамъ , и почитаетъ
 ихъ прелесными игрушками : говоритъ ,
 что онѣ имѣютъ болѣе тщеславія , не-
 жели чесполобія , болѣе пылкости , не-
 жели ума , и болѣе воображенія , не жели
 разсудка ; сомнѣвается въ ихъ учености ,
 и утверждаетъ , что весь Парижъ насе-
 ленъ Virtuozами и Танцовщицами . При
 многихъ достоинствахъ и нѣкоторыхъ
 слабостяхъ своихъ , Госпожа Элисъ можетъ
 справедливо гордиться великимъ характе-
 ромъ , великою , благородною душою .

Любовникъ ея пользовался нѣкогда
 благосклонностію молодой дѣвушки , на
 которой онъ обѣщался жениться : остав-
 ленная Аріадна помилась , увядала . Гос-
 пожа Элисъ , узнавъ о семъ обстоятель-
 ствѣ , сдѣлала обманщику жеспокой вы-
 говоръ , запретила ему казаться на ея
 глаза , поклялась вооружить противъ него
 всѣхъ своихъ друзей , доставить ему
 по крайней мѣрѣ двадцать поединковъ ,
 если онъ не выпроситъ себѣ прощенія и
 не загладитъ безчестнаго поступка из-
 полненіемъ своего обѣщанія . Сии угрозы и
 тысяча гиней , подаренныхъ нашею ге-
 роинею бѣдной невѣстѣ , помирчили быв-
 шихъ въ спорѣ и заспавили ихъ соеди-
 ниться бракомъ .

Другой поступокъ еще болѣе служитъ къ ея чести. Она была у Батскихъ водъ. Тамъ, блистая молодосшію и красою, повелѣвая новымъ обожателемъ, наслаждалась всѣми удовольствіями женщины знатной, богатой и свободной. Неожиданно приходитъ извѣстіе, что Лордъ Элисъ занемогъ въ Парижѣ оспою. Письмо получено въ семь часовъ вечера, а въ девять Госпожа Элисъ уже сидѣла въ каретѣ и ѣхала въ Дувръ. Она продолжаетъ путь, не останавливаясь; спѣшитъ днемъ и ночью, достигаетъ пролива, застаетъ пакетбота и немедленно ввѣряетъ себя волнамъ; обѣдаетъ въ Кале, беретъ почтовыхъ лошадей, летитъ въ Парижъ и застаетъ Элиса лежащаго въ жестокомъ кризисѣ: оспа начинала высыпать. Не страшась прилипчивости, Госпожа Элисъ бросается въ объятія супруга, отказывается отъ лѣченія Доктору, который слѣдовалъ методѣ Французской, призываетъ Хирурга, растворяетъ окна, лѣчитъ больного по методѣ Англійской, избавляетъ его отъ смерти, и сама заражается тою же болѣзнію; видя себя въ опасности, требуетъ отъ лѣкаря, чтобы онъ чистосердечно сказалъ ей свое мнѣніе, и заставляетъ его признаться, что мало остается надежды; посылаетъ за Нотариусомъ,

дѣлаетъ завѣщаніе, отказываетъ мужу все свое имѣніе — выздоравливаетъ — и возвращается въ Лондонъ къ любовнику....

Не имѣю времени писать болѣе: лошади стоятъ у воротъ, бьютъ копытомъ землю и зовутъ путешественниковъ.

II.

Разговоръ въ кофейномъ домѣ.

(Изъ Парижскаго Журнала.)

Два чудака сидѣли передъ толпою праздныхъ людей и разсуждали о награжденіяхъ, которыми недавно опличены воспитанники музыкальнаго училища. Одинъ (съ ногъ до головы практической педиметръ) хвалилъ божественный талантъ дѣвицы Н*, и съ жаромъ утверждалъ, что такая Варшюза *достойна олтарей*. Другой — похожій на Езона, старикъ лѣтъ шестидесяти, въ изношенномъ кафтанѣ, въ толстыхъ нишяныхъ чулкахъ, и весь замаранной табакомъ — ворчалъ при каждомъ словѣ энтузіаста. „Хорошо! хорошо!“ говорилъ онъ: „посвящайте олтари пѣвицамъ, — и черезъ двадцать лѣтъ Франція населена будетъ скоморохами.“ Пока эпошъ печальной

вѣщунъ только сердился, или отвѣчалъ полу-фразами, въ которыхъ не заключалось никакого доказательства, любитель Музыки торжесничовалъ и довольно удачно сылалъ техническихъ слова; но вдругъ шарикъ вышелъ изъ терпѣнія — кашлянулъ, понюхалъ табакъ, вышмянулся и, къ удивленію слушателей, проговорилъ безъ отдыха слѣдующую рѣчь:

„Я видѣлъ эту церемонію. Сумазбродныя похвалы будущимъ Опернымъ пѣвцамъ еще и теперь звучатъ въ моихъ ушахъ. Всего досаднѣе то, что ни одинъ человекъ не хотѣлъ взглянуть на молодыхъ адептовъ, получившихъ награжденія за успѣхи въ полезныхъ знаніяхъ. Преимущество, которое наша Публика даетъ Музыкѣ передъ Науками, заставило бы думать, что во Франціи умъ слабѣе, если бы своенравіе моды не было извѣстно. Прочтите, государи мои, прочтите Исторію послѣднихъ вѣковъ: Дантъ, Петраркъ, Аріостъ, Тассъ, уже прославились, когда наша Литература была еще въ хаосѣ. Отъ чего же Поэзія оставила прекрасной Италіанской климатъ? Музыка выгнала ее. Съ того времени, какъ жилили Рима, Неаполя, Флоренціи, начали полагать славу въ механическомъ дѣйствіи горла, не стало

у нихъ великихъ Писателей; съ того времени словесныя Науки лишились у нихъ почтенія.“ — „Теперь знаю, отъ чего Италіанскія комедіи такъ глухи!“ замѣнилъ мальчикъ кофейнаго дому. „Не много надобно ума (продолжалъ старикъ), чтобы хорошо пѣть, или прогашь пальцами клавиши, а успѣхи Виртуозы чрезвычайно блистательны; высокія Науки требуютъ великаго труда, и мало приносятъ удовольствія: ктожь захочетъ упражняться въ Наукахъ? Руссо сказалъ: Французы не рождены для Музыки; вѣстли они будупѣ имѣть хорошую Музыку, пѣмѣ хуже для нихъ. Понимаете ли выраженіе: тѣмѣ хуже для нихъ? Руссо написалъ Оперу; но этотъ великой чело-вѣкъ зналъ розницу между Музыкантомѣ и Ученымѣ (Пешимешрѣ нахмурился). И дѣйствительно, слава Музыканта исчезнетъ, подобно звукамѣ инструмента, на которомѣ онѣ игралъ; а произведенія ума не гибнутъ: Аристошель и Гомерѣ всегда будутъ въ почтеніи; Рамо, славный тому пять лѣтъ, уже забытъ. Повѣрьте мнѣ, государи мои: надобно удержатъ дѣшей нашихъ отъ упражненія самаго безполезнаго; надобно съ героическою смѣлоснію поставишь Музыку опять на ту степенъ между искусствами, на ко-

торой она стояла ; однимъ словомъ, надо бы но выгнать ее изъ домовъ общественнаго воспитанія и предоставить воспитанію домашнему. Тогда число приспρασныхъ къ ней уменьшился , потому что не столько будетъ музыкантовъ ; тогда она перестанетъ гордиться передъ Науками , и Литература возвратитъ себѣ пошерянное уваженіе.“

Лишь только нашъ Орапоръ замолчалъ , собраніе громкими похвалами изъявило ему свое удовольствіе. Начали шолоковать анти - музыкальной парадоксъ , и сдѣлался великой шумъ. Я слышалъ только слова одного малорослаго человека , хопшавшаго перекричать другихъ : „Такъ , государи мои , такъ ! еспьли въ Инспипутѣ возлагаютъ лавры на гобоиста , вли пѣвицу , то я требую конкурса для танцовщицковъ. Пляска еспь искусиво одного рода съ музыкою.“ Спарикъ улыбался. Нѣкто , весьма нарядно одѣшой , въ новомъ черномъ кафтанѣ и въ прекрасныхъ манжетахъ (вѣроятно , камердинеръ знашнаго человека) , обѣщался пересказать сей разговоръ Министру ; а я , не имѣя никакихъ связей въ большомъ свѣтѣ — ни съ Министрами , ни съ ихъ камердинерами — рѣшился напечатать его для людей всякаго званія.

III.

Добрая служанка.

(Повѣсть Дюкре - Дюминиля.)

Марья была дочь бѣднаго крестьянина, кошорой жилъ въ небольшой деревнѣ близъ долины въ Дофинейской Провинціи. Марья лишилась матери и служила единственною подпорою престарѣлому своему отцу. Она управляла маленькимъ его хозяйствомъ и ежедневно гоняла на лугъ стадо овецъ, кошорыхъ многіе жители той деревни ей вѣряли. Это было главнѣйшее упражненіе Марьи: съ посошкомъ въ рукѣ и въ соломенной шляпкѣ, подобилась она тѣмъ прелестнымъ пастушкамъ, кошорыхъ воспѣваютъ Поэты. Марья была пригожѣе всѣхъ своихъ сверстницъ, но припомъ всѣхъ простодушнѣе и легко-вѣрнѣе.

Богатый сосѣдственный поиѣщикъ, Г. Вольмениль, наскучивъ холостую жизнь, женился и основалъ жилище свое въ Греноблѣ. Вольмениль имѣлъ таланты, умъ, значное имя и великое богатство. Пресыщаясь всякаго рода наслажденіями, ничего онъ такъ не желалъ, какъ имѣть наследника. Вольмениль былъ уже не очень молодъ, когда женился, а именно,

сорока двухъ лѣтъ. Супруга его была женщина почтенная; онъ провель уже съ нею четыре года, но не имѣль еще дѣтей; и Доктора объявили, что она никогда не будетъ матерью. Какой ударъ для Вольмениля, которой женился изъ одного похвальнаго желанія бышь опцемъ! Онъ предумашриваль горестное для себя одиночество въ старости и жестоко мучилса тую мыслію, что не будетъ имѣть наслѣдника знатности своей и великаго имѣнія. Въ семъ печальномъ состояніи, Вольмениль, будучи столько благоразуменъ и разборчивъ, что не захотѣль бы ни за что сдѣлать порочной связи, дабы не потерять здоровья, добраго имени и не получить еще желаемаго; Вольмениль, говорю я, приняль довольно странное намѣреніе. Если бы я могъ найти, сказалъ онъ самъ въ себѣ, молодую, простодушную крестьянку, которая согласилась бы доставить мнѣ толь желаемое мною щастіе, я щедро наградилъ бы ее и сталъ бы воспитывать дитя свое. Въ послѣдствіи могу открыль тайну свою женѣ, которая вѣрно одобришь мой поступокъ; а я, получивъ то, чего такъ страстно желаю, разорну немедленно всякое сношеніе съ тую, которой буду обязанъ благополучіемъ своимъ. Бракъ

не даешь мнѣ дѣшей, и я, кажется, не сдѣлаю никакого преступленія, стараясь достигнуть до сего иными путями.

Такъ разсуждалъ Вольмениль и пошелъ прогуливаться въ поле, надѣясь встрѣтиться съ какоюнибудь молодою паслушкою, которая согласилась бы споспѣшествовать его видамъ. Марья въ этотъ день пасла стадо свое на пригоркѣ; жаръ былъ чрезвычайный: она, скинувъ свою соломенную шляпку, лежала на травѣ. Вольмениль увидѣвъ ее и, пораженный красотою милой дѣвушки, подошелъ и сядишя подлѣ нея. „Юная паслушка! сказалъ онъ ей: не твое ли это стадо?“ — Нѣтъ, Милостивый Государь! — „Такъ видно, оно принадлежитъ родственникамъ твоимъ?“ — У меня нѣтъ никакой родни, кромѣ отца, которой очень бѣденъ. Всѣ эти овцы принадлежатъ крестьянамъ нашей деревни, кошорые даютъ ихъ мнѣ стеречь. По утрамъ я ихъ собираю, а ввечеру отдаю назадъ хозяевамъ. — „Я очень радъ, что это узналъ. У меня есть прекрасной ягненочекъ, кошораго я ошмѣнно люблю, и прошу тебя принять его въ твое стадо.“ — Съ великою радостію, добрый баринъ! — „Которой тебѣ годъ?“ — Скоро будетъ осмнадцать лѣтъ, сударь. — „Осмнадцать! . . . и у тебя нѣтъ уже

матери?“ — Нѣтъ, сударь! тому уже шесть лѣтъ, какъ я ее лишилась. Какая это была достойная женщина!

Сказавъ сіе, Марья ошерла глаза свои концемъ передника. Вольмениль хвалилъ ея чувствительность и любовь къ родителемъ. „Старъ ли твой отецъ?“ спросилъ онъ у нея. — Очень старъ и при томъ хворъ. Онъ не въ силахъ уже работать, и я кормлю его своими малыми трудами. — „Милое дитя! . . . завтра приведу я къ тебѣ свсего баранка и стану платить за труды твои щедро.“ — О! сударь, довольно будетъ шести ливровъ въ мѣсяць; да и того еще много! — „Я дамъ тебѣ двадцать чешыре ливра.“ — О! мой доброй баринъ! . . . — „Прости до завтра. . . имя твое?“ — Марья Деландъ къ услугамъ вашимъ. — „Хорошо, до завтрава, Марья, до завтрава!“

Вольмениль пошелъ, будучи исполненъ живѣйшаго участія, а, можетъ быть, и любви къ прелесной пасшукѣ. Онъ немедленно купилъ ягненка и ошнесъ его въ небольшой павильонъ, которей служилъ сборнымъ мѣспомъ для охотниковъ и находился среди самаго того луга, на которомъ Марья пасла ежедневно свое стадо. Онъ оставилъ шущь преданнаго ему служителя и не забылъ ничего, что

могло, сдѣлавъ пріятнымъ и покойнымъ павильонъ, гдѣ намѣревался онъ обольстить невинность.

Разположивъ все такъ, какъ ему хотѣлось, пошелъ онъ въ слѣдующее утро съ ягненкомъ своимъ къ Марьѣ, которая неперпѣливо его дожидалась. „Я сдержалъ слово, Марья! посмотри, вотъ ягненокъ, котораго тебѣ препоручаю, и вотъ деньги за мѣсяцъ впередъ! Всякой день ты будешь отдавать барашка моего надзирателю павильона, которой ты видишь, вотъ тамъ! онъ принадлежитъ мнѣ — и всякое утро Пикарь — такъ зовутъ надзирателя — станешь приводить его къ тебѣ сюда. Это будетъ не очень для тебя трудно; не правда ли?“ — Конечно, сударь! Поди, милой барашекъ! прыгай, рѣзвись съ товарищами своими! Видишь, сударь, что ему уже становится здѣсь весело; посмотришь, какъ онъ доволенъ! — „Кто можетъ быть съ тобою недоволенъ?“ — Какой доброй и вѣжливой баринъ! . . . — „Марья! . . . съ твоими прелестями не лѣзя кажется не имѣть любовника?“ — Любовника! нѣтъ, сударь! у меня нѣтъ любовника и никогда не будетъ; говорящъ, что они всѣ великіе измѣнники. — „Какъ! измѣнники?“ — Такъ, сударь! обольщая блдую дѣву, да послѣ и бросаешь. — „Это правда, Марья! и такъ

сердце свое свободно?" — Что вы хотите сказать? — „Я хочу сказать, что ты никого не любишь.“ — Извините; люблю и очень люблю одного человека. — „Кто этот щастливец?" — Это отец мой, доброй мой отец! . . . — „Милая девушка! . . . Прости, Марья! до вечера. . . приходи въ павильонъ; я тамъ буду и самъ приму изъ твоихъ рукъ своего барашка.“

Вольмениль ушелъ, и Марья долго смотрѣла въ слѣдъ за нимъ, вздыхая. Какъ добръ этотъ баринъ! говорила она сама въ себѣ: онъ далъ мнѣ 24 ливра впередъ. Батюшка! не печалься теперь; я накуплю тебѣ всего, всего!

Ввечеру она постучалась у дверей павильона; но, не зная имени щедраго господина, была въ великомъ замѣшательствѣ. А! сказалъ Пикарь, отворивъ дверь: это барашекъ Гна. Валькура! (Вольмениль не хотѣлъ, чтобъ Марья знала настоящее его имя.)

Пикарь зоветъ своего Господина. Вольмениль ведетъ въ павильонъ молодую девушку, осыпаетъ ее ласками, подарками, и она уходитъ, будучи чрезвычайно имъ довольна. Что скажу я вамъ, почтенные читатели? . . . Черезъ двѣ недѣли, Вольмениль, съ помощію гнуснаго служителя, произвелъ въ дѣйство безчестное свое ма-

мѣреніе, и бѣдная Марья упала въ ужасную пропасть, изрытую подъ нея неопытными ногами.

Черезъ нѣсколько мѣсяцовъ удостоившись она въ своей беремености и горько плакала, осыпая своего обольстителя жесточайшими укоризнами. Вольмениль, внѣ себя отъ радости при семъ извѣстїи, обѣщадъ зелошыя горы жертвѣ своей; но естѣли бѣдная Марья и далась въ обманъ отъ великаго простосердечїя, однакъ душа ея была непорочна, и она цѣнила добродѣтель дороже всѣхъ сокровищъ. Нещастная не могла скрыть своей напастїи отъ престарѣлаго своего отца; она призналась ему въ своемъ проступкѣ, и старикъ такъ огорчился, что сдѣлался боленъ.

Между тѣмъ Марья, не видя болѣе Валькура, родила прекрасную дѣвочку; но почти въ самую ту минушу, какъ она сдѣлалась матерью, вошелъ Пикарь, подалъ письмо старику Деланду, которой находился уже при послѣднемъ издыханїи, и унесъ дитя, не взирая на вопль сосѣдки, которую только одну Марья призвала къ себѣ на помощь. Похищенїе дочери несказанно огорчило Марью: она едва не умерла съ печали, но молодость превозмогла горесть; и она скоро выздоровѣла

и, распечатавъ письмо, нашла въ немъ слѣдующее:

„Если я обманулъ тебя, Марья! то смѣю сказать, что это произошло отъ избытка чувствія. Я страстно желалъ быть отцемъ, и наконецъ обязанъ тебѣ симъ священнымъ письмомъ. Не безпокойся объ участи дочери твоей; я никогда не оставлю ее: она будетъ богата и щастлива. — Я женатъ, милая Марья! безъ сего препятствія былъ бы я, можетъ быть, въ состояніи возвратитъ тебѣ честь; но я принадлежу супругѣ, которая нѣжно любитъ меня. Забудь временное несчастіе и прими обязательство, по которому стану я тебѣ платитъ 1200 ливровъ пенсіи; контрактъ при семъ прилагаешя; ты увидишь въ немъ, что истинное мое имя есть Вольмениль; но не дѣлай никакихъ обо мнѣ поисковъ: они будутъ бесполезны. Я оставляю здѣшнюю Провинцію, и ты никогда больше обо мнѣ не услышишь.“

Марья поспѣвала въ Гренобль къ Потаріусу, которой долженствовала платитъ ей обидную пенсію. Сей человекъ былъ наученъ и задобренъ Вольменилемъ; онъ сказалъ ей, что Г. Вольмениль дѣйствительно продалъ свою деревню и уѣхалъ съ женою и со всеми людьми.

я одинъ, примолвилъ онъ, извѣстенъ о мѣстѣ его пребыванія; но мнѣ вѣрно только выдать вамъ деньги, и накрѣпко запрещено отвѣчать на ваши вопросы.

Марья бросилась къ его ногамъ, умоляя взять обратно контрактъ, которымъ она гнушалась. Нотариусъ не соглашался на ея прозьбу. Марья бросила контрактъ на письменный его столъ и побѣжала стремглавъ. Возвратясь домой, нашла она сосѣдку свою въ слезахъ. Старикъ Деландъ изпустилъ духъ отъ горести и стыда, причиненныхъ ему пропускомъ дочери его. Всѣ сіи удары привели бѣдную Марью въ отчаяніе: она оставила все свое имущество доброй сосѣдкѣ и, отдавъ послѣдній долгъ отцу, побѣжала въ одинъ славной монастырь, отстоящій за нѣскольکو миль отъ ея жилища. Пришедъ къ Игуменѣ, рассказала ей всѣ свои несчастія и заклинала принять ее въ число монахинь. Игуменья нѣскольکو времени колебалась; но, пронувшись наконецъ слезами и чистосердечнымъ раскаяніемъ пригожей крестьянки, согласилась взять ее на первой случай въ приворопнищы.

Марья безупѣшная, терзаемая совѣстію за приключеніе смерти родителю своему, вела себя въ монастырь съ оп-

мѣннымъ благочестіемъ. Черезъ нѣсколь-
ко лѣтъ она постриглась и сдѣлалась
почтеннѣйшею изъ монахинь.

Марья провела въ монастырѣ двад-
цать чепыре года, то есть до самой той
эпохи, когда революція уничижила обѣ-
ты монашесствующихъ. Въспомогло того,
чтобъ радоваться возвращенію свободы,
Марья несказанно огорчалась. Она любила
уединеніе, привыкла къ монастырской
жизни и, будучи безпрестанно опягчае-
ма горестію, спрашивалась вслухъ опяшъ
въ свѣтъ, гдѣ первый шагъ ея былъ
ознаменованъ поль люшымъ несчастіемъ.
Однакожь ей необходимо надлежало оста-
вить убѣжище, въ кошоромъ протекла
24 года ея жизни. Не имѣя родшвенни-
ковъ, друзей и денегъ, пріѣхала она въ
Парижъ, въ намѣреніи сыскать себѣ ка-
кое нибудь мѣсто, или упражненіе.

Марья не была уже шакъ несвѣдуца
и проста, какъ во время знакомства
своего съ вѣроломнымъ Вольменилемъ; она
получила въ монастырѣ хорошее воспита-
ніе, пріобрѣла много познаній и всю вѣж-
ливоспъ свѣпскихъ людей. Имѣя опъ
роду сорокъ шри года, она была еще хоро-
ша; величественный роспъ, стройноспъ
и ловкоспъ придавали ей видъ опшѣнно

благородный и пріятный; но она была бѣдна и не имѣла инаго средства къ пропитанію, какъ идти къ кому нибудь въ услуженіе.

Въ Парижѣ останоилась она у бывшихъ знакомыхъ старицъ своего Ордена, но которыя, принуждены будучи, подобно ей, оставить монастырь, завели небольшой пансіонъ для дѣвицъ въ Вожирардской улицѣ. Сихъ старицъ было числомъ три; онѣ приняли очень хорошо сестру Марью, но дали ей скоро разумѣть, что не могутъ держать ее у себя долго. „Намъ худо платяшь за наши труды, сказала ей старшая, и намъ очень трудно жить, любезная сестра! Отъ родственниковъ же мы такъ мало получаемъ! О! какъ состояніе наше было бы дурно, естли бы отъ времени до времени не помогала намъ добродѣтельная, молодая Гжа. д'Эрвиль, живущая подлѣ насъ и которую можно назвать земнымъ Ангеломъ!“ — Такъ есть еще благошворительныя сердца! — „Госпожа, о которой мы тебѣ говоримъ, достойна всякаго почтенія. Она вдова и ведетъ себя такъ благочестиво! Сынъ ея, пятнадцатилѣтній, прекрасный мальчикъ будетъ также добръ, какъ мать его. . . . Э! посмотри, сестрица! вотъ она сама! вотъ она добрая, милая Госпожа!“

Гжа. д'Эрвиль входитъ одѣтая въ глубокой шраурѣ: это была женщина 24 лѣтъ, собою видная и прекрасная: она вела за руку маленькаго своего Карла, копорой тотчасъ бросился цѣловать старицѣ. „Какъ вы поживаете, мои милыя?“ спросила у нихъ Гжа. д'Эрвиль. — Слава Богу, сударыня! — „Будучи увѣрена, что вы принимаете участіе во всѣхъ моихъ радостяхъ, я пришла васъ уведомить, что батюшка рѣшился наконецъ оставить свою деревню и скоро пріѣдетъ ко мнѣ жить.“ — Поздравляемъ васъ, поздравляемъ! — „Доброму этому старику шестидесятъ семь лѣтъ, и онъ третій мѣсяцъ ничего уже не видитъ. Какое для меня счастье, что могу разпочать нѣжнѣшія попеченія виновнику бышя моего!“ — Безъ сомнѣнія Г. Вольмениль человекъ очень почтенный. — „Мой отецъ? Ахъ! онъ составляетъ все мое утѣшеніе, съ того времени, какъ я лишилась мужа, имъ для меня избраннаго и копорого я богопворила!“

Что почувствовала Марья, услышавъ имя Вольменилево? Она не могла удержаться отъ слѣдующаго вопроса: „Не батюшка ли вашъ этотъ Г. Вольмениль? не жилъ ли онъ прежде въ Гренобль?“ — Такъ точно, отвѣчала Гжа. д'Эр-

виль, я и сама родилась не далеко отъ этого города. . . . Но что такое? мнѣ кажется, что вамъ дѣлается дурно?

Марья и дѣйствительно зашаталась и едва не упала въ обморокъ, однакожь умѣла скрыть и преодолѣть свое смятеніе. Гжа. д' Эрвиль спросила, не знавала ли она Гна. Вольмениля? — Я . . . сбѣ немѣ слыхала, отвѣчала она, покраснѣвши.

Гжа. д' Эрвиль продолжала говорить съ монахинями. Я хочу васъ просить, сказала она имѣ, чпобѣ вы пріискали мнѣ порядочную женщину, для присмотру за сыномъ моимъ и за отцемъ, попому что эшотѣ спарикѣ имѣетъ теперь крайнюю нужду въ чловѣкѣ, которой бы объ немѣ имѣлъ попеченіе. Мнѣ надобна женщина среднихъ лѣтъ, хорошаго поведенія и усердная, и надобна немедленно. — Мы постараемся найти вамъ такую, отвѣчали старшцы.

Гжа. д' Эрвиль откланялась и вышла. Тогда старшая монахиня сказала Марьѣ: Какова она тебѣ показалась, сестрица? — „Прекрасна, безподобна!“ . . . — Два мѣсяца шому, какъ она овдовѣла; мужъ ея, Г. д' Эрвиль, былъ прелюбезной молодой чловѣкѣ, а припомѣ и чрезвычайно богатой. . . . — „Она. . . кажется, очень любила отца; но помнишь ли мать свою?“ —

Мать? она никогда ее не видывала. О! это презабавная исторія! . . . Мы слышали ее отъ слуги, по имени Пикара, котораго отпустилъ отъ себя Г. Вольмениль. Люцинда — такъ звали Гжу. д'Эрвиль къ дѣвицахъ — есть дочь бѣдной крестьянки, которую отецъ ея обольстилъ. Г. Вольмениль, не имѣя дѣшей отъ своей супруги, прижилъ дочь съ какою-то Марьею Деландъ, которая, говорятъ, была красавица. Этотъ поступокъ не очень честенъ, но мужчины подвержены такимъ сильнымъ спраснямъ! . . . Жена Гна. Вольмениля скончалась, и старикъ воспиталъ Люцинду съ рѣдкимъ тщаніемъ; попомъ отдалъ ее за-мужъ, а самъ оспался въ деревнѣ; но, по смерти зяпья, кажется, рѣшился окончать дни свои съ любни-досстойною дочерью своею. Какъ жалко, что этотъ доброй старикъ ослѣпъ! но въ его лѣта. . . я и сама боюсь, чнобъ не потерять зрѣнія; попому что съ нѣ-котораго времени худо и въ очки начи-наю видѣшь. . . .

Марья не слушала вранья старухи; она была до крайности тронута, увидѣвъ дочь свою и внука! Неблагодарный оболь-ститель ея долженствовалъ скоро при-соединиться къ особамъ поль милымъ ся сердцу. „Сесприды! сказала она вдругъ

старицамъ: Гжѣ д'Эрвиль надобна женщина — удостойте представити ей меня; мнѣ нечего инаго дѣлать и мнѣ будетъ... очень хорошо въ этомъ домѣ.“ — Это и дѣйствительно очень умно вздумано, а намъ давеча не пришло въ голову; вотъ наспоящій швой удѣлъ! Пойдемъ же туда немедленно! — „Пойдемъ!“

Марья подходитъ къ дому своей дочери. Какъ бьется ея сердце! съ какимъ удовольствіемъ увидитъ она ту, кою рожденіе было причиною ея несчастій! Старуха, шедшая съ нею, останавливается у воротъ великолѣпныхъ палатъ. Докладываютъ Господѣ, и вводятъ ихъ обѣихъ въ гостиную. Вотъ одна изъ нашихъ сестръ, сударыня! сказала старуха Гжѣ д'Эрвиль, коюра желаетъ къ вамъ притяпъся. Она женщина умная и степенная; мы ручаемся вамъ за нее, какъ за самихъ себя; давеча не догадались мы вамъ ее представити.

Марья блѣднѣла и дрожала. Гжа. д'Эрвиль сказала ей ласково: „Успокойтись, сударыня! знаю, что состояніе, въ которое общоупельства вступитъ васъ принуждаютъ, вамъ не прилично; но будьте увѣрены, что я всячески постараюсь облегчить участь вашу и заставить васъ забыть несправедливость судьбы, которая

дѣлаетъ меня вашею начальницею. Надѣюсь, что обхожденіе мое съ вами пріобрѣтетъ мнѣ вашу дружбу... Вы мнѣ очень нравились. Сколько вамъ лѣтъ? — Сорокъ три года, сударыня! — „Это мнѣ и надобно. Я увѣрена, что буду всегда довольна вами, но препоручаю особенно моему попеченію любимаго мною ребенка и престарѣлаго отца, котораго я ожидаю: ваша къ нимъ привязанность будетъ для меня всего пріятнѣе на свѣтѣ.“ — О! сударыня, сынъ вашъ найдетъ во мнѣ вторую мать... Что касается до Гна. Вольмениля, я спану прилагать о немъ точно такое сравненіе, какого могъ бы онъ ожидать отъ своей супруги. — „Очень хорошо. Какъ васъ зовутъ?“ — Марьей. — „Это имя очень мнѣ знакомо!... (Она вздыхаетъ.) Скоро ли можете вы переехать ко мнѣ?“ — Хотя сію минушу, еслили дозволите. — „Съ радостію.“

Гжа. д' Эрвиль оппустила спаруху, и Марья немедленно вступила въ должность. Какъ была прелестна, какъ добра эта Госпожа д' Эрвиль! и сколько случаевъ имѣла Марья удивляться ея талантамъ и добродѣтелямъ! Это была самая кротость и вѣжливость: она приказывала такъ, какъ другіе просятъ, и Марья была при ней совершенно счастлива. Мудре-

но ли? Она служила собственной своей дочери и ежеминутно видѣла ее, равно какъ и внука своего. Марья не осталось бы ничего желать, ешьли бы смѣла она открыть свою тайну; но Марья не знала, какъ Г. Вольмениль говорилъ о ней съ Люциндю, и спрашилась презрѣнїя дочери и обольстителю своего. Сколько слезъ проливала она въ безмолвіи ночномъ, когда всѣ покоились! „О какъ гнусенъ порокъ! говорила она часто сама къ себѣ — когда до такой степени унижаетъ человѣка, даже передъ собственными его дѣтьми!“ . . .

Маленькой Карль былъ такъ любимъ доброю своею мамушкою, что Гжа. д' Эрвилль сама удивлялась такой привязанности и начала питать къ Марья неограниченное уваженіе и нѣжнѣйшую дружбу. Она обходилась съ нею, какъ съ короткою прїятельницею. „Милая Марья! сказала она ей однажды: какъ жаль, что монашеское состояніе лишило тебя щастїя быть матерью! какъ стала бы ты любить дѣтей своихъ!“ — Я бы ихъ богословила, сударыня, ешьли бы имѣла случай воспитать . . . — „Всякой подумаешь, что Карль сынъ пивой; я меньше нѣжу его, нежели ты.“ — Я чувствую къ нему любовь совершенно материнскую. Вообразите, сударыня, что я его бабу-

шка, что я ваша мать! — „Марья! не вспоминай мнѣ объ этомъ; ты заставляешь меня плакать.“ — Вамъ конечно жаль матушки? Можетъ быть, ее нѣтъ уже на свѣтѣ? — „Я никогда ее не видала.“ — Развѣ Г. Вольмениль . . . . — „Я родилась не отъ его супруги: я дочь любви. Марья! не могу долѣе скрывать отъ тебя своей тайны; знаю, что отъ этого не лишусь твоего уваженія. Такъ! я обязана жизни простодушной крестьянской дѣвушкѣ, которая называлась, также какъ и ты, Марьею. Батюшка еще и по сіе время плачетъ, когда вспомнитъ объ этой обманутой имъ бѣдной поселянкѣ.“ — Для чего же онъ послѣ съ нею не видался? — „Марья! мы съ батюшкою не могли получить никакого объ ней извѣстія; спрашивали въ ея деревнѣ, но никто и тамъ не зналъ, куда она дѣвалась; думать надобно, что она умерла. Бѣдная дѣвушка! . . . Но ты плачешь, Марья! ты сколько берешь во мнѣ участія, что тайна моего рожденія чувствительно трогаетъ тебя.“ — Такъ, сударыня! я плачу объ участи матушки вашей! . . . . — „Она сдѣлала просупокъ: но я увѣрена, что она родилась добродѣтельною; по крайней мѣрѣ такъ всегда говоритъ батюшка.“ — Что! еслили бы вы теперь ее увидѣли! . . . . Можетъ быть,

спали бы презирать ее? — „Я! чтобъ могла презирать мать свою! Ахъ, Марья! какъ мало ты меня знаешь! Кому не извѣстны обманы мущинъ, слабости сердечныя! Отецъ мой несравненно виновнѣе эпою несчастной; но мнѣ не прилично осуждать родителей, и я шакъ много обязана батюшкѣ!... Только что я родилась, онъ взялъ меня отъ матери и далъ мнѣ кормилицу. Между тѣмъ супруга его скончалась, и Г. Вольмениль взялъ меня къ себѣ въ домъ. Доброй эпою отецъ не женился въ другой разъ, единственно изъ любви ко мнѣ! Онъ одарилъ меня талантами, доставилъ мнѣ всѣ пріятности богатства, и я не прежде узнала тайну своего рожденія, какъ при замужствѣ: тогда отецъ мой открылъ ее Гну. д'Эрвилю, потому что онъ ни за что въ свѣтѣ не согласился бы обмануть честнаго человека.

Марья оперла глаза свои и вышла, чувствуя, что не могла бы долѣе противиться сильному влеченію обнять Людинду и сказать ей: „Я мать твоя!“

Марья ужасалась, ожидая пріѣзду Гна. Вольмениля, котораго съ часу на часъ ждали. Еслыли онъ опречется отъ меня! говорила она сама къ себѣ: какъ горестно, какъ несносно будетъ мнѣ тогда, что я откры-

лась! Мнѣ непременно надобно его увидѣть: онъ слѣпъ и вѣрно меня не узнаетъ; постараемся вывѣдать его мысли, и тогда увидимъ, что дѣлать!

Въ одно утро Гжа. д' Эрвиль позвала Марью ранѣе обыкновеннаго. Марья входитъ. Поди скорѣе, Марья! сказала ей съ живостію Люцинда: поди скорѣе, онъ пріѣхалъ! — „Кто?“ — Батюшка. Сей часъ вывели его изъ кареты, и онъ вотъ шутъ! Приведи къ нему внука его; пускай онъ его обниметъ, пускай прижметъ къ сердцу своему!

Марья, пораженная симъ извѣстіемъ, какъ громомъ, едва не лишилась чувствъ; но Гжа. д' Эрвиль не замѣтила ея смущенія, спѣша увидѣть отца своего. Марья, собравшись съ духомъ, пошла наверхъ за маленькимъ Карломъ. И пакъ я сей часъ его увижу! сказала она сама къ себѣ: увижу человека, которой обезчестилъ меня, которой низвергнулъ отца моего во гробъ! Какое свиданіе, великій Боже! послѣ шоль долговременной разлуки! О! какъ присушествіе его будетъ для меня мучительно! . . . .

Марья одѣла съ поспѣшностію ребенка и, держа его за руку, вошла въ залу. Что почувствовала она, увидя почтеннаго сѣдаго старика, ошягченнаго брезентемъ

лѣтъ! Дневной свѣтъ не поражалъ болѣе зрѣнія его; но руки его прижимали къ сердцу милую дочь. Онъ пролилъ нѣсколько слезъ и спросилъ о внукѣ. Вотъ онъ, батюшка! вскричала Люцинда, поднося къ нему робенка. — Я здѣсь, милой папинька! повспорилъ маленькой Карлъ.

Вольмениль былъ до крайности прорнутъ. Люцинда, внѣ себя отъ радости и занявшись единственно попеченіями объ опцѣ своемъ, не замѣтила смятенія Марьи, которая, стоя на одномъ мѣстѣ, изумленными, глазами смотрѣла на своего обольстителя, говоря сама въ себѣ: „И такъ вотъ мой любовникъ и дѣти мои!...“

Батюшка! сказала Люцинда: я въ восхищеніи, что вы наконецъ рѣшились раздѣлить со мною мое уединеніе. Живучи безъ меня въ деревнѣ, могли ли вы быть щасливвы? Не гораздо ли пріятнѣе, чшобы дочь услаждала скуку старости вашей? Вамъ здѣсь будетъ покойно: я недавно приняла къ себѣ очень хорошую женщину, которая не меньше меня любитъ васъ будетъ. Она здѣсь: дозвольте ей обнять себя.

Марья принуждена была обнять виновника всѣхъ своихъ бѣдствій. Она исполняетъ это... скажу ли, съ нехотѣніемъ? Нѣтъ! Марья забываетъ вѣроломство

Вольмениля ; она видить въ немъ только почтеннаго старика и отца дѣтей своихъ. „Развѣ она не говоритъ, дочь моя? спросилъ Вольмениль : что это за женщина?“

Марья отвѣчаетъ : „это женщина . . . которая привержена къ вамъ не меньше дочери вашей! . . .“ — „Что я слышу? вскричалъ старикъ съ примѣтнымъ волненіемъ! . . . Этотъ голосъ . . . онъ мнѣ знакомъ . . . Боже мой! какъ глубоко проникъ онъ въ мою душу! . . .“

Что правда, что Марья имѣетъ очень трогательной органъ, сказала Люцинда. — Марья! прерываетъ старикъ : ее зовутъ Марьей? Откуда она? кто она такая? — „Бапюшка! она была монахиней.“ — Ахъ! . . . сколько ей лѣтъ? — „Почти сорокъ четыре года.“ — Бѣдная Деландъ была бы теперь въ этихъ же лѣтахъ.

Марья удаляется, закрывая лицо, орошенное слезами; но Гжа. д'Эрвиль разсѣяла скоро общее огорченіе маленькимъ праздникомъ, которой пригостила къ прїѣзду отца своего, и день прошелъ въ невинныхъ забавахъ.

Между тѣмъ Марья провела уже нѣсколько дней подлѣ старика и, всякой разъ, говоря съ нимъ, видѣла, что онъ становился задумчивымъ и смущеннымъ.

Въ одно утро Марья отважилась сказать ему: „Вы упомянули за нѣсколько дней предъ симъ о несчастной Деландъ изъ деревни Лимара близъ Гренобля.“ — Развѣ ты знавала ее? — „Очень коротко. Сколько слезъ пролила эта бѣдная!“ . . . — Что съ нею сдѣлалось? . . . — „Она была старицею въ одномъ со мною монастырѣ.“ — Какъ давно? — „Съ самой смерти ея отца.“ — Отецъ ея развѣ умеръ? — „Уже прошло тому двадцать четыре года. . . Этотъ бѣдный отецъ не могъ перенести безчестія дочери своей.“ — Несчастный! . . .

Вольмениль закрылъ руками лицо свое, на которомъ живо изображался стыдъ и горькое раскаянiе. Онъ продолжалъ: „Заключаю, что тебѣ все извѣстно. Марья вѣрно рассказывала тебѣ о всѣхъ бѣдспвiяхъ, въ которыя ввергнулъ ее обольститель. . . Открыла ли она тебѣ его имя?“ — Этотъ обольститель! . . . Ахъ, Вольмениль! это былъ ты. — „Марья! Марья! твоей голосъ, слезы. . . не могу болѣе сомнѣваться. . . это ты сама; тебя держу я теперь въ объятiяхъ.“ — Такъ, это я, Вольмениль! это несчастная, которую ты обезчестилъ! . . . — „Какое щастiе! . . . Марья! отъ какого тягостнаго бремени присутствiе твое меня избавило! Какъ долго и мучительно раскаянiе перзало

мое сердце! Марья! скажи, что ты меня прощаешь! скажи, и... я все заглажу." — Ахъ, Вольмениль! могу ли я припасть злобу, или хощя малѣйшую досаду къ опущенной женщины, которой дала я жизнь? — „Знаешь ли она?..." — Нѣтъ, нѣтъ! стыдъ препятствовалъ мнѣ... Но если ты возвратишь мнѣ сердце свое, Вольмениль, я все открою. — „Поди къ ней, Марья; позови ее сюда: пусть узнаетъ." . . — Вотъ она!

Гжа. д'Эрвиль входитъ, видитъ смущеніе отца своего и Марьи. Что это значитъ? спрашиваетъ она съ торопливостію: я вижу слезы! что случилось? — „Ахъ, сударыня! вскричала Марья, бросаясь къ ней на шею: удостойте выслушать признаніе, которое сделала уже я батюшкѣ вашему." — Какое признаніе? — „Вы думали, можетъ быть, что я всегда была добродѣтельна; нѣтъ! выдана въ заблужденіе: одинъ мужчина обольстилъ молодость мою. Родясь въ деревнѣ, познакомила я съ однимъ господиномъ"... — Такъ какъ мапушка: продолжай! — „Плодомъ этого бѣдственнаго знакомства была... дочь." — Точно, какъ мапушка! — „И обольститель похищилъ моего ребенка, а самъ скрылся." — Батюшка, вотъ наша исторія! — „Онъ оставилъ мнѣ контрактъ:

я опдала его назадъ.“ — Машушка также не взяла его. — „Теперь я очень часто выдаюсь съ дочерью своею.“ — Ты съ нею выдаешься? — „Удивляюсь ея добродѣтелямъ, красотѣ; но, стыдясь слабости непростибельной, не смѣю открытъ, что я мать ея.“ — Марья!... какое подозрѣніе! . . . — „Я принялась къ ней въ домъ.“ — Марья!... — „Обольстителъ мой возвратился!“ . . . — Батюшка! слышите ли? — „Онъ живетъ съ нею и со мною въ одномъ домѣ!“ — Батюшка! это она! . . . — „Такъ, онъ здѣсь, здѣсь! и хочеть, чтобъ я его простила!“ — Милая Марья! ты... мать моя! . . . .

Гжа. д'Эрвиль бросается въ объятія Марьи, которая прижимаетъ ее къ шрепещущей груди своей. Вольмениль вспаетъ. Вотъ она! говоритъ онъ съ жаромъ: вотъ несчастная, которой обязана ты жизнью, Люцинда! . . . . Я былъ виновенъ передъ нею; но хочу удостоиться великодушнаго прощенія, котораго смѣю ожидать отъ ея добродушія. Да будетъ она моею супругою, Люцинда! пускай бракъ, хотя поздный, но должный, учинитъ рожденіе твое законнымъ, дочь моя! . . . . Соглашаешесь ли вы обѣ на мое предложеніе?

Марья утонула въ слезахъ и не въ силахъ была говорить. Люцинда отвѣчала:

„Такъ, батюшка! вы должны это сдѣлать; этой справедливости требуетъ совѣсть ваша. Дайте ей свою руку, и да будетъ она щастливѣйшею супругою, такъ какъ стала уже любезнѣйшею матерью!“ — Марья! согласна ли ты? — Ахъ! вскричала Марья: могу ли не согласишься на свое щастіе?

Сіе прогательное изъясненіе уступило мѣсто изліаніямъ нѣжнѣйшихъ чувствій, и черезъ нѣсколько дней совершилось бракосочетаніе Вольмениля съ Марьею, къ несказанному удовольствію Гжа. д'Эрвиль, которая поступала при семъ со всею нѣжностію, какой только можно было ожидать отъ ея превосходнаго сердца. Казалось, что старикъ ждалъ только сего блистательнаго исправленія вины своей, чтобы переспать жить: онъ умеръ черезъ нѣсколько мѣсяцовъ послѣ женитбы, и вдова его долго была неушѣшна. Будучи столько же умѣренна въ желаніяхъ и столько же добродушна, какъ до возвышенія своего, Гжа. Вольмениль, или лучше, Марья — ибо я люблю называть ее симъ именемъ — не хотѣла никогда разстаться съ милою дочерью. Онъ живъ и понынѣ вмѣстѣ, наслаждаясь спокойствіемъ и мирнымъ щастіемъ; питающъ одна къ другой нѣжнѣйшую

любовь и занимаются съ крайнимъ раченіемъ воспишаніемъ Карла.

IV.

Еще отрывки изъ Аѳинскихъ Писемъ.
См. No 6й *Вѣстника*, стран. 117.

1.

Клеандръ къ Магу Смердису.

Саламина.

Съ душевнымъ болѣзнованіемъ безпрестанно помышлялъ я о нещасіяхъ Азіи, когда моровая зараза пожирала ея жителей; казалось, что боги во гнѣвѣ своемъ хотѣли изтребить родъ человѣческій; но ужаснѣйшая мечь ихъ теперь постигла Грецію, страну ненавистную Оромазду, сменяющую подъ бременемъ жесточайшихъ, неслыханныхъ злочлюченій.

Бичъ губительный, невидимый, быстрый въ печеніи своемъ, опустошавшій области Персидскія, началъ разпространяться въ Греціи въ то самое время, когда междоусобныя несогласія разиравли злополучную страну сію, и разоряли ея цвѣтущія селенія съ свирѣпостію, превышающею и чаяніе и желаніе варваровъ. Кипю въ соспоаніи описать нещасія,

нанесенныя войною, и опустошеніе богатыхъ Провинцій, претерпѣвающихъ не менѣе вреда отъ внутреннихъ раздоровъ, какъ и отъ нападеній внешнихъ непріятелей? Воздѣланныя нивы превратились въ дикія пустыни; самыя необходимыя потребности для продолженія бѣдственной жизни едва находяшся въ главныхъ городахъ Облестей.

Положеніе Аѳинъ ужасно: всѣ жители Аттики собрались въ сей городъ; усиливающаяся зараза свирѣпствуетъ неукротимо. Хотя, живучи въ Саламинѣ, нахожусь въ совершенной безопасности; но не могу защитить себя отъ внутренняго смятенія, отъ мучительныхъ помышлений, отъ болѣзненнаго досажденія: шакъ спранникъ, сѣдящій на берегу разъяреннаго моря, томился печалію, смотря на гонимые вѣтрами корабли, разбиваемые о подводные камни и поглощаемые свирѣпыми волнами.

Скажи, почтенный Смердисъ! ты, который въ уединеніи, посвященномъ вѣчному миру, наслаждаешься щасливымъ, удивительнымъ бесѣдованіемъ съ существами безплотными, — ты, котораго душа свободна, чиста и безмятежна! скажи мнѣ, на что злобному Аристаню дана власть нарушать порядокъ, господ-

ствующій въ твореніяхъ великаго Оромазда? Не по его ли вліянню человѣческой разумъ, столь удобно развращающійся, отвергаетъ спасительныя правила, которыя`однѣ могутъ указать ему истину? Не по наущенію ли сего злаго существа люди уклоняются отъ путей добродѣтели, мучатся подъ игомъ зашѣйливыхъ прихотей и заблуждаются въ лабиринтѣ опасныхъ, нечестивыхъ замысловъ? Скажи, не уже ли за пагубное развращеніе, порожденное ненавистнымъ вліаніемъ злобнаго Ариманія, позволено ему карать жесточайшими нещастіями виновныхъ, которыхъ самъ онъ вовлекъ въ пресшупленія?

Вотъ неудобства, которыхъ не могу рѣшить! Научи меня познавать власть Оромазда и оправдывать благотворную любовь его. Нещастія, видимыя мною ежедневно, погружаютъ душу въ мрачное, глубокое недоумѣніе; часно воображеніе мое противъ воли предается мучительнымъ сомнѣніямъ, когда разсуждаю о сихъ предметахъ.

Въ тихомъ только уединеніи, въ которомъ ты скрываешься отъ міра, душа можетъ возноситься къ высокимъ шапствамъ; тамъ, озаряемая великимъ Оромаздомъ, она отражаетъ отъ себя немер-

дающей свѣтъ истины. Съ восхищеніемъ вспоминаю о моемъ путешествіи въ Бактріану, о собесѣдованіи съ тобою; но скорблю духомъ, мудрый Смердисъ! помышляя, что среди плѣнительныхъ видовъ прекрасной страны, въ которой обитаешь, печаль имѣешь къ тебѣ доступъ; скорблю тѣмъ болѣе, что я виною твоего безпокойства.

Одна истинная ревность къ службѣ, а не всѣхъ другихъ причинъ, привязываетъ меня къ вѣрному наблюденію выгодъ Царя Персидскаго. Какой бы жребій судьба ни назначила мнѣ — съ спокойною твердостью пошусь перенести его. Я увѣренъ, что Высочайшее Существо — которому отъ васъ научился я воздавать чистѣйшее поклоненіе — сіе безплодное, невидимое Существо, Оромаздъ — или какое бы ни дано было ему названіе — не можетъ не быть вѣстѣ и сильнымъ, и праведнымъ, и благимъ; Оно не можетъ желать несчастія тому, кто усердно ищетъ средствъ сдѣлаться Ему угоднымъ добродѣтельными поступками.

Мудрый Смердисъ! я не столько ослѣпленъ высокоуміемъ, чтобы дерзнулъ приписать мнѣніе, не согласное съ шивитъ, къ чему бы, впрочемъ, оно ни относилось. Не могу довольно наравоваться шивитъ

усердію ко благу Персіи, твоему глубокому благоговѣнію къ Великому Монарху; однакъ осмѣляюсь сказать, что Иппократъ не заслуживаетъ такого строгаго изпязанія (*). Онъ Мужъ знаменитый и по обширнымъ свѣдѣніямъ, и по важнымъ заслугамъ. Аѳиняне возносятъ его выше славныхъ благодѣтелей своихъ за его безкорыстіе, за мужественное постоянство, за любовь къ имени Греческому; они шакое же имѣютъ къ нему почтеніе, какое оказали бы Аполлону, или Эскулапу; естлибы сіи боги сошли съ небѣ для избавленія ихъ отъ настоящихъ бѣдсшвій.

Удивляясь должно отказу его на предложенія Царя Персидскаго. Такое богатство, такія обѣщанія отъ величайшаго Монарха въ мірѣ могли бы соблазнить самую строгую добродѣтель; но Иппократъ умѣетъ противиться всему. Каждой Персѣ увидитъ въ семъ поступкѣ высокомѣрное упорство, потому что подданные Великаго Царя, живучи подъ такимъ образомъ правленія, которое Гре-

---

(*) Въ одномъ изъ предыдущихъ писемъ Магъ Смердисъ поносилъ Иппократа за то, что онъ не согласился, по приглашенію Артаксеркса, пріѣхать въ Персію.

ки называютъ рабскимъ, повинующся не принужденно, съ благоговѣніемъ, изъ одной ревности, изъ одной любви къ Государю. Сей образъ правленія совершеннѣе всѣхъ прочихъ, естли на Престолѣ сидитъ Монархъ, нашему подобный; но обычаи народовъ не одинаковы. Есть обстоятельства, которыя въ однихъ отношеніяхъ бывають весьма полезны, въ другихъ весьма вредны.

Кто воспитанъ въ наставленіяхъ свободной Греціи, того умъ необходимо соображается съ сими началами. Слѣдующія отсюда понятія о величїи и добродѣтели проповуложены намъ, которыя Персъ долженъ получать при воспитанїи. Не крайней мѣрѣ, такъ было до того времени, пока Греція удерживала еще древнюю свою славу; поступокъ Митократовъ при семъ достопамятнѣйшомъ обстоятельствѣ напоминаетъ славнѣйшіе примѣры добродѣтели Грековъ. Кто превзошелъ ихъ въ любви къ Отечеству? кто болѣе отличился непоколебимою честностію, мужествомъ и безкорыстіемъ?

---

*Смердисъ къ Клеандру.**Бактра.*

Не смотря на твое произхожденіе отъ корня Греческаго, не сомнѣваюсь въ привязанности твоей къ нашей Религїи, также какъ Великій нашъ Монархъ не сомнѣвается въ твоей вѣрности къ Персидскому правительству. Безпокойства, упоминаемая въ послѣднемъ письмѣ, служатъ новымъ доказательствомъ почтенія твоего къ нашей вѣрѣ, которой сокровенности желаешь проникнуть для того, чтобъ удалить всѣ сомнѣнія; но, любезный Клеандръ! сего сдѣлать не можно. Начало Ариманія, власть его и отношенія къ роду человѣческому суть таинственны, непоспимы; умъ просвѣщеннѣйшій теряется въ сихъ изысканіяхъ, ужасается и встрѣчаетъ препятства непреодолимая; одно созерданіе Оромазда озаряетъ его истинными утѣшительными и обогащаетъ возхитительными познаніями. Не удивляйся тому и будь увѣренъ, что недоумѣніе твое о естествѣ зла никогда не объяснится; непроницаемый мракъ окружаетъ его.

Какъ сладостно оку, упомленному дикими предметами, или внимательнымъ

разматриваніемъ множества различныхъ часпей, составляющихъ многосложную машину; какъ сладостно взирать на цвѣтущій лугъ, на лазуревое небо! Подобнымъ чувствованіемъ наполняется духъ нашъ, когда изъ области Ариманія перенесенся къ размышленію о благодѣтельномъ Іезданѣ (*), когда перейдешь отъ смѣшенія къ порядку, отъ вражды къ миру, отъ творца зла къ изпочнику блага.

Тебѣ извѣстны испинны, открытыя мудрымъ Зердусномъ; онѣ суть эмблемы Божества, числѣйшія, нежели священный огонь, хранимый во храмѣ Бактры. Будь твердо увѣренъ, что родъ человѣческій получитъ награду въ будущей жизни. Ангелы, стерегущіе мостъ, черезъ коимъ рои смертнымъ переходить должно, полагаютъ на вѣсы каждое изъ нашихъ дѣланій. Отъ насъ самихъ зависить утвердись или разрушишь свои надежды, свое щастіе.

„Какъ! скажешь ты: развѣ Ариманію позволено будешь наказывать ихъ, которыхъ самъ онъ обманулъ, ввелъ въ заблужденіе?“ Не сомнѣвайся въ шомъ; заслужившіе развращеною жизнью наказа-

---

(*) Другое имя Оромизда.

ніе подлежатъ власти злаго начала. Когда Оромаздъ оставяетъ несчастныхъ смертныхъ, въ ту минушу Ариманій беретъ ихъ подъ свое владычество, такъ точно, какъ шма заступаеиъ мѣсто свѣта, когда лучезарный Миѳра скрывается за горы.

Для насъ довольно знать, что Ариманій есть врагъ нашъ, и желаетъ порожествовать надъ нашею слабостію; на что доискиваться его начала? на что освѣдомляться о причинахъ его господствованія? Развѣ не лъзя возлагать упованія на судьбы небесъ, не проникнувъ ихъ тайнствъ? Мы хотимъ достигнуть границъ пространства неизмѣримаго, хотимъ слабымъ воображеніемъ перелетѣть за предѣлы времени и познать еспество вѣчности; хотимъ проникнуть сокровенныя свойства добра и зла, ихъ начало и продолженіе; но тысячи Томовъ написаны о сихъ предметахъ — и высокія истинны не открыты; суешное дерзновеніе смертныхъ никогда не подниметъ тайнственнoй завѣсы.

Премудрый Оспанъ — котораго умъ уподоблялся росѣ небесной, освѣжающей засохшую землю — живучи между нами, наполнялъ божественнымъ возторгомъ души

слушателей, всегда жадныхъ внимать ему, всегда щаспливыхъ его наставленіями. Ему извѣстны были непремѣнные законы Природы; но онъ не дерзаль изыскивать ихъ причинъ начальныхъ. Онъ училъ, что стихіи и существа, изъ нихъ составленныя, зависятъ отъ власти Тездана и управляются закономъ непремѣннымъ, необходимымъ; но боги даровали намъ волю, озаряемую разумомъ; сія воля научаетъ насъ избирать добро, убѣгать зла и не мучить себя сомнѣніями въ томъ, чего не можемъ достигнуть. Прощай.

М. К — ія.

V.

*Руской Леонидъ, или Парфентьевъ,
Полковникъ Кіевскаго гренадерскаго
полку.*

Истинное мужество и твердость духа въ несчастіи познаются. Россіяне привыкли побѣждать, но непредвидѣнное нападеніе, многочисленность Поляковъ, сто орудій противъ сорока, положеніе мѣста, бѣшенство народа, придавали силу непріятелю, и дѣлали его сильнѣе. Какой

народъ можетъ гордиться, что не былъ никогда несчастнымъ?

Вы претерпѣли несчастіе, Россіяне; вы лишились множества братьевъ своихъ: но гдѣ мнѣ покажутъ, въ какихъ Лѣтописяхъ опыщутъ въ такомъ величїи несчастныхъ!

Уже Россіяне, сражаясь 36 часовъ, съ именемъ Бога, Отечества, ЕКАТЕРИНЫ, бьютъ врага, падаютъ сами мертвы и, встрѣчая на каждомъ шагу тысячу смертей, пробиваются сквозь городъ, подъ начальствомъ Подполковника Тишова и Преміеръ - Маіора Батурина. —

Полковникъ Парфентьевъ, Руской Леонидъ, будучи отрѣзанъ съ нѣсколькими ротами солдатъ полку своего, не могъ отступити вмѣстѣ съ ними. Онъ остался въ Варшавѣ и занялъ домъ Главнокомандующаго; остался посреди града, гдѣ все вооружилось противъ него; удерживалъ однако нападеніе свирѣпствующаго народа съ такимъ успѣхомъ, что завладѣлъ двумя орудіями. Не разъ отражалъ онъ нападенія со всѣхъ сторонъ; но видя, что не можетъ малочисленностію своею защищать весь домъ, оставилъ одну часть. Поляки ворвались въ оную; Парфентьевъ съ друзьями Россіи, друзьями своими, Офицерами и солдатами Рускими,

дорого уступалъ непріятелю каждую горницу, каждый шагъ; наконецъ въ зазженной со всѣхъ сторонъ оспальной половинѣ еще сражается; пламень быстрое обнимаетъ весь домъ и готовъ поглотить оный; Парфентьевъ, усмотря неизбежную гибель, собираетъ остальныхъ 40 гренадировъ, почти всѣхъ израненныхъ, спускается изъ оконъ на улицу, наполненную тысячами вооруженныхъ, устрашаетъ ихъ нечаяннымъ симъ дѣйствіемъ, стремится на нихъ; смерть предшествуетъ ему; онъ по тѣламъ открываетъ себѣ путь, проходитъ по онымъ Медовую улицу, Красинской дворъ и Свяшоярскую, на которой улицѣ палъ меривъ съ остальными осмью Россіянами.

Такъ кончилъ дни свои Руской Леонидъ, Парфентьевъ, честь Россіи, другъ души моей и всѣхъ любящихъ Отечество!

Вотъ какъ повѣствуютъ о тебѣ; великій человекъ, не Россіяне; они не были свидѣтелями твоихъ подвиговъ, но непріатели — Поляки, которые никогда не могутъ забыть дѣла твои; они съ почтеніемъ воспоминающъ имя твое и умѣютъ цѣнить достоинства и во врагѣ своемъ!

Оплачь, несчастная супруга, друга своего! плачьше дѣши по оудѣ своемъ! вы

лишились въ немъ покровителя, пита-
теля и любезнаго вамъ чловѣка! Плачьте
отъ горести; вы лишились опоры сво-
ей; плачьте отъ радости, вспоминая по-
двиги его; плачьте въ возторгъ: онъ
оставилъ вамъ неоцѣненное наследство —
твердость духа, любовь къ Богу, любовь
къ Отечеству, любовь къ Государю сво-
ему, непоколебимость въ добродѣтели!
Плачьте! я не стану унимать васъ, а
соединя свои слезы съ вашими, утѣшу
душу свою и ваши!

Согласныя съ чувствами моими, Рос-
сіянки, Россіяне, вы конечно, вмѣстѣ
со мною, желали бы видѣть небольшую
пирамиду, воздвигнутую въ память без-
смертныхъ подвиговъ Парфентьева. До-
ждемся — у насъ **ИМПЕРАТОРЪ АЛЕК-
САНДРЪ**, Который уже согласился воз-
двигнуть монументъ Пожарскому и Ми-
нину. Модель готова, сдѣланная рукою
славнаго Рускаго Скульптора Мартоса.

Ты же, великая душа Парфентьева,
возрадуйся въ предѣлахъ вѣчности; ты
извлекаешь слезы: вотъ твои ордена,
которыя мало кто можетъ гордиться!

Издашеть Твердости духа
нѣкоторыхъ Россіянъ.

С Т И Х И

Глу. Захарову на случай воздушнаго путешествія для различныхъ опытовъ и наблюдений, сдѣланнаго имъ 30 Іюня въ Спбурѣ.

Явился вновь Дедалъ — на крыльяхъ дерзкихъ онъ
 Желаетъ вознестись шуда, гдѣ звѣздный тронъ,
 Опомнись, дерзостный! опомнись, ты мечтаешь —
 Къ чему стремишься ты и что предпринимаешь?
 Но шаръ вздымается — и важно вверхъ плыветъ,
 Надменнаго съ собой властителя несетъ;
 Какъ Нептунъ Океанъ презубцемъ раздвигаетъ,
 Такъ шаромъ воздухъ онъ упругій расбъкаетъ —
 Стремится, но увы! и падаетъ сей шаръ —
 О безразсуднѣйшій и жалостный Икаръ! . .
 Но что за таинство? — Всѣхъ очи изумлены
 Опяшь на высоту зрятъ шаръ съ нимъ вознесенный —
 Летитъ — и облака онъ топчетъ ужь ногой,
 Летитъ — и почкою зритъ землю подъ собой!
 Природа путь ему свободно открываетъ
 И таинства свои зрѣть ясно позволяетъ:

Упругость, жидкость онъ той сферы узнаетъ;
 Зритъ, какъ Уранія чертежъ звѣздамъ даетъ;
 Шумъ слышитъ бѣга ихъ путями вѣковыми —
 И солнца новыя онъ видитъ между ими;
 Онъ зритъ — чего никто не зритъ изъ насъ
 другой.

Лети, Захаровъ! и — тѣ тайнства открой;
 Яви намъ истинны нещешныхъ изысканій;
 Спустися — и прими вѣнецъ рукоплесканій.
 С. Петербургъ.

VII.

Осель въ нарядахъ.

Басня.

Осель

Однажды кладъ нашелъ,
 И съ пышностью къ звѣрямъ въ нарядахъ по-
 казался.

Тутъ каждый изъ звѣрей на щетъ его смѣялся;
 Но спорону осла лишь слонъ одинъ
 держалъ,

И зрителямъ сказалъ:

„Не должно никому изъ насъ надъ нимъ
 смѣяться,

„Ему нужнѣе всѣхъ межъ нами наряжашься;

„И естлибъ онъ чужимъ нарядомъ не блисталъ,

„То кто же бы тогда въ компанью его
 взялъ?“

Съ французскаго — К. К — съ.

Загадка, сообщенная въ предыдущемъ
12 No. *Вѣстника*, означаетъ *Слоновую*
кость.

VIII.

П а р и ж с к і я М о д ы .

Іюня 20.

Молодой человекъ, живущій по Модѣ, носитъ сапоги только 8 дней, фракъ три недѣли, а шляпу только мѣсяць; по истеченіи же помянутаго времени перемѣняетъ онъ все то на вкусъ послѣдней Моды.

*

Модныя Дамскія косынки со складками шиты были доселѣ изъ кисеи, батиста, перкаля, всякаго сорту матерій, а теперь оныя шьются большою частію изъ кружева. Косынка щеголихи шьется нынѣ такая же высокая, какъ и эластической галстухъ у пепиметра, и припойтъ столь тѣсная, что красавица не можетъ поворошить головы своей безъ того, чтобъ не обратилась всѣмъ тѣломъ.

*

Молодые Кавалеры приняли опять нѣкоторыя Моды, съ небольшими пере-

минами, оставленные ими въ продолженіе революціи. Шитые кафтаны употребительны только для самаго большаго парада; но жилеты шитые носятся теперь во всякое время: однакожь они не должны быть вышиты золотомъ, серебромъ, или какими нибудь шелками свѣплыхъ цвѣтовъ, но по большой части въ употребленіи бѣлые жилеты, бѣлою же бумагою вышитые. Дессейны для таковыхъ жилетовъ должны быть самыя легкіе, съ разбросанными и отдѣленными одинъ отъ другаго цвѣтами.

*

Кожанья панталоны, ботфорты и шпоры, не нужны для верховой ѣзды, и Парижской пешиметръ ѣздитъ нынѣ уже верхомъ по-Аглински, въ широкихъ панталонахъ и въ бѣлыхъ шелковыхъ чулкахъ.

*

Одинъ изъ лучшихъ друзей Кинольтовыхъ сказалъ некогда ему: „Любовница твоя прекрасна; но мнѣ кажется, что она не дальняго ума. Какъ можешь ты провождать цѣлые дни въ томъ, чтобы слушать ея рѣчи?“ — Славный Лирикъ отвѣтствовалъ: „Я не слушаю ее, но только смотрю на нее, когда она говоритъ.“

ПОЛИТИКА.

Г.

*Перечень известій изъ Лондона съ
19го Іюня по 7е Іюля.*

Г. Питчъ одержалъ, постоянною твердостью своею, верьхъ надъ соединенными усилиями старой и новой пропивныхъ Министерству сторонъ, и планъ его о защищеніи Государства чрезъ умноженіе регулярной арміи и уменьшеніе милиціи, бывъ весьма сильно оспариваемъ и оуждаемъ, наконецъ, по троекрапномъ онаго прочшеніи въ три разныя засѣданія, утвержденъ обоими Парламентами по большинству голосовъ. Такимъ образомъ тріумфъ Министровъ надъ своими соперниками былъ совершенный, и новое Министерство можетъ безо всякаго опасенія предлагать и принимать мѣры, соотвѣтственнѣйшія положенію неперемѣннихъ обстоятельствъ!

Какъ Министерство удостоверилось уже опытомъ, что оно не можетъ надѣяться на содѣйствіе, въ пользу Великобританніи, въ нынѣшней войнѣ которой либо изъ Державъ твердой земли: то

оно старается дѣлать тѣмъ вѣдущія на-
 пряженія къ дѣятельнѣйшему продолже-
 нію военныхъ дѣйствій, умноженіемъ
 сухопутной и морской силы. Хотя же въ
 Великобританніи вообще и не думаютъ,
 чтобъ Бонапарте, при нынѣшнемъ поло-
 женіи дѣлъ, а особливо въ настоящее
 время года, могъ рѣшиться, предпріять
 генеральную высадку на берега наши, не
 подвергая себя и всей своей арміи неиз-
 бѣжной опасности, быть жертвою волнъ:
 однакожь, съ одной стороны, полученныя
 здѣсь достовѣрныя извѣстія, что распо-
 ложенныя Бонапартиемъ вдоль береговъ
 100 тысячъ войска изъясляютъ уже явно
 неудовольствіе свое на то, что они, оста-
 ваясь въ теченіе цѣлаго года, большою
 частію въ лагеряхъ, въ совершенномъ
 бездѣйствіи, претерпѣваютъ крайнее из-
 неможеніе, а отъ того и немалый уронъ
 въ людяхъ; съ другой же, нѣкоторыя дви-
 женія, чинимыя во Французскихъ гава-
 няхъ, какъ-то въ Брестѣ, гдѣ находятся 23
 линейные корабля и нѣсколько фрегатъ,
 въ Булони, куда собралось уже до 1000
 канонерныхъ ботовъ и другихъ мѣлкихъ
 вооруженныхъ судовъ, и въ нѣкоторыхъ
 другихъ Портахъ, заставляютъ догады-
 ваться, что вся сія, съ такимъ хвастов-
 ствомъ возвѣщенная, экспедиція ограни-

читъ себя нѣсколькими частными нападеніями. На сей конецъ учинены повсемѣстно наилучшія оборонительныя пріуготовленія, дабы непріятель могъ встрѣшить себя повсюду дѣятельный отпоръ и неудачу. По поводу сего и Король прислалъ 6го Іюля въ Нижній Парламентъ слѣдующее посланіе:

„*Георгій Король!* Его Величество, увѣренъ будучи объ усердіи и приверженности вѣрныхъ своихъ подданныхъ и почитая само-важнѣйшимъ дѣломъ, наблюдать происшествія и надобности, могущія случиться, желаетъ, чтобы Парламентъ привелъ Его въ состояніе, принять всѣ тѣ мѣры, которыхъ обстоятельство требуютъ, и которыя могутъ быть нужны, для разстроенія и уничтоженія предпріятой и замысловъ непріятельскихъ.“

.....

О военныхъ дѣйствіяхъ получено здѣсь слѣдующее извѣстіе:

„Апрѣля 10го взято войсками нашими Батавское селеніе въ Вестъ - Индіи, *Суринамъ*, при чемъ гарнизонъ онаго, состоявшій изъ 2 тысячъ человекъ, здался военнопленнымъ и будетъ отправленъ изъ Вестъ - Индіи въ Голландію. Сверхъ того взяты тамъ: одинъ Батавскій фре-

гатъ о 32, одинъ бриггъ о 18 пушкахъ; 7 канонерскихъ лодокъ, 1 шонеръ и 3 купеческія судна. Селеніе сіе, находящееся въ Гвіанѣ, что въ Южной Америкѣ, при впаденіи рѣки Суринама въ Маръ дель Нортъ, отстоитъ только на $6\frac{1}{2}$ градусовъ отъ Полуденной Линіи и доставляетъ немалое количество сахара, кофе, гумми, бальсама, брусковой краски, табаку, красильнаго дерева и проч., отъ чего Амстердамская купеческая Компанія, производящая туда исключительный шоргъ, получаетъ великой барышъ.“

---

*Пересень извѣстій изъ Парижа съ 25 го Іюня
по 6 е Іюля.*

Генераль Моро освобожденъ дѣйстви-тельно изъ Тампльской шемницы и отправился уже изъ Франціи въ Испанію, подъ присмотромъ отряда отборныхъ жандармовъ, коими Генераль Савари командуешъ. Въ Барселлонѣ сядетъ онъ на какой-нибудь нейтральный корабль и отправится въ Сѣверную Америку. Супруга его поѣхала за нимъ, а тесть своей, Гжѣ. Гюлотъ, предоставилъ Моро законное полномочіе, продать все его недвижимое имѣніе во Франціи и перевести деньги за оное къ нему въ

Америку. — Такимъ образомъ политика Бонапаршева отдалила изъ Франціи человека, который, по своимъ правиламъ, патриотизму и пріобрѣтенной имъ отъ всѣхъ и каждаго любви, казался бытъ для него всегда и во всякое время опаснымъ!

Поелику Жоржъ не захотѣлъ просить прощенія у Бонапаршія: то онъ съ 11 другими совинновными гильйотинированъ на Гревской площади. Большая часть изъ нихъ кричали въ минузу казни: *да здравствуетъ Король!* а нѣкоторые хотѣли — было говорить къ народу: но стукъ, произведенный множествомъ барабановъ, заглушалъ всѣ ихъ крики. — Осьеро изъ присужденныхъ къ смерти заговорщиковъ, но кои прощени Императоромъ Наполеономъ, отправлены въ разные Замки, гдѣ они просидяли года, а потомъ изгнаны будущъ навсегда изъ границъ Франціи.

Въ Монитёрѣ помѣщенъ слѣдующій протестъ Графа Лилля (Лудовика ХVІІІ) данный въ Варшавѣ 6го Іюня 1804 года:
„Бонапарте, принимая на себя достоинство Императора и желая, чтобы оно объявлено было наследственнымъ въ фамиліи его, приложилъ имъ самыя печать къ похищенію имъ Верховной власши. Сіе новое дѣяніе революціи,

въ кошорой все, съ самаго начала, было ничтожно, не можетъ безъ сомнѣнїя ослабить права мои. Но какъ я въ поведенїи моемъ обязанъ отчетомъ всѣмъ Государямъ, кошорыхъ права оскорблены не мене, какъ и мои, и кошорыхъ Престолы потрясены опасными началами, кои предположить дерзнулъ Сенатъ въ Парижѣ; поелику я далѣе обязанъ отчетомъ Франціи, Фамилїи моей и собственной моей чести: то щипаль я, что измѣню общей пользѣ, соблюдая молчанїе при семъ случаѣ. По сему объявляю, возобновляя прошествованїя мои прошивъ всѣхъ незаконныхъ дѣяній, произведшихъ, времени собранїя Всеобщихъ Чиновъ, страшный переломъ (сгїфе), въ кошоромъ Франція и Европа находятся; объявляю въ присутствїи всѣхъ Государей, что я не только не признаю щипуль Императора, кошорый Бонапарте заставилъ себѣ дать Сословію, не имѣющему даже и законнаго существованїя, но и прошествую прошивъ сего щипула и прошивъ всѣхъ послѣдующихъ актовъ, къ кошорымъ оный можетъ подать поводъ.“

.....

Все готово теперь, по видимому, къ предпрїятїю экспедиція прошивъ Англіи:

но скоро ли она въ дѣйство произведена будетъ, время покажетъ?

Министръ опровергаетъ разсѣваемые непріятельскими Агенпами, чрезъ посредство иностранныхъ публичныхъ листовъ, слухи: о раздѣленіи Папскаго владѣнія; объ отъѣздѣ Неапольскаго Короля въ Сицилію и о предназначеніи сего Государя, возвратитъ опять въ Министерство Кавалера Актона; объ уступкѣ Портою Франціи полуострова Морен; объ отправленіи Франціею 60 тысячъ человекъ войска въ Италію, объявляя всѣ сіи слухи разпространяемыми въ томъ намѣреніи, чтобъ посѣять неудовольствие и подозрѣніе въ Европейскихъ Державахъ противъ Франціи.

II.

Открытія и изобрѣтенія.

Новѣйшее превосходное и многократнымъ опытами подтвержденное лѣкарство отъ талкотки и проспудныхъ грудныхъ болѣзней, съ сильнымъ кашлемъ сопряженныхъ.

Влейте въ чашку или въ рюмку одну или двѣ чайныя ложки сѣрнаго эфира чищаго, либо напипаннаго цыкушою,

какъ я скажу послѣ. Сію рюмку подно-
сятъ ко рту больнаго, такъ чтобъ онъ
могъ вдыхать въ себя паръ, изъ одной из-
ходящей, до тѣхъ поръ, пока эфиръ весь
изъ рюмки вылетитъ. Сіе должно повто-
рять отъ трехъ до четырехъ и пяти
разъ въ сутки, и продолжатъ мѣсяцъ
или недѣль шесть, болѣе или менѣе, смо-
тря по обстоятельствамъ. Для пред-
упрежденія безполезной траты эфира, на-
крываютъ сосудъ воронкою, и больной
беретъ въ ротъ конецъ одной для втяги-
ванія въ себя эфирныхъ паровъ.

Первое дѣйствіе сего благотворнаго
средства есть то, чтобъ производить въ
груди болящаго ощущеніе пріятной свѣ-
жести, уменьшатъ спѣсненіе и кашель,
и черезъ четверть часа учинятъ извер-
женіе мокротъ и дыханіе свободнѣйшими.
Второе дѣйствіе, лишь бы только употре-
бленіе другихъ цѣлительныхъ способовъ
не было опускаемо, есть утишеніе мѣст-
наго возпаленія, излеченіе чахотной
лихорадки и заживленіе ранъ въ легкомъ.

Я замѣтилъ, что спасительныя дѣй-
ствія эфира удивительнымъ образомъ
усиливаются отъ соединенія его со мно-
гими летучими веществами, изъ кото-
рыхъ лучшее для сего есть скиндула.
Взявъ довольно количество порошку изъ

высушенныхъ листьевъ сей травы, высыпаютъ оный въ сѣрный эфиръ и даютъ настаиваться дни четыре, или, много, недѣлю, не забывая всякой день взбалтывать по одному разу. На каждые восемь золотниковъ эфира кладу я ползолотника цикутнаго порошку. Опыты научили меня, что сія пропорція есть лучшая. Снопворные пары цикуты, достигая съ эфирными до больныхъ часпей груди, наилучшимъ образомъ утоляютъ боль. — Иногда паръ цикуты приключаетъ легкую неловкость и шошношу; но это очень скоро проходитъ.

Сіе лѣкарство въ особливости дѣйствительно при началѣ чахотки, когда щеки у больного бывають красны, также и въ той, къ которой присоединяется золотуха.

Когда чахотка сопряжена съ завалами въ брыжейкѣ, или въ другихъ внутреннихъ частяхъ, или будетъ при томъ разположеніе къ водяной болѣзни, то и тогда сіе лѣкарство оказываетъ хорошее дѣйствіе; но въ послѣднемъ періодѣ сихъ немощей ничего болѣе отъ него ожидать не можно, кромѣ временнаго облегченія.

Въ простудномъ сильномъ кашлѣ, паръ сѣрнаго эфира, напитааннаго цикушою, производитъ вождѣлннѣйшее дѣй-

спвіе , и въ такихъ случаяхъ довольно пользоваться онымъ , вышеписаннымъ образомъ , при или чепыре дни , а по большой мѣрѣ , недѣлю.

(Изъ *Biblioth. Physico-économique.*)

Спасительныя дѣйствія висмута въ нервическихъ желудочныхъ болѣзняхъ.

Изъ Женевы пишутъ , что висмутный порошокъ (*magisterium Marcasitae*) есть толь давно искомое специфическое , или собственно - дѣйствующее лѣкарство отъ продолжительныхъ (хроническихъ) и нервныхъ болѣзней желудка. Опыты , чинимые сямъ драгоценнымъ лѣкарствомъ , сколь ни многочисленны были , но всегда награждались вождельннѣйшимъ успѣхомъ. — Принимать сего порошка должно по грану раза чепыре въ сунки; сей прїемъ можно и увеличивать , смотря по надобности , до драхмы и болѣе. Въмѣсто того , чтобъ производить тошнопу , какъ цинковые цвѣты , висмутный порошокъ , напрошивъ того , опврацаетъ оную.

---

*Лѣкарство отъ коклюша, или судорожнаго
дѣтскаго кашля.*

Возмите девесильнаго или уманнаго корня фунтъ ; дайте ему недѣлю настаиваться въ хорошемъ ренскомъ уксусѣ, наливъ онаго на чешыре пальца сверхъ корня ; по прошествіи недѣли настойка сія выжимается. — Одержимому коклюшемъ дитяти дается сего лѣкарства по чайной ложкѣ, подсластивъ фіялковымъ сиропомъ. Если грудь отъ жестокаго кашля слишкомъ ослабѣетъ, то лѣкарство сіе должно приготавливать не съ уксусомъ, а съ бѣлымъ винограднымъ легкимъ виномъ.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

І Ю Л Ъ 1804.

№ 14.

ЛИТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Г Е Р Д Е Р Ъ.

*„Человѣкъ сотворенъ для ожиданія
безсмертія.“*

Сія мысль, поль драгоцѣнная для нрав-
ственности, поль сладостная для сердца,
поль славная для еспесива нашего, поль
нужная для порядка общественнаго, сіе
изящное слѣдствіе здравой Философїи, со-
ставляетъ текстъ одной книги Гердеро-
ва шворенія, подъ заглавіемъ: *Мысли, от-
носящіяся къ Философїи исторїи теловѣче-
ства* (*). Если мы находимъ унѣшеніе

(*) Ideen zur Philosophie d-r Geschichte, der
Menschheit, von Johann Gottfried Herder. —
Riga, 1785. — Erster Theil. — Viertes Buch,
parag. VII. — Fünftes Buch, parag. I. — VI.
No 14. 1

приводить себѣ оную на память въ ту мину, какъ смерть похищала у насъ сего знаменитаго Мужа, намъ также кажется, что нѣкоторыя извлеченія изъ сей книги составляяшъ доспойнѣйшее надгробное слово сему другу нравственности (*). Блаженъ, кто, оставляя сей свѣтъ, могъ въ послѣдніе свои часы отдать самому себѣ свидѣтельство, что посвящаль дарованія свои изысканію истинны, и кто во время сего спрашнаго

(*) Отрывокъ, предлагаемый здѣсь читателю, избрали мы для того, что въ немъ наиболѣе обнаруживается тотъ Платоническій характеръ, коимъ образовалъ всѣ писанія Гердеровы, оживлялъ умъ его и даже разговоры. Гердеръ присоединялъ къ блеску воображенія, къ тихому огню души чувствительной, голосъ весьма пріятный, видъ благородный и величественный и природное краснорѣчіе. Онъ имѣлъ ревностныхъ друзей; былъ добрый супругъ и добрый отецъ. — Предлагаемъ здѣсь стихи, передъ кончиною имъ сочиненные, съ вѣрнымъ переводомъ. Они выражаютъ послѣднюю мысль, которою онъ занимался; мучительныя страданія перзали его безпрестанно нѣсколько дней до смерти и поглощали почти всѣ его способности.

перехода, опираясь на ожиданіе будущности, могъ вкушать утѣшеніе, чпо

Er misst den Himmel, stillt die Meere!

Gericht und Recht ist um ihn her!

Er ist der Herr, der Gott der Heere!

Er ist! . . . .

In neue Gegenden entrückt,

Schaut mein begeistertes Aug umher... erblickt

Den Abglanz höherer Gottheit, ihre Welt,

Und diesen Himmel, ihr Gezelt!

Mein schwacher Geist in Staub gebeugt

Fasst ihre Wunder nicht und schweigt!

„ . . . . Онъ измѣряетъ небеса, смиряетъ моря; правда и судъ Его окружаютъ; Онъ есть Господь, Богъ силъ! Онъ есть! . . .

„Пренесенный въ новыя страны, кидаю вокругъ себя взоръ вдохновенный. Зрю міръ, отражающій блескъ выпренняго Бытія, сотворившаго оный; небо, служащее кущю Вѣчному! . . . Слабый духъ мой, нагбенный къ праху, не можетъ сносить зрѣлища сихъ священныхъ чудесъ. . . Онъ благоговѣетъ и — молчитъ! . . .“

Послѣ его смерти нашли перо его, лежащее на сихъ послѣднихъ словахъ.

„Онъ хотѣлъ, говоритъ его супруга, начертать еще нѣсколько строкъ; но Богу

укрѣпилъ благородное сіе чувствіе въ сердцахъ себѣ подобныхъ! Гердеръ не извлекалъ доказательствъ безсмертія души изъ ея несложности, какъ то дѣлалъ Боннетъ. Сія система показала ему слишкомъ много основанною на простыхъ догадкахъ и чуждою его цѣли. Планъ, которому онъ слѣдовалъ, былъ таковъ: Бросивъ сначала общій взоръ на всю систему творенія, замѣтилъ онъ возрастающую поспешенность, лѣстницу образованій, одно другаго совершеннѣйшихъ, способностей и силъ, отъ часу благороднѣйшихъ и дѣятельнѣйшихъ. Человѣкъ разумный, свободный и чувствительный составляетъ видимый верхъ сея лѣстницы. Никакая сила въ Нашурѣ не уничтожается; но переставъ дѣйствовать, въ известной системѣ, переносится въ другую различную. Цвѣтокъ увядаетъ,

---

угодно было отозвать его въ продолженіе сего благочестиваго упражненія.

Два славнѣйшіе Нѣмецкіе Писателя, Виландъ и Миллеръ, взялись издать вновь, первый его словесные труды, а вѣпорой историческіе. Братъ сего Миллера трудится теперь надъ изданіемъ его Богословскихъ сочиненій. . . Достойная дань, воздаваемая Генію Геніемъ!

дерево старѣется и разрушается; но стихіи или начала, составляющія ихъ, сохраняются съ природными имъ свойствами. Органическая сила, соединявшая стихіи и оживотворявшая цѣлое, равномерно не уничтожается; ибо ничто не изтребляется, хошя все измѣняется. „Сія сила, говоритъ Гердеръ, чистѣйшая и дѣятельнѣйшая всѣхъ прочихъ; сила, которая обнаруживается въ душѣ человеческой, можешь ли быть покорена другимъ законамъ? Сія сила, шоль очевидно господствующая надъ всѣми низшими организаціями, управляющая съ нѣкоторымъ всемогущесствомъ тысячами органическихъ силъ, присутствующая въ каждой изъ нихъ, — о чудо изъ чудесъ! — имѣетъ способность созерцать сама себя и управлять собою! Что можетъ сравниться въ тонкости, быстротѣ, дѣятельности съ мыслию человеческою? Что превзойдетъ волю его въ силѣ, пламенности и выпренности? Человѣкъ во всѣхъ дѣйствіяхъ ума своего, во всѣхъ своихъ предначинаніяхъ подражаетъ Божеству шворящему. Онъ подобится Ему своимъ умственнымъ всемогущесствомъ, даже и въ то время, когда употребляетъ во зло оное. Сія аналогія имѣетъ свое начало въ самой сущности души нашей. Но не уже ли сія

способность, одаренная преимуществомъ познавать Бога, любить Его, подражать Ему, и которая нѣкоторымъ образомъ нудится къ сему самыми законами природы своея — не уже ли, говорю я, сія великая законодательница земли, сія чудесная способность, должна уничтожиться единственно для той причины, что нѣкое побочное и внѣшнее составленіе переменится, и что нѣсколько подвластныхъ ей орудій ускользнутъ отъ нея? Предположеніе вздорное и удобное изпровергнуть всѣ наши понятія.“

„Всякая сила дѣйствуетъ въ Natuurѣ посредствомъ данныхъ ей органовъ; она тѣсно соединена съ этими органами и должна согласно съ ними дѣйствовать; но сія сила не единосуцна имъ: она имѣетъ бытіе отдѣленное; орудіе можетъ сокрушиться, но сила пребываетъ во всей своей невредимости.“ Гердеръ, послановивъ сей общій законъ Природы, принаравляетъ его потомъ къ бытію человѣческому. „Когда послѣдній часъ его ударитъ, когда внѣшній снарядъ, окружающій его, разрушится, что можетъ быть тогда естественнѣе, сообразнѣе съ вѣчными и первоначальными законами вселенныя, какъ чшобъ онъ соединился чрезъ нѣко-

торое симпатическое приращеніе со стихіями, ему сродными, чтобъ призывалъ и пріобщилъ ихъ къ самому себѣ? Или, лучше сказать, Ты влечешь тогда или призываешь къ Себѣ существенное начало бытія нашего, о Могущество Божественное, всюду разліянное, всюду дѣйствующее! Ты, Душа, движущая всѣ бытія, Источникъ, изъ котораго онѣ истекаютъ! Ты зовешь его къ Себѣ и пріуготовляешь по-малу къ новому его и вѣспреннѣйшему назначенію! — Такимъ образомъ изпровергаются сужденія Матеріалистовъ (вещественниковъ) прошивъ безсмертія души, хотя бы первыя ихъ предположенія и были допущены. . . . Какъ! Тотъ, Кто можетъ въ организаціи тѣла моего совокупить множество подвластныхъ силъ, копорый предписалъ законы каждой изъ нихъ, поставилъ душу мою владычицею надъ ними, снабдилъ ее сими чудесными орудіями, чрезъ которыя она управляетъ ими, Тотъ не умѣлъ бы найти въ тьмночисленныхъ смѣшеніяхъ Природы средства преводить сію душу къ другому порядку дѣйствій? Но не такъ ли поступать ему надлежитъ, когда онѣ привелъ уже ея въ органическое и вещественное ея жилище способомъ столь чудеснымъ, и копорой столь ясно возвѣщаетъ

намъ новое преобразование и совершеннѣйшее состояніе? . . .“

„Все, что называется организаціею, есть совокупленіе пружинокъ, расположенныхъ такимъ образомъ, чтобъ онѣ могли приводить какое либо вещество къ совершеннѣйшему образованію. Взглянемъ на распенія, которыя первыя въ системѣ тварей являющіяся лучамъ солнечнымъ въ органическомъ видѣ и оказывающія нѣкоторую власть надъ царствомъ существъ неодушевленныхъ. Онѣ привлекаютъ къ себѣ изъ нихъ всѣ стихіи. Какая же сила дѣйствуетъ симъ образомъ въ нѣдрахъ распенія? Сила внутренняя, органотворная, которая соединяетъ, уравниваетъ, связываетъ и подоботворяетъ самыя разнородныя вещества. Что производитъ распеніе съ помощію сея силы? Она развертываетъ, очищаетъ, уточняетъ сіи стихіи и даетъ имъ новую жизнь. — Взглянемъ теперь на животныхъ: онѣ питаются сокомъ распеній. Слоны одинъ есть уже гробъ тысячи прозябеній, но гробъ живой, дѣйствующій; поглощая ихъ, онъ нѣкоторымъ образомъ превращаетъ ихъ въ животныхъ; и такъ вопль еще органической силы низшаго разряда, которыя достигаютъ состоянія новой и полнѣйшей жизни! То же самое ви-

димъ и въ плотоядныхъ животныхъ. Природа учинила преобразованія весьма скоротечными, какъ будто спрашивалась она всего болѣе продлить переходъ смерти. Человѣкъ неоспоримо обладаетъ совершеннѣйшими органами изъ всѣхъ животныхъ, и онъ же, относительно, болѣе всѣхъ прочихъ снѣдается; онъ можетъ превращать въ собственную свою организацію почти всѣ существа, ниже его помѣщенные. — Для чего Творецъ далъ Своимъ созданіямъ сіе, по видимому, поль разрушительное направленіе? Не подпали ли онъ подъ власть непріязненныхъ силъ, которыя назначающъ одну породу въ добычу другой? Нѣтъ, безъ сомнѣнія! Совершимъ глаза съ простой, внѣшней оберпки, и не увидимъ болѣе смерти въ Природѣ. Всякое разрушеніе есть ничто иное, какъ переходъ къ совершеннѣйшей жизни. . . . Къ сей власти присуществлять къ себѣ подчиненныя стихіи, всякая органическая система присоединяетъ еще способность возобновлять существо собственной своей жизни и замѣщать себя на землѣ своимъ подобіемъ, которое наследуетъ всѣ его способности. . . . Такимъ - то образомъ представляется постепенность утонченій въ низшихъ царствахъ Природы. Но не уже ли сія по-

степенность должна остановиться въ благороднѣйшемъ и сильнѣйшемъ избранныхъ? Куда жь дѣваются сіи умственные силы, пребывающія въ чловѣкѣ, но ускользающія отъ чувствъ его? Здѣсь мудрая Натура опустила непроницаемую завѣсу и показала намъ только перевороты, ниже насъ совершающіеся; она даетъ намъ единственно приѣхать, что естество чловѣческое есть какъ бы оліяніе всѣхъ органическихъ подчиненныхъ силъ. Но поидемъ далѣе. Чловѣкъ носилъ на землѣ печать Божества и наслаждался совершеннѣйшею организаціею, какую только можетъ произвести земля. Не уже ли же Натура, солгавъ сама себѣ, остановилась здѣсь, или вдругъ назадъ отступила? Не уже ли чловѣкъ долженъ возвратиться въ состояніе животного, растенія или неодушевленнаго вещества? Или великая машина мірозданія здѣсь кончилась и не находилъ выше ни одного колеса, съ которымъ могла бы еще имѣть сдѣленіе? Сіе противно было бы понятію и не сообразно съ порядкомъ области сей вышней Мудрости, сей Божественной благости, гдѣ все тѣсно связано, гдѣ всѣ силы дѣйствуютъ одна надъ другою чрезъ постоянное смѣшеніе. Опустимъ глаза къ ногамъ нашимъ: не все ли, нами видимое, стремишся,

кажется, къ человѣческой организаціи? и какъ мы въ самомъ человѣкѣ видимъ только сѣмя того, чѣмъ бытъ должно ему, единственнаго начало инаго очевиднаго его назначенія, то весь порядокъ Природы, всѣ ея намѣренія были бы ничто иное, какъ сонъ, естли бы и человѣкъ въ свою очередь не долженствовалъ перейти въ лучшее состояніе, каковъ бы впрочемъ ни былъ темень мракъ, заспилающій сей таинственный путь.“

Гердеръ послѣ сего доказываетъ, что естество человѣческое есть система и совокупленіе умственныхъ силъ. Истинную сію выводитъ онъ, соотношенно своему намѣренію, изъ однихъ физиологическихъ наблюденій, опираясь болѣе всего на важный феноменъ, въ которой однакъ мы столь мало вникаемъ — феноменъ совѣсти, или того свидѣтельства, которое человѣкъ отдаетъ самъ себѣ въ мысляхъ своихъ и чувствіяхъ. Гердеръ приводитъ сравненіе, которое Матеріалисты употребляли столько во зло — сравненіе смерти со сномъ, и извлекаетъ изъ онаго новые доводы въ пользу безсмертія души.

„Когда послѣдній сонъ, говоритъ онъ, сонъ смерти овладѣетъ нашимъ скорбнымъ и изнуреннымъ тѣломъ, тогда, подобно какъ

обыкновенный сонъ освѣжаетъ и обновляетъ въ насъ источникъ жизни, умѣряетъ надмѣру ускоренное движеніе, такъ равно и сонъ смерти заживитъ въ насъ нѣкоторыя язвы, коихъ жизнь изцѣлить была не въ силахъ; доставитъ намъ отдохновеніе послѣ трудовъ жизни, пріуготовитъ душу къ радостному пробужденію, къ разсвѣту обновленной юности. Подобно какъ во время сна моего мысль прелетаетъ къ первымъ моимъ годамъ, и я, свергнувъ въ сіи минушныя нѣсколько вещественныхъ оковъ, меня обременяющихъ, чувствую себя свободнѣйшимъ и дѣятельнѣйшимъ, такъ почто, о сонъ благодѣтельный, сонъ смерти! приведешь ты меня паки къ опрочеству существованія, къ лучшимъ, живѣйшимъ онаго наслажденіямъ, и я наконецъ проснусь въ ихъ истинности, или, лучше сказать, въ несравненно чистѣйшемъ состояніи небесной юности!“

„Теперешняя наша натура есть ничто иное, какъ состояніе пріуготовительное: ростокъ цвѣтка, копорой долженъ разцвѣсть въ безсмертіи. Всѣ способности человѣческія утверждаютъ сіе назначеніе. Физическія способности суть только исполнители и подчиненные дѣйствованиямъ способностей душевныхъ; сіи въ свою

очередь направляются къ цѣли, до ко-
 рой на землѣ никогда совершенно дости-
 гнуть не возможно: разумъ спремится къ
 мудрости, воображеніе къ духу изобре-
 тательности, склонности наши ко сниска-
 нію изящнаго, всѣ наши душевныя дви-
 женія къ любви, къ любви къ человѣкамъ.
 Во всѣхъ съ отличными дарованіями лю-
 дяхъ сіе постепенное сближеніе естества
 нашего съ естествомъ Божественнымъ
 есть какъ бы трудъ цѣлой жизни. Не
 уже ли цѣль сія должна исчезнуть на-
 вѣки, въ ту самую минуту, когда мы
 наиболѣе къ ней приблизимся посред-
 ствомъ долговременныхъ усилій?... Слѣ-
 довательно мы имѣемъ справедливое пред-
 чувствіе, что участокъ нашего человѣ-
 чества, сходствующій съ естествомъ
 Божественнымъ, долженъ преселиться
 нѣкогда въ другую систему; сей участокъ
 нашего человѣчества есть сѣмя, заключа-
 ющее въ себѣ начало истиннаго и буду-
 щаго нашего существованія. Мы оставля-
 емъ землѣ то, чего она требовала отъ
 насъ. Сіи физическія нужды, подобно какъ
 и въ другихъ животныхъ, въ семъ на-
 шемъ вещественномъ обиталищѣ, выпол-
 нили назначеніе свое; онѣ должныствовали
 служить человѣку только временными
 случаями, для потребности несравненно

превосходнѣйшаго розряда; дѣло ихъ совершенно. Каждая изъ нихъ есиль ничто иное, какъ оболочка, скрывающая зародышъ истиннаго человѣчества. Блаженъ, когда наконецъ произрастетъ онъ и процвѣтетъ подъ лучшимъ небомъ! Истинна, краса, любовь, были предѣль, къ которому человѣкъ безпрестанно спремился, хотя часто и самъ того не вѣдая и совращаяся съ пути своего; но лабиринтъ, въ которомъ заблуждался онъ, показываетъ ему наконецъ выходъ; суетные призраки, его обольщавшіе, исчезаютъ; а Ты, о Промысль! Ты, Отецъ благодѣшельный! Ты, котораго чпилъ онъ въ образѣ Генія дружбы! Ты ведешь его снисходительною десницею къ сему предѣлу, о которомъ толь часто воздыхалъ онъ!"

„Мудрая Природа простерла завѣсу на сію будущность, которой непосредственный видъ имѣлъ бы надмѣру малое отношеніе къ шеперешней слабости нашей. Художница чудесная! мы зримъ въ породахъ, ниже насъ помѣщенныхъ, какъ опмешаемъ ты при каждомъ шагѣ то, что не шакъ совершенно и благородно; умѣряешь нужды, держащія бытіе въ земной зависимости, воздвигаешь зданіе душевности, пріугоповляешь по раз-

умѣніе, которое придаетъ вѣщное совершенство хорошему, повѣряетъ и украшаетъ изящное. Достигнувъ сей точки, невидимая рука Твоя довольствуется требованіемъ отъ насъ справедливаго, но слѣпаго довѣрія, и даетъ намъ предчувствовать будущее таинственное цвѣтеніе сѣмени челоуѣчества, въ насъ содержащагося. Челоуѣкъ! надѣйся, ожидай; но брегись предсказывать. Ты знаешь только, что послѣ сраженія предлежитъ тебѣ награда; опметай все, что не достойно челоуѣчества; стремись къ истиннѣ, къ добротѣ, къ красотѣ совершенной, и ты снищешь ихъ со временемъ! — Поступки Натуры въ преобразованіяхъ и въ поспешномъ усовершенствованіи дѣлъ ея показывающъ намъ также посредствомъ отношенія, для чего подвергнула она ихъ сну смерти. Сей сонъ есть ничто иное, какъ благодѣтельная мечпа, которою закрываетъ она отъ глазъ нашихъ бытіе, въ ту минуту, какъ органическія силы совершаютъ новое смѣшеніе. Твореніе само собою не имѣетъ довольно твердости, чтобъ быть свидѣтелемъ сей борьбы и сего переворота, а еще менѣе способно оно управлять оными по желанію своему. И такъ оно засыпаетъ мирно и пробуждается не прежде, какъ уже перемѣнивъ

видѣ. Слѣдовательно ночь гроба есть дѣйствіе отеческаго намѣренія. Чаша смерти содержитъ въ себѣ благопворный усыплятельный напитокъ, и во время дѣйствія онаго Напура собираетъ свои силы и совершаетъ переломъ, долженствующій изцѣлить усыпленнаго больнаго, изцѣлить — отъ великаго недуга жизни.“

„Теперешнее состояніе человѣка есть вѣроятнo почка соединенія двухъ различныхъ, но сопредѣльныхъ міровъ.“ — Сія мысль заключаетъ не только слѣдствіе Гердеровой книги, изъ которой предложили мы выписку, но вершинъ и вѣнчаетъ всѣ его изысканія о великихъ отношеніяхъ, о всеобщей системѣ законовъ Природы, и служитъ рѣшеніемъ чудесныхъ ея наружностей; мысль сія, какъ онъ говоритъ, есть великое слѣдствіе и верхъ истинной Философіи исторіи человечества.

„Она изъясняетъ намъ странныя противорѣчія, которыя человѣкъ въ самомъ себѣ заключаетъ . . . . Живописныя не предспавляютъ намъ такой противоположности; всѣ отношенія ихъ принадлежатъ къ землѣ . . . . Одинъ только человѣкъ противорѣчитъ цѣлому свѣту и самому себѣ; какъ живописное, онъ зависитъ отъ земнаго своего жилища; какъ чело-

вѣкъ, заключаетъ въ себѣ сѣмя вѣчности, которое въ другомъ только Едемѣ прозябнуть можетъ. Когда человекъ усредоточится единственно въ свои физическія выгоды, тогда бываетъ онъ на семь свѣтъ довольно щасливъ; но какъ скоро начнетъ стремиться къ сосоянію благороднѣйшему, то вездѣ встрѣчаетъ однѣ только несовершенства и ошибается въ расчетахъ.... Вся Исторія, сія непрерывная сцена предпріяшій, произшествій, переворотовъ, довольно ясно намъ сіе показываетъ. Изрѣдка возникаетъ мудрецъ, добродѣтельный Мужъ, которые сѣютъ хорошія мысли, шворятъ добрыя дѣла; но сіи мысли, сіи дѣла теряются въ великой рѣкѣ времени, иногда появляючися на поверхности волнъ, и вскорѣ стремленіе потока увлекаетъ ихъ.... все поглощается.... Причина сему оцупительна: сосояніе человека есть послѣдняя ступень земной лѣстницы, но также и первая новаго порядка существованія. На семь свѣтъ человекъ подобенъ младенцу, которой, играя, пріугоповляется къ жизни и упражненіямъ важнѣйшимъ. Онъ предспавляетъ въ самомъ себѣ какъ бы двѣ различныя вселенныя, и отъ сего - то происходитъ видимая двойственность его бытія.....“.

„Сіе славное сказаніе Лейбница, что душа есть зеркало вселенныя, заключаетъ, можетъ бышь, истинну гораздо глубочайшую, нежели обыкновенно думаютъ; ибо начало всѣхъ могуществъ вселенныя кажется какъ бы сокрытымъ въ душѣ нашей, и сіе начало для развитія своего имѣетъ по видимому надобность только въ другой организаціи, или въ свишѣ постепенныхъ организацій . . . . . Каждая изъ нашихъ способностей кажется бышь началомъ безпредѣльной силы и нѣкошораго рода инстинкта, которой откроется, какъ скоро не будетъ ему болѣе препятствія. Не находимъ ли мы слѣдовъ онаго въ нѣкоторыхъ чудесныхъ феноменахъ памяти и воображенія, иногда же въ феноменахъ самыхъ чувствъ нашихъ? Сіи феномены кажутся бышь священными и нѣкоторыми предчувствіями и даюшъ намъ прозрѣвать вдали сокровище, скрытое въ самой душѣ нашей. Мало до того нужды, что сіи феномены показывающся только въ состояніи болѣзни, или бывають дѣйствіемъ случайнаго расстройства, лишающаго насъ какой нибудь особой дѣйственности; самая даже несоразмѣрность, при томъ бывающая, нужна, дабы, посредствомъ нарушившагося равновѣсія, возвратишь какой нибудь изъ

нашихъ способностей всю силу и свободу, которыхъ она въ здоровомъ состояніи не столько имѣетъ, будучи обыкновенно ограничена и поработана . . . . Сей нижній міръ, на которомъ ноги твои теперь покояшся, скроется отъ глазъ твоихъ, когда начнешь ты существовать во всей полнотѣ бытія твоего и преселишься въ новое обиталище, съ которымъ теперешнее твое жилище смежно. Ты однакожь вкушалъ истинное добро на сей землѣ пріуготовленія; ты достигъ на ней до той организаціи, которая допустила тебя признать самаго себя чадомъ Неба. Оставь же ее безъ сожалѣнія, какъ лугъ, гдѣ, сынъ безсмертія, игралъ ты во младенчествѣ; оставь ее какъ училище, гдѣ получилъ ты спасительное воспитаніе скорби: ты не имѣешь болѣе надъ нею власти, ни она надъ тобою. Увѣнчанный лавромъ побѣды, свободный, радующійся возрожденію своему, брось безъ сожалѣнія страннической посохъ твоей . . . .“

„Какъ растеніе углубляетъ корни свои въ землю, воздымая величественный стебель къ солнцу, и господствуетъ надъ неодушевленной природою, начиная собою царство жизни, подобно такъ и человекъ,

помѣщенный на вершинѣ всѣхъ бышій, подъемлеть глаза и руки къ новому жилищу, ожидая призванія Благодарительнѣйшаго изъ Отцевъ!“

II.

Нѣкоторыя мысли Св. Климента Александрійскаго.

„Богачь! не подавай поводу говорить, что шивоя лошадь, неводьникъ или деревня спюють 15 или 30 талантовъ, когда самъ ты не спюишь прехъ полушекъ.“ *Pédag.*

„Богатство подобно змеѣ, копорую мудрый волхвъ можеть брать за хвостъ, не опасаясь бытъ укушеннымъ; но которая, извиваясь, смертельно уязвляетъ того, кто не вѣдаеть искусства ее заговаривать.“ *Pédag.*

„Испинныя нужды Природы суть мѣра наслажденій, какъ нога есть мѣра башмака. Бѣдноспію же можно назватъ только лишеніе необходимаго.“ *Pédag.*

„Еслии кто скажетъ, что видѣлъ праведника, не имѣющаго куска хлѣба, тому опѣтисшью, что сіе могло случисься только тамъ, гдѣ не было другаго праведника.“ *Pédag.*“

„Какое есть поле плодоносное поле, которое приносило бы столько, какъ благотворительность? *Cuinam agri tantum profuerint quantum gratificari?*“ *Pédag.*

„Да будетъ всегда одежда швоя соответстввенна лѣшамъ, состоянію, наружному виду, пошребностямъ и упражненіямъ швоимъ: *Congruant vestes aetati, personae, figuris, naturae, studiis.*“ *Pédag.*

„Есть люди, копорыхъ алчность сближаетъ съ подлѣйшими живошными; они ѣдятъ съ шакою жадноспію, что, кажешся, кладутъ въ желудокъ свой запасъ для долговременнаго путешеспвія, а не пищу для варенія!“ *Pédag.*

„Еспешественныя желанія ограничиваются довлѣющимъ: *quae sunt secundum naturam, circumscribuntur sufficientia.*“ *Pédag.*

„По мнѣнію Арпорія Врача, въ книгѣ: о долговременной жизни, должно пить не болѣе, какъ сколько пошребно для смоченія пици, еспшли кто желаетъ прожить долго.“

„Одежда изъ плотной шкани не шепла сама по себѣ, но только защищаетъ шѣло отъ стужи и не выпускаетъ изъ онаго еспешественной шеплоты.“ Замѣчаніе весьма справедлирое и согласное со здравою Физикою!“ *Pédag.*

„Обыкновеніе спать на перьяхъ и пуху весьма вредно; такая постель еще *мягче* самаго сна: *ipso somno mollius*. Она обертываетъ тѣло со всѣхъ сторонъ и чрезъ то портитъ въ желудкѣ пищу, вмѣсто того, чтобъ помогать варенію оной; постель твердая и ровная есть истинное поприще, (*somni veluti naturale gymnasium*), на которомъ человекъ долженъ предаваться сну.“ *Pédagog.*

„Сонъ, подобно алчному мышарю, заставляя насъ дѣлать съ нимъ половину нашей жизни.“ *Pédagog.*

„Частое употребленіе бань изнуряетъ тѣло и ослабляетъ природную бодрость. По сему не должно ходить въ баню безъ необходимой нужды. Греки называли бани *ниенемъ*, значущимъ *кожевни*, потому что онѣ размягчаютъ испканіе кожи.“ *Pédagog.*

„Женщины, излишно занимающіяся нарядами, не видятъ, что, доставляя себѣ чуждую красоту, теряютъ свою природную. Онѣ мучатся съ упренней зарисываніемъ себя разными вредоносными составами, которыя снѣдаютъ свѣжесть ихъ кожи. Онѣ частаго мытья увядаютъ цвѣтъ красоты ихъ. Тѣло ихъ, отъ употребленія сихъ медленныхъ отравъ, лишася твердости своей и упругости, не можетъ бороться съ болѣзнями, ихъ постигающими; онѣ оскорбляютъ

великаго Художника , ихъ сотворившаго , какъ будто не довольно даль Онъ имъ прелестей.“ *Pédag.*

„Занимаясь единственно нарядами и оставляя въ небреженіи всѣ другія попеченія, пребывающъ онъ безъ движенія, подобно живописнымъ картинамъ, сдѣланнымъ только для того, чтобы на нихъ глядѣть; сіи женщины забываютъ, что онъ созданъ управлять семействомъ своимъ и хозяйствомъ.“

„Онъ подобны Египетскимъ храмамъ, которые подъ блистательнѣйшею наружностію, подъ златомъ и лазурью, скрываютъ кошку, змѣю или крокодила. Если проникнуть сквозь сихъ великолѣпныхъ одеждъ, сквозь бѣлилъ и румянъ, то не найдешь подобія Божества, но душу развратную и презрѣннѣйшее животное.“

„Несмысленныя женщины! вы не вѣдаете, что, умащая власы благоуханіями, вы теряете ихъ и заставляете сѣдѣть прежде времени; ибо ароматы ихъ изсушаютъ.“ *Pédag.*

„Женщина, обременяющая себя съ такою разшочипельностію золотомъ и драгоценными камнями, кажется, боится, чтобы не почли ее за рабу, еслили появишся она безъ сихъ украшеній.“ *Pédag.*

„Удивляюсь, за что называли злочестивцами и атеистами Евемера, Никанора, Диагора, Θεодора и многихъ Философовъ, которые вели мудрую и скромную жизнь и лучше другихъ чувствовали безразсудность ученія, преподаваемаго въ ихъ времена о Божествѣ; ибо хотя они и сами не дошли до истинны, но по крайней мѣрѣ сдѣлали большой шагъ къ оной, признавъ заблужденія свои.“ *Ad gentes.*

„Одинъ Философъ очень справедливо сказалъ Египтянамъ, оплакивавшимъ смерть Аписа: *Если вы почитаете его Богомъ, то не оплакивайте его; если же оплакиваете, то не почитайте Богомъ.*“

„Метрагирѣы, жрецы Кивилы или Цибелы, матери боговъ, просятъ подаянїя на жертвы и праздники сея богини. Антистенъ отвѣчалъ имъ однажды: „Боги безъ сомнѣнїя кормятъ мать свою въ спарости ея, и она не имѣетъ нужды въ шоей помощи.“ *Ad gentes.*

„Вашъ Орфей, по утвержденію Платоновъ, умягчалъ тигровъ пѣнїемъ своимъ; но Богъ Христіанъ, призывавъ людей къ истинной Религїи, сдѣлалъ больше, ибо умягчилъ дичайшаго изъ всѣхъ звѣрей — человека.“ *Ad gentes.*

„Безъ солнца, не взира на другія звѣзды, шьма покрывала бы вселенную;

и естѣли бы мы не были просвѣщенны словомъ Божіимъ, то ничѣмъ бы не разнились отъ сихъ птицъ, копорыхъ кормятъ въ темнотѣ для смерти.“ *Ad gentes.*

„Заплашимъ Богу поклоненіемъ и благочестіемъ за жилище, которое даетъ Онъ намъ въ семь свѣтѣ, и за благая, копорыя вкуситъ Онъ наиъ здѣсь дозволилъ. Безъ сомнѣнія, Онъ даруетъ намъ весьма многое за малую цѣну. За нѣсколь-ко вѣры отдаетъ намъ землю, копорую мы воздѣлываемъ, воздухъ, копорымъ дышемъ, воду, копорую пьемъ, и сію другую, по копорой плаваемъ, сей огонь, сильный споспѣшникъ трудамъ нашимъ, наконецъ цѣлой свѣтѣ, изъ котораго дозволяетъ Онъ намъ посылать въ небеса щасливыхъ переселенцевъ.“ *Ad gentes.*

„Люди, слушающіе прилѣжно слово Божіе, не дѣлаясь отъ того лучшими, подобны рыбамъ, копорыя, обитая въ морскихъ водахъ, пребываютъ безвкусными, и для употребленія въ пищу надлежитъ ихъ солить.“ *Strom.*

„Земля и вода заключаютъ въ себѣ сокровища ненужныя; небо тебѣ отверсто, но ты не ищешь въ немъ Бога и роешь земныя нѣдра, для извлеченія изъ нихъ волопа и драгоценныхъ камней: трудъ

постыдный, на которой законы осуждаютъ у насъ преступниковъ!“ *Pédag.*

„Вы прешли всѣ степени жизни, не сдѣлавшись лучшими; вы были младенцами, опроками, юношами и мужчинами, но никогда не были добрыми; уважьте по малой мѣрѣ старость вашу и, приближаясь къ предѣлу жизни, учинитесь умеренными, презвыми и справедливыми, дабы конецъ вашъ былъ для васъ началомъ спасенія.“ *Ad gentes.*

„Пускай придутъ поклонники вашихъ идоловъ и художники, ихъ образовавшие, Фидій вашъ и Поликлестъ, Праксипель и Апеллесъ: я скажу имъ, что искусство ихъ презрѣнно, и что они суть ничто иное, какъ грубые, земные художники грубаго и земнаго вещества. Кто изъ нихъ оживотворилъ безчувственную глину? кто сотворилъ кости, удобныя расти и содержащія въ себѣ жидкій мозгъ? кто натянулъ нервы? кто наполнилъ жилы кровью? кто просперъ кожу? кто создалъ глаза, удобныя видѣть? кто вложилъ въ твореніе свое душу и жизнь? Богъ одинъ совершилъ сіи чудеса, потому что Его искусство превосходитъ всѣ прочія. Онъ одинъ могъ одѣлать живую, одушевленную спашую — человека.“ *Ad gentes.*

„Какая есть всеобщая и единственная мѣра вещей? Богъ, который всегда равенъ и подобенъ самъ Себѣ, который измѣряетъ и вѣситъ все, и содержитъ Природу въ удивительномъ равновѣсіи.“
Ad gentes.

III.

Путешествіе въ Воскресенскій монастырь, называемый нынѣ Новымъ Иерусалимомъ.

Оставляю васъ, мрачныя спѣны города! оставляю — и съ радостнымъ сердцемъ, съ мирною душою повергаюсь въ объятія нѣжной Природы. — Но, увы! не надолго продлится разлука моя съ вами, — не надолго дышать буду чистымъ, свѣжимъ воздухомъ и наслаждаться мирнымъ, спокойнымъ жилищемъ, отдаленнымъ отъ всякаго шума и суеты мірскихъ — не надолго; потому что я не могу, подобно рѣзвой птичкѣ, свободно перелетать съ мѣста на мѣсто: но, будучи подвластенъ, долженъ тихимъ полетомъ своимъ слѣдовать за пѣви, которые меня опышнѣе.

Ахъ! когда придетъ то время, когда, достигнувъ совершеннаго возраста, въ состоянїи буду располагать самимъ собою, своимъ временемъ, и дѣлать оное въ бесѣдованїи съ добрыми Генїями мирнаго уединенїя, съ Генїями сельской Природы! — Тогда буду совершенно щасливъ, доволенъ собою; тогда предамся спре-мленїю своего духа и неразлучно буду жить съ тобою, милая Природа!

Три дни пройдутъ скоро! думалъ я, сядя съ моими товарищами въ коляску, кошорая должна была насъ везти въ Воскресенскій монастырь: — три дни пройдутъ скоро; въ минуту пролетитъ это время; Но какъ быть? Наилучшїй способъ успокоить себя есть — довольствоваться и малымъ; — должно покориться судьбѣ своей! — —

Воскресенская дорога очень прїятна. Безпреспанно занимался я разсмаptrиванїемъ нѣхъ предметовъ, которые встрѣчались моему взору. Какіе прекрасные виды! Съ одной стороны огромной Петровской Дворецъ; съ другой лагерь, въ коемъ спояли при полка; тамъ плодоносныя поля; здѣсь зеленыя, цвѣтущїя луга, на коихъ паслось многочисленное стадо. Подалѣе частая рожь, обѣщающая обильную жатву; за нею мирныя хижинны

спокойныхъ земледѣльцевъ, а вдали шѣнистая, дубовая роща.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Петровскаго Дворца остановились мы среди обширной долины и расположились ужинать на одномъ возвышенномъ мѣстѣ. Тутъ протекала Москва рѣка въ длинныхъ излучинахъ своихъ. Блѣдный свѣтъ луны, изображающейся въ водѣ на подобіе огненнаго столба; томное журчаніе ручейка, упадающаго въ рѣку; безмолвная тишина долины, нарушаемая однимъ только шумомъ колеблемыхъ Зефиромъ листьевъ; словомъ, все сіе представляло для глазъ великолѣпнѣйшую картину и придавало ужину нашему болѣе пріятности, болѣе вкусу. — Разсматривая такимъ образомъ Природу, и не могши налюбоваться прелестными ея видами, вспомнилъ я одного изъ моихъ знакомыхъ, Г. Бр. * * *, холоднаго, нечувствительнаго человека, спрасшнаго обожателя Радклиффы, который, дыша, такъ сказать, одною ею, нѣсколько разъ спорилъ со мною, что описанныя въ твореніяхъ ея картины гораздо превосходнѣе картинъ самой Природы. — Жаль, очень жаль, что романтическое перо ея сильно подѣйствовало на его сердце и, слишкомъ очаровавъ его воображеніе, испортило вмѣстѣ и вкусъ!

Послѣ легкаго, но пріятнаго ужина, отправились мы опять въ дорогу и, не много проѣхавъ, остановились ночевать въ Аннинскомъ селѣ Графини А* Р* Ч*. Мягкая мурава соспавляла постель нашу, и пространное небо было нашимъ кровомъ. — Тихой вечеръ, безмолвная ночь! вы оспанешесь незабвенными въ моей жизни! — — Сонъ нашъ не долго продолжался. Лишь только утренняя заря, предвѣстница лучезарнаго солнца, начала румянить край восточнаго неба, какъ уже говорятъ намъ: „коляска гопова!“ — Эта минуша хопя нѣсколько была и не пріятна для путешественника, привыкшаго въ городѣ просыпаться цѣлое утро; но мысль, что ѣду въ Новой Іерусалимъ, буду видѣть всѣ тамошнія рѣдкости, пробудила въ душѣ моей новую искру живости. Немедленно садимся въ коляску. Сладоспная дремота смыкаетъ еще мои вѣжди. — Но вдругъ возходитъ свѣтлозарное солнце. Устремляемъ взоры на величественную картину Природы и, теряясь мысленно въ красотѣ сего зрѣлища, нечувствительно пріѣзжаемъ въ Воскресенской монастырь.

Первымъ предметомъ моего любопытства была огромная Соборная церковь Воскресенія Христова, въ которой въ то

время отправляли раннюю обѣдню. Величественное зданіе! прекрасная архитектура! — — Вошедъ въ оную, былъ я внѣ себя отъ удивленія, и не зналъ, куда обратишь свои взоры. Вездѣ вкусъ! вездѣ пріятность! вездѣ великолѣпіе! — — На каждомъ шагу представляющся для глазъ новыя картины! — Согласное пѣніе монаховъ, святоспъ сего мѣста, благоговѣніе, живо изображающееся на лицахъ всѣхъ молящихся, великолѣпіе храма: все это сдѣлало такое впечатлѣніе въ моемъ сердцѣ, что я въ шу же минути палъ предъ Престоломъ Всевышняго и принесъ Ему усердныя мои молитвы.

Потомъ началъ я осматривать церковь (*). Внутренность ея хорошей архитектурѣ и ошмѣнной во всѣхъ частяхъ соразмѣрности.* Огромный иконостасъ простирается почти до самаго свода. Насупротивъ онаго возвышается высокой шатеръ конической фигуры, котораго верхъ былъ прежде каменной; но какъ по чрезмѣрной тяжести своей въ 1725мъ году обрушился, то теперь вмѣсто его

(*) Она сдѣлана по модели, привезенной изъ Іерусалима Келаремъ, Арсеніемъ Сухановымъ, которая и доселѣ еще хранится въ ризницѣ.

придѣланъ деревянной. Внутренность сего шатра, освѣщена будучи 75 ю окнами, съ тремя рѣзными позолоченными хорами, и украшена также живописными картинами, по огромности и великолѣпному виду своему, представляеть прекрасное и вмѣстѣ удивительное зрѣлище. Любопытство побудило меня, презрѣвъ всякую опасность, взлѣзть на самую вершину онаго. Пробираюсь по узкимъ и почти непроходимымъ лѣстницамъ стоило мнѣ немалого труда; страшная усталость, чувствуемая во всѣхъ членахъ, была послѣдствіемъ сего отважнаго моего предпріятія. — Внизу подъ этимъ шатромъ видишь палатку, покрывающую гробъ Господень, и снаружи украшенную отличною работою, рѣзбою, позолотою и живописью.

На лѣвой сторонѣ, саженьхъ въ десяти отъ гроба Господня, находится дерковъ, сооруженная стараніемъ и иждивеніемъ усердной Ревнительницы вѣры, благодѣтельной вдовствующей ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ, МАРИИ ТЕОДОРОВНЫ. — Серебро, мраморъ и превосходная живопись ослѣпляютъ глаза каждаго, кто ни войдетъ въ храмъ Св. Магдалины, въ храмъ, воздвигнутый рукою нѣжной Матери Отечества.

Изъ олтаря сего прошелъ я въ темницу Хриспову, въ которой представленъ Спаситель во весь ростъ сидящимъ на пѣдесталѣ о трехъ ступенькахъ. — Смотри на Сшрадальца за родъ человѣческой, ручьями потекли слезы изъ глазъ моихъ; и я, ставъ предъ Нимъ на колѣни, съ чувствомъ сердечнаго умиленія поцѣловалъ у Него ногу, и скорыми шагами удалился отъ сего прогашельнаго изображенія. — —

Послѣ темницы Христовой достойна примѣчанія Голгофская церковь, представляющая лобное разпятіа Христова мѣсто, въ которую сходу внизъ 35 ступени. Прекрасной иконостасъ оной и богатая ризница устроены комнатною суммою блаженной памяти Императрицы **ЕКАТЕРИНЫ II.**

Оттуда пошелъ я поклониться Святѣйшему Патріарху Никону, котораго тѣло находится въ ономъ монастырѣ съ правой стороны Соборной церкви. Большія, тяжелыя вериги, висящія надъ гробомъ сего Священителя, родили въ душѣ моей еще больше почтенія къ сему Великому Основателю Воскресенскаго монастыря, къ истинному Генію человѣчества, къ живому образу Безсмертныхъ! — —

Наконецъ, обозрѣвъ всѣ церкви и придѣлы, находящіяся въ семь монастырѣ, число которыхъ простирается до тридцати пяти, пошелъ я въ ризницу.

Воскресенская ризница довольно богата. Кромѣ драгоценныхъ ризъ и одеждъ Патриаршихъ, достойны примѣчанія въ оной: 1. Мощи Св. Мученицы Татианы, съ правой руки ладонь съ четырьмя перстами безъ указательнаго, подаренныя Царевною Татианою Михайловною въ 1691 мѣ году, въ серебряномъ позолоченномъ ковчегѣ, который Государыня Императрица, **ЕКАТЕРИНА Великая**, по усердію Своему къ Св. Мученицѣ, повѣла возобновить и украсить, отпустивъ на то довольною сумму. 2. Богатый, опмѣнной живописи Образъ Св. Магдалины, присланный вдовствующею **ГОСУДАРЫНЕЮ ИМПЕРАТРИЦЕЮ, МАРИЕЮ ТЕОДОРОВНОЮ**, съ Рескриптомъ о построеніи олшаря на имя сей Святой Равноапостольной дѣвы. Исполнилось благонамѣренное желаніе благодарительной, крошкой души ЕЯ! — — Образъ сей, обложенный разными драгоценными камнями, оцененъ въ двенадцать тысячъ рубл. 3. Двѣ шапки Патриарха Никона, изъ которыхъ первая, осыпанная жемчугомъ и брилліантами, цѣною въ двадцать семь тысячъ

рубл., а вторая въ восемь тысячъ рубл. Но болѣе всего понравилась мнѣ спарая, оборванная большая шляпа Никона, въ кошорой онѣ при строеніи монастыря ходилъ на работу и самъ собою подавалъ каменщицамъ примѣръ дѣятельности и трудолюбія. Она сполько мнѣ понравилась, что я, въ сильномъ жару поцѣлвавъ ее нѣсколько разъ, возкликнулъ къ удивленію всѣхъ окружающихъ меня: *Не промѣнялъ бы я этой оборванной шляпы на всѣ сокровища ризницы!* — — Почтенны остатки древности! почтенна память Великаго Мужа!

Изъ ризницы прошелъ я въ библіотеку, въ которой видѣлъ довольное число Славенскихъ, Латинскихъ, Нѣмецкихъ, Французскихъ и другихъ иностранныхъ книгъ. Между прочими рукописьми находятся шуть древнія Евангелія на Славенскомъ языкѣ, писанныя самымъ стариннымъ почеркомъ на пергаментѣ въ то время, когда еще не знали употребленія печати въ Отечество наше. Рѣдкія драгоценности, шѣмъ еще болѣе, что онѣ, какъ и многія другія, находящіяся въ сей библіотекѣ, книги, подписаны собственною рукою Папрїарха Никона!

Осмотря библіотеку, пошелъ немедленно въ Виолеевъ, находящійся въ нѣ-

сколькихъ шагахъ отъ Соборной церкви, гдѣ, по причинѣ великаго числа комнатъ и переходовъ, имѣлъ я нужду въ Аріадниной ниткѣ. Тутъ представляются взору вашему четыре церкви, сооруженныя въ 1775 мѣ году стараніемъ Императрицы **ЕКАТЕРИНЫ АЛЕКСѢЕВНЫ** II. Примѣрная архитектура! рѣдкая живопись! — Названіе сихъ Виолеевскихъ храмовъ есть слѣдующее: 1. *Поклоеніе волхвовъ*; 2. *Избѣженіе отъ Ирода младенцевъ*; 3. *Бѣжаніе во Египетъ*; 4. *Обрѣзаніе Господне*.

На другой день, по утру, вставъ въ четвертомъ часу, пошелъ я съ почтеннымъ З* осматривать окрестности монастырскія. Какія картины! какой воздухъ! — — Съ одной стороны представляются взору цвѣтущія поля, за которыми видны обширные луга; съ другой кудрявая, березовая роща. Тамъ вдали простирается посадъ Воскресенской, хотя не столько красивой зданіемъ, но пріятной своимъ мѣстоположеніемъ. Тутъ рѣка Истра, называемая Иорданомъ, обтекая излучиною монастырь, представляетъ оной въ видѣ гористаго полуострова. — Долго смотрѣли мы на сіи прекрасные виды, и не могли налюбоваться ими. — Одна мысль, что скоро принуждены бу-

демь разстаться съ симь прекраснымь , романическимь мѣстомь , была тяжостна для сердца ! — Наслаждаясь сею картиною Природы , вдыхая въ себя ароматическїй воздухъ , споялъ я неподвижно на одномь мѣстѣ и , можеть бытъ , простоялъ бы цѣлой день въ этомь положенїи , естлибь З* не вывелъ меня изъ заблужденїя , напоинивъ мнѣ , что время уже возвратишься домой и успокоишь шѣхъ , копорымь долговременное отсутствїе наше легко можеть причинить скуку. — Тогда простился я съ шѣнистою рощею , съ зеленымь лугомь — и невольный вздохъ вырвался изъ груди моей !

Возвращаясь домой , не много отдохнули и пошли въ Никонову пустыню , прїосѣняемую высокими березами. Она вся каменная о четырехъ эшажахъ ; окружность ея состоитъ изъ 17 сажень , а вышина по конецъ креста въ 7 саж. съ половиною. Двѣ церкви , двѣ трапезы и десять маленькихъ келїй съ тремя сѣнми заключаютъ оную. — Въ сей - то пустынѣ Патрїархъ Никонъ наслаждался безмятежными минушами своей жизни , и въ мирномь уединенїи возкрилялъ духомь къ вѣчности. Тяжелыя вериги составляли весь его уборъ , и голой камень (которой и теперь еще находится въ пу-

спынѣ) служилъ ему вмѣсто постели. —
Таковъ былъ образъ жизни сего Великаго
Пастыря! —

Изъ пустыни пошли мы вдоль по
дорогѣ и черезъ нѣсколько минутъ очу-
тились на томъ возвышенномъ мѣстѣ,
которое называется теперь Елеонскою го-
рою, и находится разстояніемъ отъ мо-
настыря на полверсты. На сей-то горѣ
Царь АЛЕКСѢЙ МИХАЙЛОВИЧЪ бесѣ-
довалъ съ Папріархомъ Никономъ, и на-
значили мѣсто для постройки монасты-
ря; по чему, вмѣсто памятника, соору-
женъ на ней каменной крестъ съ прилич-
ною тому надписью. — — Тутъ сѣла мы
въ коляску и, кинувъ послѣдній взоръ на
монастырь и на пріятныя его окрестно-
сти, поскакали въ Столицу.

Мысль о Папріархѣ Никонѣ, какъ о
первомъ основателѣ монастыря сего, рав-
но и объ Архіепископѣ Амвросіѣ, (быв-
шемъ тамошнимъ Архимандритомъ), какъ
о ревностномъ обновителѣ онаго, чрезъ
всю дорогу занимала мою душу. Имъ-тѣ
обоймъ обязанъ я тѣмъ удовольствіемъ,
которое чувствовалъ, смотря на ихъ рѣд-
кія произведенія. — Память ихъ пребу-
детъ незабвенною въ Лѣтописяхъ міра и
никогда не изгладится изъ благодарнаго
моего сердца.

IV.

Евграфъ Петровичъ Батуричъ.

Съ нѣкотораго времени вошло въ обыкновеніе говорить, писать только о умершихъ великихъ людяхъ. Прекрасное правило! ибо гордость и мѣлкіе умы не находятъ себѣ лица. Но для чего въ поже время лишашь молодого, пылкаго чело-вѣка свѣденій о достоинствахъ своихъ со-отчичей, которые живутъ, украшенные, увѣнчанные лаврами послѣ дѣлъ своихъ почтенныхъ? Онъ видѣлъ въ Римѣ Фа-бриція, Регула, Торквата, Коріолана, Гракховъ; видѣлъ въ Греціи Ари-стида справедливаго, Сократа мудраго,Themistocle, Милпіада, Алкивіада, Си-мона, Книгира и тысячу другихъ моло-дыхъ Мужей. Опъ дѣлъ ихъ кровь вол-нуется у него, быстро разливается по всему существу его. Онъ льетъ слезы отъ чувствъ добродѣтельныхъ; онъ хо-четъ подражать имъ; онъ любитъ свое Отечество, любитъ своего Государя. Но вдругъ вопрошаетъ: Не уже ли нѣтъ и нынѣ между Россіянами таковыхъ, коихъ бы видѣть можно было, слышать объ нихъ отъ другихъ, или отъ самихъ, какъ они достигли славы, что они сдѣ-лали? Увѣренъ, что благовоспитанный

Россіянинъ, въ концертѣ ли, въ театрѣ, на балѣ — ездѣ, гдѣ бы онъ ни былъ — ищетъ, находитъ того, который личными своими подвигами извлекаетъ у него слезы.

Вотъ его сластолюбіе душевное! вотъ его торжество! Онъ спѣшилъ домой, читаетъ Плутарха, Полибія, Ксенофонта, Эуклида, Тита - Ливія, Тацита, Роллея, Верто; занимаютъ его Вобанъ, Монтенукули, Принцъ Евгеній, Конде, Тюренъ, ПЕТРЪ Великій, Суворовъ, Румянцовъ, Шереметевъ, Яковъ Долгорукій и многіе другіе. Онъ съ Аннибаломъ взбирается на Алпы, проходитъ болопа, земли; съ Суворовымъ переходитъ Чертовъ мостъ, преодолеваетъ самую ужасающую Природу; въ авангардахъ съ безспрашнымъ Баграціономъ, съ Александромъ Великимъ доходитъ до Индіи; съ Сократомъ въ Аѳинскомъ Лицеумѣ — вездѣ съ ПЕТРОМЪ Великимъ. Все это дѣлаетъ для того, что Б. . . такъ дѣлалъ, и тѣмъ достигъ славы; Мужъ, котораго онъ любитъ, обожаетъ. Онъ знаетъ, увѣрилъ себя, что, безъ пяти и десяти лѣтъ занятій, въ тишинѣ бесѣдуя съ умершими великими людьми, не лѣзя сдѣлать того, что Б. . . сдѣлалъ; ибо мужество, безъ свѣденій воинскихъ, безъ

Краснорѣчія, Исторіи и Географіи, ничто иное, какъ Ливійскій левъ, котораго одинъ искусный ловецъ привозитъ въ Европу и показываетъ стекшемуся народу, смѣется надъ напрасными усиліями ярящагося свирѣпаго льва. Напрошивъ — мужество увеличивается при познаніяхъ; на примѣръ Исторія и Краснорѣчіе и слабому духомъ даетъ геройство, и онъ производитъ чудеса во время войны и мира.

Вотъ причина, для чего мнѣ пріятно описать дѣйствіе человека, котораго душевно почитаю, люблю, и въ глазахъ коего началъ познавать истинну. Бывъ руководимъ ею — утвердился въ неоптѣемлемыхъ правилахъ: поклоняюсь Богу и славословию Его; люблю Государя, Отечество, ближняго, и страшись говорить неправду!

(*) Уже солнечные лучи готовы были освѣщать; мраки рѣдѣли, Варшава въ покоѣ, жители въ объятіяхъ сладкаго утренняго сна; тишина ничѣмъ не пре-

---

(*) Кому не извѣстно несчастное произшествіе, случившееся въ Варшавѣ въ 1794 мѣ году, когда несправедливое кровопролитіе было причиною слѣдствій, для Польши неожиданныхъ? Въ книгахъ Судебъ такъ написано — должно безмолвствовать и смиряться; но нѣкто:

рывалась. Дни святые давали чувствовать нечто умиленное; при оборотах благошворнаго свѣтила совершаются, и народъ Христіанскій возкликнетъ, воспетъ, радостію исполненный, Воскресеніе Бого-человѣка. Всѣ нетерпѣливы; каждый хочетъ облобызать друга и врага своего; всякой желаетъ смириться въ духъ; крамолы, распри, неудовольствія исчезнутъ гошвы, подобно ночи при возходѣ первой живительной Планеты; все въ мирѣ — какъ вдругъ раздастся выстрѣлъ: эхо повторяетъ глухо оный; другой громче отъ арсенала Польскаго; выстрѣлы становятся чаще. Спрахъ, недоумѣніе, пробуждаютъ городъ. Ужасъ объемлетъ слабодушныхъ; мужество оцущаютъ Герои. Все въ движеніи: полъ, возрасты, сословія возстаютъ; друзья осиротѣли; гнѣвъ засупаетъ мѣсто въ душахъ ихъ. Стихія тысячей — плачь, уныніе. Тогда - то Преміеръ - Маіоръ Бапуринъ съ подобными ему (*) твердь и непо-

---

рья подробности сего случая будутъ конечно пріятны друзьямъ Россіи и справедливости.

(*) Оказавшіе себя: Титовъ, Вимпфенъ, Князь Гагаринъ, Мейеръ, Тищевъ, Депре-радовичъ, Поспелниковъ, Дороховъ, Русковъ

колебимъ пребылъ, видя у арсенала одно орудіе Руское; подъ карпечными выстрѣлами привозитъ къ нему на помощь другое (*), у котораго на пути Поляки всѣхъ канонеровъ побили. Батуричь не теряетъ духу, соскакиваетъ съ лошади; самъ, со сроднымъ ему мужествомъ, природною силою и проворствомъ, заряжалъ обѣ пушки, пока изъ гранодеръ набрались въ канонеры, по его же разторопности; чрезъ то непріятельскія орудія замолчали, и онъ, съ Рускими подвинувшись впередъ, взялъ ихъ орудіе.

Едва шумъ утихло, Батуричь летитъ на крыльяхъ неустрашимости къ другому мѣсту, гдѣ Поляки изъ трехъ орудій стрѣляли на одно Руское, у коего всѣ почти канонеры были побиты и орудіе оставлено. Батуричь съ другими

Леонидъ, Парфенъевъ, младый Игельштромъ и многіе другіе.

(*) Рускихъ было въ Варшавѣ девять баталіоновъ пѣхоты, шесть эскадроновъ конницы; козаковъ не болѣе 150 и 40 орудій; у Поляковъ регулярныхъ войскъ пять тысячъ, тысячъ до 30 мужиковъ и мѣщанъ вооруженныхъ и болѣе ста орудій. Женскій полъ также дѣйствовалъ прошивъ Рускихъ.

Офицерами бросился, и устоялъ такъ, что оставленное орудіе начало дѣйствовать; а между тѣмъ онъ же закричалъ солдатамъ, чтобъ съ другаго двора напали во флангъ Польскимъ орудіямъ. Пришля сѣ, Поляки начали съ орудіями отступать. Батуриный, горя любовію къ Отечеству и вѣрностію къ Великой ЕКАТЕРИНѢ, съ обнаженною саблею кинулся на одно орудіе; за нимъ бросилось и нѣсколько солдатъ, но, не добѣжавъ шаговъ десяти, прострѣлили храброму Батурину правую ногу — онъ палъ, но свидѣтели его мужества съ Маіоромъ Депрерадовичемъ взяли сію пушку.

Пришедъ въ чувство, Батуриный, перевязавъ ногу, видѣнъ снова прекрасный, осанистый на конѣ; и какъ домъ начальника Рускихъ съ тылу окруженъ былъ Поляками, Батуриный тамъ... — Солдаты, завидя его, бьютъ уже съ неутомимымъ безстрашіемъ врага, выгоняютъ онаго со двора; по повелѣнію его, заваливаютъ ворота, и стрѣльба въ домахъ на противной улицѣ умолкла. Такъ поступаютъ Рускіе солдаты, имѣя Батурина, или ему подобныхъ предводителей!

Солнце склонялось къ западу, когда Подполковникъ Тишовъ съ однимъ башалѣ-

ономъ шелъ соединиться съ главнымъ корпусомъ. Батуринъ вывозитъ на улицу орудіе и, сдѣлавъ нѣсколько выстрѣловъ картечами, способствовалъ мужественному Тишову съ ними соединиться.

Я пропускаю малости, свойственныя каждому храброму Офицеру всѣхъ народовъ; но скажу, что когда всѣ, и самъ Главнокомандующій, хотѣли на договоръ здаваться, и уже нѣсколько трубачей къ непріятелю посылали, Батуринъ пропи-
вишся и, подобно Ксенофону, взялъ на себя сдѣлать возвратный походъ, говоря: „Рускіе или бьютъ, или съ оружіемъ умираютъ!“ Отдавъ приказы, по какимъ улицамъ должно идти, самъ подъ картечными выстрѣлами повелѣвалъ; всѣхъ съ двора Комиссіи проводя, послѣдній съ онаго выступилъ, не смотря на то, что съ трехъ сторонъ нападеніе было. Въ семь мѣстъ Батуринъ говоритъ свидѣтелямъ своего мужества, знаній и присутствія ума: „Ребята! храбрыхъ солдатъ всегда менѣе погибаетъ, и одинъ только способъ живыми остаться, сквозъ городъ пробиться; ежели же не удастся, умремъ храбрыми Россіянами; знайте, Поляки никому пардону не даютъ!“ Солдаты закричали: „Идѣмъ, идѣмъ, не робѣемъ!“

Казалось, что все исполнится по предписанію Батурина: но Генерала кто-то уговорилъ, и не по шѣмъ улицамъ пошли, по которымъ было назначено, и наконецъ въ такое узкое мѣсто завели, что улица не шире двухъ сажень; на ней стоятъ два орудія Польскихъ, и картечами вдоль по оной производятъ стрѣльбу. Батуринъ, соединясь съ западнымъ полкомъ, ужаснулся, и видя, что разсуждать не время, вскричалъ: „Ребята! друзья! ура! ура! за мною!“ бросился на пушки; но едва пробѣжали нѣсколько шаговъ, всѣ почти были убиты. Батуринъ остался живъ, который послѣ того нѣсколько разъ кидался впередъ — никто ни съ мѣста; однако уговариваніемъ, угрозами, прозьбою, возвратилъ нѣкоторымъ мужество — и они, выстрѣливъ, побили всѣхъ канонировъ; одинъ только остался, въ коего выстрѣловъ болѣе десяти сдѣлали, и никто не могъ попасть; а онъ оба орудія одинъ заряжалъ, и какъ подвинутся къ нему, то выстрѣлишь картечами и всѣхъ положитъ. Тутъ опять Генералы хотѣли здаваться, попому что съ нѣмъ также облегли Россіяны.

Между шѣмъ Батуринъ, внимая только гласу чести, съ храбрѣйшими солдатами впередъ подвигался и, подошедъ

близко къ орудію, со слезами уговаривалъ солдатъ идти за нимъ; но они въ такую робость приведены были, что нейдуть съ мѣста. Тогда истинно-Руской, честь храбрыхъ, Батуриный, повторяю, вырываетъ правою рукою знамя у знаменосца, не смотря, что лѣвая рука его въ сей улицѣ была прострѣлена и палецъ оторванъ пулею; кровь обаграла всего, но онъ не чувствуетъ боли, не видитъ крови; душа его исполняется славою Отечества, ЕКАТЕРИНЫ, своею. Умереть за Отечество — поржество Батурина. Онъ кричитъ солдатамъ: „Подлыя души! вы не достойны знамена имѣть; я лучше хочу честно умереть, нежели съ вами служить.“ Сіи слова имѣли свое дѣйствіе: бросились за Батуринымъ, и наконецъ мужественный Польскій канонеръ оставилъ орудіе.

По другимъ улицамъ также были разставлены орудія: должно было ихъ брать — и Батуриный, видя робость ратниковъ Рускихъ, началъ ихъ саблею бить, плашмя и остріемъ. Такимъ усиліемъ, встрѣчая тысячу смершей, продрались сквозь городъ, сперва не болѣе 20 человекъ, а вскорѣ около шести) сошъ

присоединились къ Батурину, которыхъ сей Герой осшановилъ, собралъ и поставилъ за встрѣтившимся болотомъ, а между тѣмъ конница Руская проскакала сквозь ихъ и ушла.

Батуринъ вскочилъ на лошадь, поскакалъ къ Прусской конницѣ, которая начала показываться, чтобъ она подала помощь имъ. Когда храбрый Батуринъ сядилъ на лошадь, шагахъ въ десяти Уланы проскакали, палили; но Богъ сохранилъ Батурина, и онъ только лишился пальца на рукѣ, и чрезъ нѣсколько мѣсяцовъ, излѣчась отъ ранъ своихъ въ Кенигсбергѣ, явился опять на полѣ славы, подъ начальствомъ великаго, неподражаемаго, вѣчно - побѣдоноснаго Князя Италійскаго, Графа Суворова-Рымникскаго, и получилъ за многія дѣла четвертой степени крестъ Ордена Святаго Георгія Побѣдоносца. Походъ кончанъ въ Польшѣ — Батуринъ Подполковникомъ полетѣлъ въ Персію, подъ начальствомъ храбраго, умнаго, всѣми любимаго Графа Валеріана Александровича Зубова.

Теперь онъ Подполковникомъ, наслаждается, въ двѣдцать лѣтъ еще своихъ, въ вѣчныхъ занятіяхъ славою; — гошовъ

снова быть полезнымъ Отечеству и Государю своему.

Издашеть Твердости духа
нѣкоторыхъ Россіянъ.

Бель - Вю (*)
7 го Іюля, 1804.

V.

*Рѣчь Польскому Королю, Станиславу
Августу, въ защищеніе Греко - Россій-
ской церкви, въ то время гонимой
Поляками, говоренная Бѣлорускимъ
Епископомъ Георгіемъ въ Варшавѣ
1765, года Іюля 27 го дня.*

Обремененный узами языковъ Учитель, Павелъ, поржественно призналъ себя щастливымъ, имѣя въ Царѣ Агриппѣ судію, о дѣлахъ его довольно свѣдущаго. Сколь же большимъ щастіемъ должны похвалиться мы, видя въ Высочайшей Особѣ Вашей Государя и Верьховнаго Судію, не

(*) Загородный домъ, на 13й верстѣ по Пешергофской дорогѣ, принадлежащій Его Высочайшему Превосходительству, Александру Львовичу Нарышкину. Благосклонностію хозяевъ пользуется Из. Твер. духа нѣк. Росс. № 14.

только обо всемъ, слѣдственно и объ насъ — свѣдущаго, но и всѣми добродѣтелями преукрашеннаго! мы, которыхъ въ продолженіи толкаго множества лѣтъ принуждаютъ влачить оковы, наложенныя на совѣсти наши. Не нужно намъ здѣсь пространнымъ словомъ оправдываться и доказывать, что мы все сіе претерпѣваемъ понапрасну: ибо не безызвѣстно Вашему Величеству, что какъ предки наши, такъ и мы никогда и никакого не сдѣлали преступленія ни предъ вселюбивѣйшимъ Отчествомъ, ни предъ Августѣйшими Королями, но всегда — слѣдуя примѣру нашихъ праотцевъ — готовы собственною кровію ознаменовать вѣрность нашу къ Королевству и Главѣ оного. Изповѣданіе Греческой вѣры составляетъ всю нашу вину; но Ваше Величество ясно видите, заслужили ли они сами по себѣ быть въ узахъ рабства? Религія наша совершенно согласна съ Римско-Католическою во всѣхъ главныхъ догматахъ и тайнствахъ; не согласна она или въ самыхъ малостяхъ, или въ поспановленіяхъ человѣческихъ; да и въ семъ разѣ, не слѣдуя влеченію совѣсти, она не была бы съ нею не согласна: такъ возможно ли сказать безъ жалости, что моль малый недоспашскъ, удобо заглади-

мый Христіанскою любовію, произвелъ толико ужасный раздоръ между единодушными чадами церкви Христовой? Мы Христіане, Христіанами угнетаемые, — вѣрные, болѣе невѣрныхъ гонимые! для насъ заповорены храмы наши, въ которыхъ прославляютъ Христа, между тѣмъ какъ отверзши Іудейскія Синагоги, гдѣ изрыгаютъ хулу на Святѣйшее Имя. За то, что мы не исполняемъ человѣческихъ прихотей, не перетолковываемъ превѣчнаго Божія закона и не отваживаемся смѣшивать неба съ землею — за то, говорю, называютъ насъ сизмашиками, ерешиками; богоотступниками; за то, что слѣдуемъ по гласу совѣсти, насъ осуждаютъ на заключеніе въ темницы, на сѣченіе розгами, на позорную смерть, на сожженіе! Естьли въ самомъ дѣлѣ мы сіе заслужили: то для чего Великій Казимиръ, знаменитый оный Польскій Король, присоединивъ къ Польшѣ Россію, соединилъ и Греко-Россійскую церковь съ Римско-Католическою, не какъ рабу съ владычицею, но какъ свободную, какъ союзницу, дозволивъ ей пользоваться правами и преимуществами, общими той и другой? Для чего ревностный по вѣрѣ Ягеллонъ, издавъ строгій законъ противъ ерешиковъ, вырывавшихся изъ Богеміи,

не примѣшилъ въ нашей Религїи никакого пятна ереси? Для чего священнаго онаго корня новѣйшая отрасль — Сигизмундъ Августъ, утвердилъ своими привиллегїями, предъ лицомъ всего Свѣта, что наша Религїя никому не заграждаетъ пути даже къ самымъ высокимъ достоинствамъ? Для чего преславный погожь вѣка Польскій Сеймъ, вмѣстѣ съ своими ревностными въ защищенїи вѣры Епископами — Мужами, благоразумїемъ и благочестїемъ преукрашенными — подтвердилъ съ своей стороны тѣ же привиллегїи безъ всякой перемѣны? Для чего, наконецъ, благороднѣйшіе Польскіе Кавалеры, обыкновенно при чтенїи Евангелїя обнажавшіе свои мечи изъ ревности повѣрѣ, не погубили насъ тѣми же мечами, естли они находили мнѣнїя наши врошквными Евангельскому ученїю? Сїи и многїя сїмъ подобныя доказательства невинности нашей подробно извѣстны Вашему Величеству; а сего довольно, чтобъ не смѣяясь намъ въ защищенїи своего дѣла, не упомная уже о великихъ Вашихъ добродѣтеляхъ, которыя ободряютъ насъ несомнѣнною въ томъ надеждою. Вы, Всепресвѣтлѣйшій Король! имѣете ревность по вѣрѣ Римско - Каполической, но ревность чистую и весьма благоразумную; имѣете особенное попеченїе о раз-

пространеніи благочестія, но средствами Апостольскими; имѣете благородный жаръ защищать догматы вѣры, но не равнымъ образомъ постановленія чловѣческія; имѣете примѣрное благочестіе, но несогласное съ надеждами лицемѣра — святошаща; имѣете рѣдкую къ едино-вѣрцамъ любовь; но она простирается на всѣхъ Вашихъ подданныхъ вмѣстѣ съ Вашею кротостію, будучи сопровождаема всегдашнею мудростію и правотою. И такъ намъ должно бышь совершенно бездушными, естли мы хопя подумаемъ, что Ваше Величество, при всемъ Вашемъ добродушии и благоразуміи, унизитесь предъ Царемъ Агриппою, предъ Царемъ безъ добродѣтелей, но по имянному велѣнію котораго освобожденъ отъ узъ Павелъ; тѣмъ болѣе, что Агриппа имѣлъ надъ собою Кесаря, а Вы отъ Бога поставлены надъ нами и Царемъ и Кесаремъ. Мы совершенно увѣрены, что Ваше Величество, по неограниченной Своей власти, Всемилоспивѣйше укажете возвратишь намъ и совѣстямъ нашимъ прежнюю свободу. Съ сею прозьбою повергшись къ стопамъ Вашимъ, мы умоляемъ Царя Царей, да утвердишь Онъ на многія лѣта въ десницѣ Вашей сіе презнаменитое Королевство, яко въ десницѣ избраннѣй-

шаго, добродѣтельнѣйшаго изъ смертныхъ, и да содѣйствуетъ, чтобы Вы, превосходя всѣхъ Вашихъ предшественниковъ, Королей Польскихъ, числомъ единыхъ душныхъ желаній, за Васъ изліянныхъ, равно превзошли ихъ благополучіемъ, знаменитостію дѣяній и долгоденствіемъ Вашей жизни.

Впрочемъ Всепресвѣтлѣйшая всея Россіи Императрица, какъ единственная Религіи нашей Покровительница, препоручаетъ дѣло наше на благоразсмотрѣніе Вашего Королевскаго Величества при Своей Императорской Грамотѣ, которую я съ глубочайшимъ благоговѣніемъ подношу Вашему Королевскому Величеству.

Пер. съ Латинскаго Я. Брд... іѣ.

Любители Словесности, судя по слабому переводу, отдадутъ должную справедливость подлиннику, особливо узнавъ о скромности достопочтеннаго Автора, съ какою онъ отвѣчалъ Станиславу Августу на вопросъ: Много ли у васъ такихъ умныхъ людей? — „Я самый послѣдній,“ былъ его отвѣтъ.

Брд. —

Письмо къ Издателямъ Вѣстника.

М. Г. м.!

„Благосклонность, съ которою вы обѣщали помѣщать въ вашемъ Вѣстникѣ отечественные анекдоты, изображающіе добродѣтели нашихъ согражданъ, старающихся человѣколюбивыми своими поступками заслужить подражаніе современниковъ, отъ пошомства же нелестную похвалу, побудила меня представить вамъ примѣръ рѣдкія добродѣтели, шѣмъ болѣе достойный уваженія, что, содѣланна вшайнѣ, мнѣ лишь только одному предъ симъ извѣстна, скрывалась понынѣ подъ завѣсою скромности, съ шѣмъ, какъ кажется, дабы появилась нынѣ во всемъ блескѣ красоты и величія.“

„Сумскаго гусарскаго полку Полковникъ и Кавалеръ, Ципрїянъ Антоновичъ Баронъ Крейцъ, извѣстный уже Публикѣ по великодушному шайному пособію, другой годъ тому назадъ оказанному одному изъ благородныхъ согражданъ его, опкрывшему, не взирая на его скромность, имя шоль почтеннаго благодѣтеля, достоинъ того, дабы увѣковѣчить память добродѣтели сего друга человѣчества спра-

редливыми похвалами предъ Публикою за
новый опытъ его челоѡколѡбїя. — Не
лесть, но истинна и безпристрастная
дружба моя къ нему руководствуетъ въ
семь случаѡ моимь перомь. Не только
его, но и всѡхъ, кто поступаетъ по дви-
женїю чувствительнаго своего сердца, я
желалъ бы прославить: они достойны
всѡхъ жертвъ моего къ нимъ благоговѣнїя.

„Еще въ Февралѡ мѡсяцѡ достойный
сей Офицеръ, ѡхавъ единожды, по долж-
ности своей, изъ слободы Жегайловки,
гдѡ квартируетъ онъ съ своимъ эскадро-
номъ, въ Штабъ - квартиру, состоящую
въ Сумахъ, сопровождаемый Маѡромъ по-
гожъ полку, Федоромъ Сергеевичемъ Ду-
ровымъ, челоѡкомъ, равно почитаемымъ
въ кругѡ благомыслящихъ за его прекра-
сное сердце, сбился съ дороги въ темную
ночь посреди дремучаго лѡса. Къ щастїю,
они увидѡли издали блѡдной свѡтъ и,
приблизась къ нему, нашли, при подо-
швѡ горы, въ чащѡ лѡса, обветшалую
храмину, а въ ней живущаго въ уединенїи,
какъ послѡ того узнали, оставнаго Офи-
цера, Маѡра Чемоданова, который, из-
пытавъ всѡ превратности своенравнаго
щастїя и, бывъ обнесенъ несправедливо,
оставленный самыми друзьями, удалился
туда, дабы посвятить себя единственно

Философїи, какъ единой утѣшительницѣ несчастныхъ, и чрезъ то избѣгнуть будущихъ злаго рока ударовъ.“

„Уединенный любомудрецъ угостилъ странниковъ по возможности своего состоянія. Любопытство сослуживца Барона было велико знать, по какому случаю заслуженный Офицеръ, украшенный знаками отличія, оказавшій храбрость свою въ четырехъ бывшихъ войнахъ, предпочелъ всему глухую пустыню. Скромность хозяина не могла никакъ удовлетворить желаніе чувствительнаго Барона, однако не оспановила его стремленія бытъ полезнымъ забытому всѣми. — Препятствіе сіе тѣмъ болѣе возламенило добродѣтельное сердце сего филантропа. Онъ послѣ того всевозможныхъ искалъ средствъ, дабы узнать подробно о приключеніяхъ сего Офицера, заставившихъ его оставить людей и, увѣдомясь случайно о семъ отъ одного изъ сослуживцевъ его, написалъ тотчасъ къ Министру внутреннихъ дѣлъ безъимянное письмо, которое, по дружбѣ своей ко мнѣ, онъ мнѣ прочиталъ, съ тѣмъ однако, дабы я хранилъ впайнѣ сей его поступокъ, который вѣрно былъ бы сохраненъ мною, если бы вышеупомянутый Маіоръ Дуровъ объ ономъ умолчалъ: по тому что жъ

удержашь меня нынѣ можешь отъ увѣдомленія о семъ Публики?“

„Достойный благошворнаго АЛЕКСАНДРОВА Царствованія Министръ, сей прямо добродѣтельный Мужъ, чувствующій и довѣренностію своею у Престола крепости облегчающій спраданія несчастныхъ, доложилъ о семъ челоѣколюбивому нашему Типу. Безпримѣрный въ благошвореніи ГОСУДАРЬ Высочайше повелѣшь соизволилъ Графу Ливену, спросить уединеннаго пустытника, какой награды онъ желаетъ за прешерпѣнные имъ спраданія. О семъ челоѣколюбивомъ запросѣ узналъ я отъ Изправника Ахтырскаго уѣзда, Гна. Ольховича, доставившаго Гну. Чемоданову оное письмо, которое было причиною узнанія здѣшняго Округи объ укрьвшемся отъ общества людей, гонимомъ судьбою, вышереченномъ Офицерѣ. Здѣсь я себѣ представляю сего любомудрца изумленіе и радостное возхищеніе, когда онъ, сверхъ всего своего чаянія, получилъ письмо Графа Ливена, объявляющаго ему Монаршее благоволеніе. Что тогда подумалъ уединенный пустытникъ? Онъ вѣрно со слезами вѣщаль къ себѣ: Какое благодѣтельное существо представило меня Генію челоѣколюбія? Какой смертный,

одаренный шоль нѣжными чувствами, открылъ спраданія мои Божеству, обитающему на землѣ, изцѣляющему недуги горестнаго сердца — Божеству, чешвертый уже годъ осѣняющему Своею благостію, милосердіемъ и челоуѣколюбіемъ миліоны народовъ? Это былъ первый лучъ надежды, блеснувшій надъ его хижиною, покрытою доселѣ мракомъ безнадежной неизвѣстности.“

„Но таковое возхищеніе его сколь ни было велико, могло ли сравниться съ симъ возторгомъ, копорымъ вся здѣшняя Округа объята была, и нынѣ еще возхищается, узнавъ о полученіи на сихъ дняхъ вшоричнаго Гм. Чемодановымъ письма отъ Графа Ливена, въ кошоромъ онъ увѣдомляетъ его о Высокомонаршей милости, опредѣлившей дослѣдочное на всю жизнь его содержаніе! Тушь перо мое останавливается. — — Я не въ силахъ описать чувствованій, коими прензполнена душа моя. Кому принестъ я долженъ въ жертву всѣ чувства моего сердца, мою признательность, удивленіе, благоговѣніе, мой возторгъ, взирая на всѣ сіи существа шоль добродѣпельныя, шоль благошворительныя? Кто первымъ былъ орудіемъ новаго щастія челоуѣка, въ глухомъ уединеніи не имѣвшаго почти

никакой надежды въ поправленіи несчастной доли своей? Кто первый дружелюбною рукою опверзъ дверь пустынной его хижины, и представилъ обществу покрышаго ранами и знаками отличія ратника, умомъ просвѣщеннаго и добродѣтельнаго душею?“

„Баронъ! другъ несчастныхъ! другъ сердца моего! прими предъ лицомъ всей Публики, прежде сего еще почишавшей тебя, прими нелicenseмѣрную мою признательность! Ты забываешь о себѣ; ты самъ довольно гонимъ судьбою... твоя собственная добродѣтель спржадетъ... отъ зависти; и ты, презрѣвъ собственную твою пользу, занимаешься только благомъ спржадущаго, равно добродѣтельнаго, который отнынѣ почиташъ тебѣ будешъ своимъ благодѣтелемъ. Какое счастье для смертнаго, благотворить подобному себѣ!.....“

„Какого достоинѣ почтенія, какой славы сей Вельможа, украшенный всѣми дарами счастья, но не гордящійся ими, напрошивъ того, почитающій самъ своего Вельможеслва удобнымъ орудіемъ къ покровительствованію угнетенныхъ, ко вспомоществованію немущихъ, къ облагодѣтельствованію всѣхъ къ нему пришекающихъ! Достоиный Министръ!

сколь завидна участь твоя! Ты одаренъ нѣжнымъ, сострадательнымъ сердцемъ; предстоишь предъ Изсточникомъ щедротъ, откуда почерпаешь оныя не для себя, но для одержанныхъ недугами горести, бѣдности, печали и опчаянїя. Сколь велика добродѣтель твоя! Ты внималъ гласу безъизвѣснаго друга челоувѣчества; ты представилъ молющему оспраждующемъ челоувѣколюбивѣйшему изъ Монарховъ. Вельможи мїра сего! учись; се вамъ образецъ добродѣтели! се вамъ примѣръ, какъ должны вы, будучи возвышены, приближаться къ воплю страждущихъ!“

„Взирая на исполинскїе успѣхи челоувѣколюбїа, производящїя по всей пространной Имперїи существа, склонныя къ стремишельному желанїю шворить взаимно себѣ добро, не должны ли мы благословишь тотъ день, въ кошорой ясное солнце благости и милосердїя озарило насъ? Ошдаленнѣйшїе вѣки завидовать будущъ нашему благоденствїю, коимъ мы наслаждаемся подъ сѣнїю мирнаго Ангела челоувѣколюбїа. Да укажущъ мнѣ несчастныхъ, о коихъ спраданїи узнавъ сей нѣжный Отецъ народа не поспѣшилъ бы вдругъ къ облегченїю горестной ихъ судьбы!“

„Сколь желанно было бы, чтобы составленъ былъ Журналъ челоѣколюбія, въ которомъ помѣщанъ должны бы Издатели онаго благопворишельные поступки нашихъ согражданъ. . . Ихъ число довольно велико. — Но кто ихъ къ благопворенію побуждаетъ? кто оживляетъ чувства сострадашельнаго ихъ сердца? Благое Божество, управляющее и покровительствующее Россію.“

Ив. . . Зол. . . цкій.

Г. С.

1804 года,

Іюля 10 дня.

VII.

*Письмо изъ Гжатска къ Издаателямъ
Вѣстника.*

М. Г. м.!

„Находясь при управленіи вошчинъ Его Сіяшельства, Князя Василья Васильевича Долгорукаго въ Смоленской Губерніи, Гжатскаго уѣзда, съ начала осьмисотшаго года, замѣтилъ я, что въ первые годы большая часть младенцовъ

обоого пола и разнаго возраста умирали отъ свирѣпости натуральной оспы; но прошлаго 1802 года имѣлъ я щастіе получить коровью оспу отъ сосѣда моего, Дворянина, Ивана Дмитріевича Спогова. Я посылалъ къ нему маленькую 5 лѣтъ дѣвочку, на кошорую съ руки на руку была принята коровья оспа, а отъ оной дѣвочки было привито въ теченіи 15 мѣсяцовъ дворовымъ означеннаго Князя Долгорукаго человекомъ, подъ присмотромъ Можайскаго Шпабъ-Лѣкаря, Гна. Менщикова, мужеска полу осьми сямъ тридцати четьремъ, да женска полу семи сямъ девятнадцати человекамъ, въ томъ числѣ были семеро отъ 20 и до 25 лѣтъ, а всего обоого пола тысячѣ пяти сямъ пятидесяти тремъ человекамъ, которые всѣ перенесли оную благополучно и не имѣли никакихъ болѣзненныхъ припадковъ; а по тому и натуральной оспы совсѣмъ почти не слышно стало. Въ началѣ нынѣшняго 1804 года, по болѣзни означеннаго человека, которой былъ употребленъ для прививанія, она я оспа пресѣклась; но нынѣ вторично досталъ я ее отъ другаго сосѣда моего, Дмитрія Петровича Смирнова, и начали продолжать прививаніе оной съ вѣщшимъ стараніемъ, причемъ я

самые крестьяне, увидѣвъ пользу сего спасительнаго изобрѣтенія, охотно дають дѣтей своихъ для привитія коровьей оспы, и даже просятъ, чѣобы оная привита была онымъ.“

Имѣю честь быть, и проч.

Д. Н.

Юля 28 го,

1804 года.

Гжатскъ.

VIII.

П а р и ж с к і я М о д ы.

Юля 8.

Для параднаго наряда стальь входитъ опять въ большое употребленіе; имѣть стальную шпагу, стальную цѣпочку къ часамъ и стальную перлицу: на шляпѣ, заполированные на-манеръ алмазовъ: наконецъ — гарнитуръ стальныхъ же пуговицъ, естъ верхъ щегольства, и считаешся дороже, нежели естлибъ все это было золотое.

Какъ ни одна щеголиха не носитъ нынѣ по двѣ юпки, а поднявъ робу свою, должна она показатъ свою сорочку: то

Дамы, показывающія свои сорочки, выдумали шить оныя на - манеръ юпки, вышивая края ихъ, или присовокупляя къ нимъ легкую фалбалу. И такъ сорочка у модницы должна или обложена быть батистомъ со складками, или вышита съ широкимъ кружевомъ.

Кавалеры носятъ рендготы только по утрамъ; носить же оныя ввечеру считается страшнымъ нарушеніемъ предписаній Моды. Цвѣтъ рендготовъ долженъ быть не очень свѣтелъ и не очень теменъ.

Мода, носить множество перстней на пальцахъ, почти совсѣмъ уже прошла; естли же для парада и носятъ перстни, то они должны быть или жемчужные, или алмазные; цвѣтные же дорогие камни для перстней совсѣмъ не употребительны. Небогатая щеголиха дѣлаютъ себѣ бриліантовыя кольца, которыя въ одинъ день служатъ имъ вмѣсто перстней, а въ другой вмѣсто серегъ. — Модные перстни какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ, состояются изъ золотого кольца, къ которому прикрѣпляется гравированный въ древнемъ вкусѣ камень, безъ оправы и осыни.

Для выѣзду щеголихи потребенъ ;
 кромѣ четверни прекрасныхъ лошадей и
 лакея на запяткахъ , еще берейтеръ,
 который скачетъ напередъ , платитъ
 деньги на заставахъ , подѣвзжаетъ къ
 дверцѣ каретной по первому знаку,
 данному ему Госпожею , подаетъ ей ру-
 ку , когда она выходитъ изъ кареты,
 и возвѣщаетъ о прїѣздѣ ея во всѣхъ шѣхъ
 мѣстахъ , гдѣ ее ожидаютъ.

Самая длинная борода , о которой
 только упоминается въ Исторіи, была у
 славнаго живописца , *Жана Майо*. Онъ но-
 силъ ее , обвязавъ вокругъ своего пояса.
 Иногда развязывалъ онъ ее въ прису-
 ствїи Императора Карла Vго , который
 забавлялся тѣмъ , что въпрѣ , развѣвая
 сію престрашную бороду , ударялъ ею въ
 лица Придворныхъ Его Кавалеровъ.

ПОЛИТИКА.

І.

*Перечень извѣстій изъ Лондона съ
7го по 17е Іюля.*

Въ Парламентѣ нашемъ не послѣдовало никакихъ новыхъ, важныхъ и для иностранной Публики интересныхъ опредѣленій. Г. Пиппъ предлагалъ 10го Іюля, изыскать по потребныя средства въ пользу общественной службы, согласно съ желаніемъ, изъявленнымъ Его Величествомъ, Королемъ въ посланіи своемъ къ Парламенту отъ 6го Іюля (См. предъидущій 13й Но. *Вѣстника*, стран. 62), и требовалъ на первый случай, чтобы Парламентъ ассигновалъ на сіе употребленіе $2\frac{1}{2}$ миліона ф. стерлинговъ (20 миліоновъ рубл.), каковая сумма обыкновенно ассигновалась ежегодно при отсрочкѣ въ сіе время Парламентскихъ засѣданій. Но думаютъ, что Министръ предложитъ вскорѣ дальнѣйшія свои требованія и, по удовлетвореніи оныхъ, объявитъ Королевское соизволеніе на отсрочку Парламентскихъ засѣданій до Декабря мѣсяца, или до самаго Нового года.

Въ Ирландіи оказывається снова духъ мятежа по поводу ожидаемаго вскорѣ выводу въ море непріятельскаго ополченія, проливъ нашихъ береговъ назначенаго. Правительство приняло мѣры къ скорѣйшему попушенію сихъ искръ недовольствія.

Хотя здѣсь и пронесся слухъ, будто бы 9 Остѣ - Индскихъ нашихъ купеческихъ кораблей, возвращающихся съ богатымъ грузомъ изъ Китая, встрѣтятся на пути своемъ въ Европу съ соединенною Французско - Батавскою эскадрою, подъ предводительствомъ Конпръ - Адмираловъ Линуа и Гартзинка, созжены оною, а еще 9 другіе взяты ею: однакожь извѣстіе сіе подвержено еще сомнѣнію, и мы желаемъ, чтобъ оное оказалось совершенно несправедливымъ.

Въ однихъ Ново - Йоркскихъ Вѣдомостяхъ пишутъ, что 20го Апрѣля произошло въ Капъ - Франсе (на островѣ Ст. Домингѣ) всеобщее побіеніе всѣхъ Бѣлыхъ жипелей, не исключая женщинъ и малолѣтнихъ дѣтей. Варварство сіе продолжалось чрезъ цѣлыя три сутоки, и изъ 564 Европейцевъ оспались въ живыхъ только 2 человека. — Дессалинъ и Христофъ спорятъ теперь между собою, кому изъ нихъ двоихъ надлежитъ начальство-

вашь на Ст. Домингъ, и вѣроятно, что копорой -нибудь изъ нихъ будетъ просить, для подкрѣпленія себя, Бришанской помощи.

Лордъ Говеръ отправляется на сихъ дняхъ въ Санктпетербургъ съ важными отъ Двора нашего препорученіями.

Три линейные наши корабля, проѣзжая Іюня 24го мимо Тулона, встрѣчены были жестокою съ шамюниихъ батарей пушечною пальбою, послѣ чего Французскій Адмиралъ Лашушъ - Тревиль, не примѣчая въ виду другихъ Бришанскихъ кораблей, снялся потчасъ съ якорей и съ 8 ю линейными кораблями пустился въ погоню, при свѣжѣмъ Сѣверо - Западномъ вѣтрѣ, за помянутыми шремя нашими кораблями. Преслѣдуя оныя около шрехъ морскихъ миль отъ сухаго суши, увидѣвъ онъ остальную часть Бришанскаго флота, которая пустилась вдоль береговъ за непріятельскою эскадрою. Въ 4 часа началось на погонѣ сраженіе, и 5 или 6 нашихъ кораблей открыли пальбу по непріятелѣ; но Французскій Адмиралъ, видя, что его хотящъ отрѣзать отъ гавани, заблаговременно еще успѣвъ убраться въ оную, и пушечная перестрѣлка не имѣла никакихъ важныхъ послѣдствій.

Разходы Великобританніи въ нынѣшнемъ году простираются, по утверженію публичныхъ нашихъ листовъ, до 77 миліоновъ и 846,179 ф. стерлинговъ (699 миліоновъ и 769,439 рубл.), а приходы съ займами до 76 миліоновъ и 75,930 ф. (608 миліоновъ и 591,440 рубл.); шакъ что недостающая отъ приходовъ на разходы сумма составляетъ 1 миліонъ и 772,249 ф. стерлинговъ (14 миліоновъ и 177,999 рубля).

Остѣ - Индская наша Компанія, которая ежегодно должна платитъ правительству полмиліона ф. стерлинговъ (4 миліона рубл.), но съ нѣсколькихъ лѣтъ не чинила сего платежа, нынѣ подала щетъ свой на 4 миліона ф. стерлинговъ (32 миліона рублей), который, по повѣркѣ, и представленъ въ Нижній Парламентъ. Требованіе сіе основывается главнѣйше на издержкахъ, учиненныхъ Компаніею для вооруженій, производившихъ въ продолженіе послѣдней войны, и кои суть: Экспедиція противъ острова Маврикія въ 1794 мѣ; экспедиція противъ мыса Доброй Надежды въ 1795 мѣ; экспедиція противъ Манильскихъ острововъ въ 1797 мѣ годахъ, и наконецъ взятіе острова Цейлона и другихъ Голландскихъ Колоній.

Перечень известій изъ Парижа съ 6 го
по 4 е Июля.

Бонапарте давалъ 8 го Июля, послѣ вахтпарада, въ 5 часовъ по полудни, публичную аудіенцію въ Тюильерійскомъ Дворцѣ иностраннымъ Министрамъ, получившимъ уже отъ Дворовъ своихъ новыя увѣрительныя грамоты, и именно: Папскому Легату, Кардиналу Капрарѣ; Испанскому Послу, Адмиралу Гравинѣ; Послу Батавской Республики, Гну. Шиммельпеннику; Чрезвычайному Послу Е. В., Неапольскаго Короля, Маркизу де Галло; Чрезвычайному Посланнику и полномочному Министру Е. В., Короля Прускаго, Маркизу Лукхезинію; Чрезвычайному Посланнику и полномочному Министру Е. В., Короля Датскаго, Барону Дрейеру; полномочному Министру Курфирста Архиканцлера Германской Имперіи; Чрезвычайному Посланнику и полномочному Министру Курфирста Баварскаго; полномочному Министру Курфирста Саксонскаго; полномочному Министру Курфирста Баденскаго; полномочному Министру Курфирста Виртембергскаго; полномочному Министру Курфирста Гессенъ-Кассельскаго; полномочному Министру и Чрезвычайному Посланнику Лигурійской Республики; Чрезвычайному Посланнику,

Гелветической Конфедерации; полномочному Министру Ландграфа Гессенъ - Дармшадтскаго; Чрезвычайному Посланнику Луккской Республики и Министру - Резиденшу отъ вольныхъ Имперскихъ городовъ. Всякой изъ Министровъ, входя особенно въ аудіенцъ - залу, препровождается былъ съ правой стороны Государственнымъ Совѣтникомъ Сегюромъ, какъ Оберъ - Церемоніймейстеромъ, а съ лѣвой Генераломъ Дюрокомъ, какъ Губернаторомъ Дворца Тюильерійскаго. Бонапарте находился по срединѣ залы, и за нимъ стояли Архиканцлеръ, да еще Министръ и Оберъ - Каммергеръ Талейранъ, который при семъ случаѣ отправлялъ должность Государственного Канцлера. Адъютанты Бонапартевы спояли нѣсколькими шагами поодаль обѣихъ поянушихъ Особъ. Каждый Министръ, сдѣлавъ Бонапартею три поклона, и говорилъ рѣчь, по окончаніи которой выводимъ былъ изъ залы такимъ же порядкомъ, какъ и при входѣ; послѣ чего онъ допускаемъ былъ на приватную аудіенцію. Министры чужестранныхъ Державъ не могутъ впредь допущены быть на аудіенцію къ Бонапартевой супругѣ, или къ сестрамъ его, какъ изпросивъ себѣ на то письменное дозволеніе.

Увѣрляюшѣ , что короноваиіе Бонапар-
тїя производить будетъ 9 го Ноября ,
какъ въ день , въ который онъ , за 5 лѣтъ
предъ симъ , вступилъ въ правленіе Фран-
цузской Республики ; что одежда его при
сей церемонїи будетъ бѣлая пюника и
пурпуровая маншїя , усѣянная золотыми
пчелами ; и наконецъ , что золотая Корона
составлена будетъ изъ лавровыхъ , оливко-
выхъ и дубовыхъ листьевъ , какъ эмблемъ
побѣды , мира и гражданственныхъ добро-
дѣтелей. — Бонапаршева супруга одѣша
будетъ въ круглую робу , вышитую
золотомъ ; поясъ бѣлый , вышитый также
золотомъ и висящїй напередѣ ; длинная
пунцовая маншїя , такая же , какъ у него ;
золотая дїадима , осыпанная алмазами.
Роба обшита будетъ кружевомъ. —
Коспюмъ Пѣринцовъ Имперїи ; при церемо-
нїи короноваиїя , будетъ бѣлая пюника ;
поясъ того же цвѣту ; маншїя бѣлая , усѣ-
янная золотыми пчелами ; чулки и баш-
маки бѣлые , вышитые золотомъ ; шляпа ,
загнутая спереди , съ большимъ бѣлымъ
развѣвающимся перомъ. — Великіе Офи-
церы Имперїи будутъ также одѣшы въ
маншїи , и у Великаго Избирателя будетъ
маншїя цвѣту пунцоваго , у Архиканц-
лера вїолетшова , усѣянная золотыми пче-

лами. — Коронованіе производится будетъ въ церквѣ зѣшняго Инвалиднаго дому. По совершеніи коронаванія принимаема будетъ присяга на Марсовомъ полѣ, и на сей конецъ должны присланы быть въ Парижъ: По 16 человекъ Народныхъ гвардейцовъ съ однимъ знаменъ изъ cadaго Департамента Французской Имперіи; 50 отрядовъ по 10 человекъ со флагомъ для cadaго ото всѣхъ морскихъ округъ, эскадръ, флотилій и военныхъ кораблей Французской Имперіи; по 16 человекъ отъ cadaго корпуса войскъ арміи, со знаменъ, штандартомъ, или значкомъ; по 16 же человекъ изъ cadaго морскаго и артиллерійскаго полку; 48 человекъ изъ Инженернаго корпуса; по 4 человека отъ cadaго изъ 26 легионовъ жандармовъ, со штандартомъ; 3 Депутаціи отъ Инвалидныхъ домовъ, Парижскаго, Левенскаго и Авиньонскаго. Во всѣхъ сихъ Депутаціяхъ вообще четвертая часть состоятъ должна изъ Офицеровъ. По принесеніи сими Депутаціями присяги въ вѣрности Бонапартею, всѣ онѣ получаютъ изъ рукъ его новыя знамена, штандарты, флаги и значки, каковыя въ послѣдствіи времени доставлены были имѣющею и

каждому баталіону, или эскадрону. Тѣ изъ нихъ, кои въ военное время потеряютъ свое знамя, не получаютъ уже другаго безъ повелѣнія Бонапартія, которое послѣдовать можешь, когда доказано будетъ, что потеря не должна поставлена быть въ вину полку, или баталіону.

Г. Неккеръ оставилъ по смерти служителямъ своимъ доходы съ капитала въ 200 тысячъ франковъ, а недвижимъ въ Копенъ при тысячи ливровъ.

Здѣсь получено извѣстіе, что Кондръ-Адмиралъ нашъ Линуа овладѣлъ однимъ Англицкимъ фрегатомъ. Помянутый Адмиралъ поплылъ изъ Иль де Франса за $3\frac{1}{2}$ мѣсяца предъ симъ.

Объ отъѣздѣ Бонапартія въ Булонъ и къ берегамъ опять ничего не слышно.

II.

С М Ъ С Ъ.

Щ а р а д а.

На первомъ цѣлое не долго пролежитъ :
Лишь бы увидѣлъ кто , топчасъ поднять
бѣжитъ ;

Но естли цѣлое въ послѣднее упало ,
То и пиши — пропало !

Нтл. Слцна.

Э п и г р а м м ы.

1.

Охошникъ Клишъ стихи чужіе поправляшъ
И также прозу ;

Но право чѣмъ сіе онъ можетъ оправдать ?
— Онъ колдуномъ себя желаетъ показашъ,
Въ крапиву превращая розу.

2.

Клавъ , борзый нашъ Поэтъ ,
Одною славою пищается шесть лѣтъ :
Такъ мудрено ли же , что худъ онъ , какъ
скелешъ ?

Въ Природѣ смерти нѣтъ! шакъ Гердеръ
говоритъ ;

Но мнѣнія сего онъ вѣрно не держался ,
Когда съ Глупономъ бы спознался ,
Которой , хоть кого, въ минуцу уморитъ.

Блаженъ , кому всегда печаль и скука
чужды ;
Блаженъ , кто не имѣлъ въ родныхъ ни разу
нужды ;
Блаженъ , кто не ропшалъ вовѣки на судьбу ;
Блаженъ , равняющій съ Расиномъ К. . . .
Сто кратъ блаженна та судебная Палата,
Котора презвыми подвѣчными богата ;
Блаженъ , кто не имѣлъ , однакожь , съ ни-
ми дѣлъ.
Блаженъ , кто отъ стиховъ своихъ разбогатѣлъ ;
Блаженъ , кто вѣрную любовницу имѣетъ ;
Блаженъ , кто Каншovy писанья разумѣетъ ;
Блаженъ ревнивый мужъ , прожившій безъ
роговъ ;
Блаженъ , кто , дослужась до старшихъ Гене-
раловъ ,
Ни разу не видалъ ни пушекъ , ни враговъ ;
Блаженъ , кто не бывалъ Издашедемъ Журналовъ :

Но тотъ блаженнѣе едва ли не всѣхъ Святыхъ,
 Кто не читалъ Поэмъ и Драмъ, Клишандръ,
 псалмъ!

У. Ф. Х. Ц. Ч.

Эпиграфия.

Самошка мѣльникъ здѣсь зарытъ,
 Которой въ шромъ лишь во весь свой вѣкъ
 былъ сытъ;
 Но мало ли людей такуюжъ пищу ѣли,
 Хотя и мѣльницъ не имѣли?

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

АВГУСТЪ. 1804.

№ 15.

ЛИТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Дѣйствіе совѣсти. Повѣсть

А. Лафонтена.

(Съ Нѣмецкаго.)

Молодой Рассдорфъ возвращался изъ путешествія въ свои помѣстья. Въ Парижѣ и Лондонѣ онъ наслаждался жизнію, какъ самъ говорилъ, по-философски; но въ самомъ дѣлѣ, все его щастіе состояло въ томъ, что среди вихрей разсѣянной жизни ему удалось сберечь здоровье. Такъ, говорилъ онъ, я жилъ и веселился; но забавы мои не заставляли никого проливать слезы; а томъ совершенной глупецъ, кто опказываетъ себѣ въ удовольствіяхъ, ешьяли съ призь какъ его къ наслажденію. Я былъ щастливъ, даже иногда дѣлалъ щастливыми другихъ;

по крайней мѣрѣ, платилъ честнымъ образомъ за свои уши. Непорочность дѣвушки есть сокровище: я согласенъ въ томъ, и не хочу опьянмать его; но если дѣвушка эту ненадежную собственность захочетъ промѣнять на наличныя деньги, развѣ поупдичъ онъ того дѣлается преступникомъ?”

„Онъ дѣлается обманщикомъ — такъ я думаю, сказалъ старой слуга, кою-рой воспиталъ молодаго Рассдорфа, и ко-торой, за неограниченную привязанность къ господину, за испытанную вѣрность, и по праву старыхъ лѣтъ, иногда имѣлъ свободу объявлять свое мнѣнiе. Для того, прибавилъ онъ — когда господинъ кинулъ на него насмѣшливый взглядъ — для того, что онъ покупаетъ такую вещь, отъ которой зависитъ спокойствiе души при жизни и при смерти, покупаетъ на такія деньги, копорыя имѣють цѣну только въ здѣшнемъ свѣтѣ.“

„Что ты бредишь, старой? Если она сама продать согласна?”

„Гм! сказалъ старикъ печально: я не хотѣлъ бы купить драгоцѣнной камень у робенка за одинъ гульденъ, для того только, что продавецъ не знаетъ цѣны ему.“ Рассдорфъ смѣялся, старикъ взды-халъ. Яковъ, увидѣвъ верьхи Рандельн-

скаго Замка, въ которомъ жилъ Рассдорфъ, вознелъ на небо благодарный взоръ.

Въ Англии Рассдорфу полюбилась сельская жизнь и домоводство тамошняго Дворянства; почему онъ рѣшился большую часть года провождать въ деревнѣ, а на зиму ѣздить въ столицу. — Спусти два мѣсяца, старой Яковъ пришелъ къ господину своему съ молодымъ человекомъ. „Эпо сынъ мой, сказалъ старикъ. Онъ малой доброй, и для того я желалъ бы, по вашей милости, поставить его на ноги, но есть, желалъ бы, чтобъ онъ завелъ свое хозяйство. Теперь ему двадцать шесть лѣтъ. Вамъ извѣстно, милоспивый государь, его искусство въ звѣриной ловлѣ и въ лѣсоводствѣ. У стараго лѣсничаго, Шаллера, есть дочь, которую мой Вильгельмъ полюбилъ страстно. Вы знаете, милоспивый государь. . . .“

„Ну! такъ Вильгельму своему нужно мѣсто? не правда ли? попомъ и за свадьбу? а? Тебѣ хочешся еще бытъ въ кумовьяхъ? не правда ли? Хорошо, Яковъ! какъ только дряхлой Кейзеръ умретъ, то Вильгельмъ будетъ лѣсничимъ. Доволенъ ли ты?“ — Яковъ пожалъ плечами. — „Ну, Яковъ?“ — „Очень доволенъ, милоспивый государь! я самъ

ничего лучшаго не могъ придумать, и говорилъ уже объ этомъ Вильгельму; но...

„Но онъ не хочетъ ждать?“ — Яковъ кивнулъ головою. „Вотъ видите ли, милостивый государь! молодецъ мой опасается, чтобы не перехватили у него Марьи; а это дѣло очень сбыточное. Дѣвушка, милостивый государь! такъ хороша, какъ Ангелъ, и что еще лучше, такъ же смиренна, какъ Ангелъ; высока и стройна какъ тополь, хотя ей не болѣе семнадцати лѣтъ; при томъ отецъ ея имѣетъ изрядной достатокъ, а дочь трудолюбива. На двѣнадцатомъ году она была уже въ домѣ хозяйкою, и всѣ сундуки, всѣ ящики были полны, и все было въ порядкѣ. Посмотрише, посмотрише, сударь! она идетъ по месту. У меня сердце хочетъ выскочить отъ радости, когда я, старикъ, смотрю на эту дѣвушку: что же должны чувствовать молодые люди?“

Рассдорфъ взглянулъ въ окно на Марью, и его сердце затрепетало при видѣ милаго творенія. Пламенными взорами онъ проводилъ ее, и сказалъ: „Прекрасная дѣвушка! лишь Кейзеръ умретъ, какъ сказано — мѣсто ваше. Я не забуду о своемъ сынѣ. Впрочемъ, управившись съ дѣлами, подумаемъ. Съ Богомъ!“

Яковъ вышелъ, а Рассдорфъ, стоя у окна, дожидался возвращенія Марьи. Теперь имѣлъ онъ время рассмотреть ее съ большимъ примѣчаніемъ. Всѣ желанія возбудились въ немъ, когда онъ увидѣлъ прелестную. Съ боязливымъ предчувствіемъ, быстро окинулъ онъ взоромъ весь дворъ, и примѣшивъ, что никого не было, повелительнымъ, но робкимъ голосомъ приказалъ Марьѣ идти къ нему въ комнату. Онъ велѣлъ ей нѣчто отъ себя сказать отцу ея, жившему въ одной деревнѣ не далеко отъ лѣсу; спрашивалъ о многихъ вещахъ; Марья отвѣчала съ кропкою, застенчивою вѣжливостію. Рассдорфъ, принявъ веселой видъ, началъ шутить: Марья краснѣла, молчала, и потомъ ушла, очень радуясь, что избавилась отъ такого разговора.

Старикъ Шаллеръ былъ человекъ весьма честной и кроткой — какъ ребенокъ, разумѣя выраженіе сіе въ самомъ лучшемъ знаменованіи. Его довѣренность къ Провидѣнію, при жизни тихой, беззаботной, отчасу возраста, превратилась наконецъ въ пламенную вѣру; ранневременная смерть спраспно любимой жены не только не поколебала его надежды на Бога, но еще болѣе утвердила ее. Троишельное прощаніе, послѣднія

слова умирающей — произнесенныя въ твердомъ упованіи на будущую жизнь, съ свѣтлымъ взоромъ, съ небесною улыбкою, съ простертыми объятіями: „я вижу Ангеловъ Божіихъ, любезный супругъ! будь щасливъ въ сей жизни; мы опять увидимся!“ — поселили въ немъ тайное желаніе смерти. Онъ жилъ, не смотря на предчувствія своей близкой кончины; но духъ его уже обиталъ въ вѣчности съ возлюбленною супругою. Онъ воспиталъ Марью въ упѣшительной непоколебимой увѣренности на благость Всемогущаго, предъ глазами, какъ онъ думалъ, покойной ея матери, которой голосъ часно слышался ему въ тихіе часы вечерніе, когда разговаривалъ съ дочерью.

Уединеніе, въ которомъ жила Марья, и безмолвная мрачность лѣса, окружающаго ея жилище, споспѣшествовали глубоко напечатлѣть уроки родительскіе въ ея сердцѣ. Ощущенія темныя, ужасъ наводящія, подобно лѣсу, въ которомъ жила Марья, возвышали ея душу въ лѣта дѣтства. Разговоры съ цвѣтами, съ шумящими деревьями, съ бѣгущими облаками, съ кропкимъ родителемъ, были любимыми ея занятіями, ея играми. Она не ходила въ училище. Въ долгіе зимніе вечера отецъ училъ ее читать,

училъ Религїи по нѣмъ правиламъ, которыя внушало въ него собственное сердце, когда оставался наединѣ съ дочерью. Пришедъ въ возрастъ, она занималась домашнимъ хозяйствомъ. Ей никакіе грѣхи не были извѣстны, кромѣ грѣха первороднаго. Крошечное сердце ея, исполненное любви и добротности къ ближнему, готово было открыться предъ каждымъ человекомъ; одна застенчивая боязливость удерживала ее сказывать всякому, сколько она любитъ его.

Такимъ образомъ она была единственною утѣхою отца своего, была предметомъ желанія каждаго юноши, которой видѣлъ ее; но сердце ея ничего не желало. Спокойно поднималась невинная грудь ея; она любила все, что ее ни окружало. Вильгельмъ часто видѣлъ ее, возвращаясь домой изъ лѣса съ старымъ отцемъ своимъ. Робкимъ взоромъ наблюдалъ онъ всѣ движенія Марьи. Зная, сколько Шаллеръ строгъ въ семъ случаѣ, онъ могъ только отважиться смотрѣть на нее. Но сердце его пламенѣло уже страстію. Онъ надѣялся, по прибытіи Рассдорфа, получить мѣсно лѣсничаго, надѣялся получить руку Марьи; потому что почти онъ одинъ изъ мужчинъ посѣщалъ домъ Шал-

леровъ, одинъ, съ которымъ Марья говорила нѣсколько словъ.

Онъ осмѣлился слегка намѣкнуть старику о своемъ желаніи. Доброй Шаллеръ, благосклонною уклонкою головы давъ знать, что это не противно ему, примолвилъ: „Ты честной малой, Вильгельмъ! желаю тебѣ всякаго добра; но будь оспороженъ до времени; увиваться около дѣвушки не похвально; и если бы я звалъ, что ты тайно оцѣ меня сказалъ Марья хотъ одно слово, то.... Ты знаешь меня, Вильгельмъ!“ Вильгельмъ зналъ нравъ старика, и замолчалъ.

Марья была нѣжно любима Господиномъ своимъ, не подозрѣвая ни мало того, и не имѣя ничего противупоставить страсти его, кромѣ крепости своей и невинности. Рассдорфу извѣстна была строгость лѣсничаго, и пошому не смѣлъ онъ ни на что отважиться; а изъ словъ Якова, которой безпрестанно хвалилъ любезную Марью, имѣлъ причины заключать, что не легко одержать надъ нею побѣду. Что помѣщикъ, гуляя по своимъ роцямъ, заѣзжалъ иногда къ Шаллеру завпракать и подкрѣплять себя запасомъ, которой имѣлъ въ охотничей сумкѣ; что припомъ засиживался на Марью и ласкалъ ее съ дружелюбіемъ — все это

казалось естественнымъ и не огорчало никого, ниже самаго Вильгельма. Что онъ два или три раза заставалъ Марью одну въ лѣсу недалеко отъ дому, и просилъ ее пришивать къ сумкѣ ремень, ошорванный зацѣпившимися вѣтвями; что, ожидая старика, онъ разговаривалъ съ Марьею по нѣскольку времени — все это также никому не могло быть противнымъ, потому что Марья всегда отвѣчала двумя словами. Что при такихъ разговорахъ помѣщикъ спросилъ Марью, въ самомъ ли дѣлѣ поденьщикъ Дреvesъ — которой недавно лишился коровы, составлявшей все его имущество — не имѣетъ никакихъ средствъ поправиться; что Марья съ слезящими глазами описала ему положеніе бѣднаго семейства; что разтроганный Рассдорфъ, вынувъ кошелекъ, всунулъ въ руку Марьи нѣсколько денегъ для несчастнаго — все это сама Марья съ радостною неперпѣливостію рассказала отцу своему, которой отвѣчала Евангельскимъ текстомъ: „Блаженны милосшивые; они сами будутъ поимилваны.“ На другой день по утру, старой Шаллеръ самъ разсказалъ молодому своему господину о бѣдственномъ положеніи несчастнаго, и радовался, что хозяиномъ его было не шщешно. „Я постараюсь, гово-

рилъ онъ Марьѣ, выпросить чтонибудь и для бѣднаго, спарата Шенка. Дай Боже въ доброй часъ поговорить о немъ съ господиномъ!“ Этотъ доброй часъ наступилъ очень скоро. Шаллеръ просилъ помочь спарикъ; помѣщикъ выслушалъ милосливо и, давъ денегъ, сказалъ: пошли къ Шенку съ сими деньгами дочь свою: она умѣетъ давать; я знаю это отъ самаго Древеса. Бѣдные съ радостію принимаютъ ея благодѣянія; ни ты, Шаллеръ! ни я, не умѣемъ одолжать съ такимъ искусствомъ.

На лицѣ отца сіяла радостная улыбка. „Богъ видитъ, милосливый государь! что вы говорите сущую правду. Хотя и у меня сердце не каменное, однакожь моя Марья можетъ назваться истиннымъ другомъ несчастныхъ. Любезное дитя!“ Спарикъ разсказалъ Марьѣ разговоръ свой съ господиномъ. Спустя потомъ нѣсколько времени, Марья сама осмѣлилась просить Рассдорфа въ пользу одного бѣднаго. Господинъ согласился на ея прозьбу, и при-молвилъ: „Послушай, милой другъ! я даю очень охотно, но мнѣ не нравится, когда люди приходятъ мучить меня своею благодарностію; сверхъ того начинаютъ уже просить и такіе, которые ни въ чемъ не нуждаются. И шакъ не

объявляй никому, отъ чьей руки производишь помощь; не сказывай даже отцу своему: онъ въ радостномъ изступленіи можетъ какъ нибудь проговориться. Если ты хочешь помогать, я съ удовольствіемъ соглашаюсь доставлять средства къ тому; только съ условіемъ, чтобы ни одинъ человекъ не зналъ, что я имѣю участіе въ семъ дѣлѣ. Я не рѣдко буду навѣщать васъ; однимъ взглядомъ можно сказать, если нужна для кого нибудь моя помощь.“

Рассдорфъ совсѣмъ не думалъ о такомъ планѣ; случай указалъ дорогу къ его дѣлу, и невинная, неоспорожная Марья — копорая видѣла только благороднѣйшія намѣренія человѣческаго сердца, радовалась въ душѣ своей, имѣя участіе въ такихъ благотѣльныхъ поступкахъ, радовалась, заслуживъ довѣренность добраго господина — сама шла въ сѣни, распавленныя для нее порочнымъ вожделѣніемъ. Самая кротость ея содѣйствовала къ ея пагубѣ: Марья не хотѣла принимать благодарности за чужія благотѣянія. Она помогала бѣднымъ съ такою скрытностію, съ какою сама получала деньги на сіе употребленіе, и изумленіе несчастныхъ о нечаянномъ, неизвѣстномъ пособіи; горячія благодаренія незнакомому благо-

дѣшю — были возхитительнымъ зрѣлищемъ для нѣжнаго ея сердца.

Часто имѣла она случай разговаривать съ благодѣтельнымъ господиномъ, когда отецъ ея уходилъ въ рощу — и его снисходительность, которая примѣтнымъ образомъ перемѣнялась въ дружескую довѣренность, его уваженіе, которое оказывалъ онъ, обходясь съ нею, немедленное исполненіе каждой просьбы — такъ подѣйствовали на сердце Марьи, такъ разположили ея душевныя движенія, что она почувствовала нѣкоторую склонность къ Рассдорфу. Душа ея прояснялась, когда она думала о немъ. Марья часто начала ходить въ долину на птицеловной покъ, куда Рассдорфъ каждой день ѣздилъ забавляясь — хотя не имѣла до него никакой нужды.

Благосклонность и довѣренность Рассдорфа возрастали отчасу болѣе. Марья ни въ своихъ чувствахъ, ни въ его поступкахъ не примѣчала никакой перемѣны; не имѣвъ случая видѣть его обхожденія съ другими, кромѣ какъ съ отцемъ ея, и по рѣдко, она не могла сравнивать, но въ самомъ дѣлѣ все очень перемѣнилось. Пренія застѣнчивость передъ господиномъ совсѣмъ исчезла. Когда онъ бралъ ея руку — она не примѣчала; когда назы-

валъ милою своею Марьею — казалось ей, что онъ всегда такъ называлъ ее. Ловчій Вильгельмъ давно уже былъ посланъ въ Шюлицу, для заготовленія всего нужнаго къ приѣзду господина на зиму. Шаллеръ часто ошлучался въ лѣсъ, ничего не опасаясь, ничего не подозревая. Дочь всякой разъ сказывала отцу, когда видѣла добраго барина, и это не удивительно: пицеловной шокъ, на которомъ молодой Господинъ обыкновенно забавлялся, находился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дома. Марья была скромна, цѣломудренна, невинна — чего бояться?

Рассдорфу все удавалось лучше, нежели онъ могъ надѣяться. Онъ съ восхищеніемъ видѣлъ возникающую спраспъ прелестной дѣвушки; видѣлъ, подъ какими дѣшскими предложениями она искала его; какая радость сіяла на лицѣ ея, когда встрѣчалась съ нимъ. Но сія-то дѣшская, безпечная невинность была главнымъ препятствіемъ къ удовлетворенію его вожделѣнія. Не смотря на склонность Марьи, онъ не могъ обѣщать себѣ желаемаго успѣха. Сколь легко было для него привести ее къ настоящему положенію, столь невозможнымъ казалось, даже однимъ шагомъ, приблизиться съ своей цѣли. Соблазнишель хотѣлъ силу

ея воображенія призвать къ себѣ на помощь; но ея воображеніе не способно было возпламеняться. Она была при немъ весела и довольна — болѣе ничего. Взоры ея были скромны, сердце ея билось по прежнему; написанное на ея лицѣ снисходительное ясно показывало ея цѣломудріе. Послѣ многихъ опытовъ онъ зналъ, что одно нескромное слово могло бы навѣки разлучить его съ Марьею.

Наконецъ увѣрившись, что не лѣзя соблазнить Марью, не употребивъ обмана, онъ рѣшился на такую хитрость, которою до сихъ поръ еще не была опягчена его совѣсть. Онъ сдѣлался искреннѣе, но гораздо печальнѣе, нежели прежде; говорилъ Марьѣ о будущемъ своемъ щастіи и прибавлялъ со вздохомъ, что онъ не смѣетъ надѣяться достигнуть его. „Ахъ! сказалъ онъ, пожимая руку ея: еспьлибъ я могъ выбрать по моей склонности!“ Сначала Марья не разумѣла словъ его; но понявъ ихъ, очевидно сдѣлалась безпокойнѣе, боязливѣе, холоднѣе, и стала рѣже приходить на токъ. Онъ не примѣчалъ переменъ, продолжалъ говорить по прежнему и иногда прибавлялъ: „Но для чегожъ не могу быть щастливымъ? для чего не могу выбрать по моей склонности?“ — и въ глазахъ его сверкала

радость. Онъ описывалъ Марью плѣнительными красками блаженные дни, которые потекли бы для него, естъли бы . . . . Тутъ вздохъ перерывалъ слова его; онъ бралъ Марью за руку и умолкалъ.

Марья, бѣдная Марья была въ крайнемъ безпокойствѣ и нерѣшимости. Теперь она узнала, что Рассдорфъ любитъ ее; при воображеніи о томъ, сердце ея билось въ сладостномъ уныніи. Видя передъ собою одну невозможность, она не смѣла желать ничего; хотѣла открыться отцу своему — и боялась его выговоровъ. И о чемъ было сказывать ему? развѣ Рассдорфъ обѣщалъ жениться на ней? — — Она рѣшилась убѣгать свиданія съ нимъ, и ходила уже не въ долину, но на пригорокъ; прошла недѣля — и Рассдорфъ не встрѣчался съ Марьею. Наконецъ, найдя ее, онъ горестно жаловался на долговременную разлуку. Марья, съ сильнымъ біеніемъ сердца, слушала слова его, и слезы полились изъ глазъ ея. Никогда она не видѣла его столь нѣжнымъ, столь милымъ, столь спрасстнымъ. Идучи домой, въ первой разъ вспало ей на мысль, какъ была бы она щастлива, вышедъ за мужъ за Рассдорфа, и вмѣстѣ съ сладкими мечтами прокралась надежда въ ея душу; попомъ опять мучительное со-

миѣніе заняло ея мѣсто. Ахъ! думала она: Рассдорфъ жаловался мнѣ на печаль свою; а я съ кѣмъ раздѣлю горюшь? — Въ густой рощѣ сна бросилась на колѣна, взглянула на небо, поручила Провидѣнію судьбу свою, обтерла послѣднюю слезу и возвратилась домой спокойнѣе.

Рассдорфъ вчужденно обрадовался, примѣтивъ свѣтлый лучъ веселости въ крошкѣхъ ея взорахъ; онъ почелъ это добрымъ для себя знакомъ, думая, что красавица рѣшилась отдаться на его волю. Но онъ ошибся. Марья предала судьбу свою волю Провидѣнію — и успокоилась. „Подожду“, говорила она сама себѣ: „если онъ въ самомъ дѣлѣ любитъ меня такъ нѣжно, какъ я . . . люблю его — примолвила дрожащимъ голосомъ — то онъ самъ скажетъ мнѣ; а когда скажетъ, я тотчасъ объявлю батюшкѣ; и ежели батюшка согласится, тогда . . .“ Тутъ глаза и руки ея поднялись къ небу въ радостномъ возпоргѣ.

Но Рассдорфъ совсѣмъ не имѣлъ намѣренія предлагать объ этомъ. Самой злодѣй боится злодѣйска. Рассдорфъ хотѣлъ поселить въ душѣ Марьи надежду быть его женою, и такимъ образомъ заманя ея въ разставленные сѣти, на-

послѣдокъ сказать своей совѣсти: „развѣ я обѣщала на ней жениться? развѣ я виновата, что она невозможное почитала возможнымъ?“ Но простота и неопытность невинной Марьи могли изобличить его въ умысленномъ преступленіи. Рассдорфъ продолжалъ свой тонъ скрытности, и говорилъ загадками; Марья не переставала быть боязливою. Рассдорфъ видѣлъ, что его любятъ; но видѣлъ также, что, по мѣрѣ уменьшенія надежды соединиться съ нимъ союзомъ супружества, Марья становилась ошчасу важнѣе, заиспѣчивѣе.

Надлежало оживить въ ней сію надежду; надлежало увѣрить ее въ сбытіи желаній ея, но такимъ образомъ, чтобы увѣренность сію получила она не прямо отъ него. Хитрость его нашла къ тому средство. Мнимая провѣщательница, одна изъ тѣхъ старухъ, которыя угадываютъ судьбу простодушныхъ поселянъ, и за нѣсколько копѣекъ обѣщаютъ блаженство и золотыя горы, предложила Рассдорфу свои услуги.

Старуха искала случая повспрѣчаться съ Марьею безъ свидѣтелей; не нужно было долго ждать его. Въ одинъ день Марья возвращалась изъ лѣсу домой;

старуха сидѣла за кустомъ , и увидѣвъ ее , начала играть свою роль. Она подошла въ Марьѣ , устремила на нее пристальной взоръ , приложила палецъ ко лбу , показывая глубокое размышленіе , улыбнулась , покачала головою , произнесла торжественнымъ голосомъ нѣсколько невразумительныхъ словъ , и обратила на себя вниманіе неопытной дѣвушки. Марья подала ей нѣсколько копѣекъ. „ Ты дала бы болѣе , гораздо болѣе , сказала старуха , если бы знала то , что я знаю , если бы видѣла то , что я вижу. “ Глаза ея сверкали , когда она говорила сія значительныя слова. Посмотрѣвъ опять на Марью пристально и отодвинувъ отъ себя руку ея съ подаркомъ , она продолжала : „ Мнѣ ничего не надобно , миледи , ничего ; спрячь свои деньги. Будь снисходительна , когда Богъ пошлетъ тебѣ щастіе ; будь щедра , когда разбогатѣешь. Не забудь моего ссвѣга , любезная дѣвушка ! онъ пригодится тебѣ ; не забудь и меня въ то время , когда станешь ходить въ золотѣ и жить въ пышномъ Замкѣ. Богъ съ тобою ! мнѣ пора идти. Скоро узнаешь , что я не люблю лгать. Спрячь , говорю , свои деньги : мнѣ онѣ не надобны ; ровно черезъ годъ ты опять увидишь меня , и тогда , ежели

не возгордишься своею долею, заплашишь мнѣ щедрѣе.“

Марья, покраснѣвъ, съ улыбкою застѣнчивости спросила старуху: „что же такое знаешь ты, добрая старушка? возьми это, пожалуй возьми!“ и удвоила свой подарокъ.

„Нѣтъ, не возьму, дочь моя! не возьму ничего. Ровно черезъ годъ ты будешь женою богатаго, молодаго, значнаго барина; будешь жить въ пышномъ домѣ, имѣшь много слугъ, ѣздишь въ каретѣ. Ты смѣешься? Не смѣйся, дочь моя! я бѣдна, очень бѣдна, и не имѣю ничего, кромѣ этого серебрянаго кольца и этого пфенинга на снуркѣ, которыми покойный мужъ подарилъ меня въ день обрученія; однакожь возьми ихъ къ себѣ. Черезъ годъ, когда ты сдѣлаешься значною госпожею, получу ихъ отъ тебя обратно. Будь добра, дочь моя! и не сомнѣвайся въ истиннѣ словъ моихъ. Тогда ты наградишь меня.“

„По чему ты знаешь это, любезная старушка? можно ли тому статься?“

Нѣтъ ничего невозможнаго для Господа Бога, дочь моя! Ангелы небесные окружаютъ тебя. Ни грозная буря, ни ядовитая роса для тебя не страшны. Всѣ люди любятъ тебя; никто не можетъ

обогатить себя, хотя бы и хопѣлъ. Никакая болѣзнь не смѣетъ къ тебѣ прикоснуться. Богъ и Ангелы хранятъ тебя отъ всѣхъ золь, милое дитя! Вспомни обо мнѣ! Хотя ты никого еще не видѣла, кромѣ поселянъ; но знай, что богатыхъ людей на свѣтѣ много. Вспомни обо мнѣ!

Марья смѣшалась. Старуха ухватила руку ея, смотрѣла на нее долго сверкающими глазами, и наконецъ, качая головою, говорила: „Не знаю, что и подумать, дочь моя! Если бы не была ты такъ шиха, такъ невинна, я рада бы побожиться, что у тебя уже есть на примѣтѣ молодецъ, за котораго хочешь выйти за мужъ.“ Лицо Марьино запылало. Она отняла руку; но старуха, взявъ другую, продолжала: „Что это! что я вижу! тебя любитъ господинъ... молодой... прекрасной... богатой; Тайча эта извѣстна только тебѣ одной!... ты также любишь его... любишь отъ всего сердца; онъ скоро... скоро на тебѣ женится. Однакожь поплачешь прежде, нежели сдѣлаешься совершенно щасливою. Послушась ли моего совѣта? хочешь ли?“

Марья пристально смотрѣла на старуху. „Если хочешь быть щасливою, дочь моя, то молчи; не сказывай ни

одному человѣку того, что знаешь, чего надѣешься, чего желаешь; ни одному человѣку, ни отцу, ни матери; откройся тому, кого любишь. Тогда, какъ получишь желаемое, вспомнишь о бѣдной старухѣ, предсказавшей твое благополучіе.“

Марья вынула изъ кармана всѣ свои деньги; но обманщица никакъ не хотѣла взять ихъ. „Нѣтъ, нѣтъ! закричала она: ровно черезъ годъ ты дашь мнѣ болѣе, гораздо болѣе; тогда научу тебя, какъ поступать, чтобы мужъ твой любилъ тебя во всю жизнь свою.“

„Для чего же, любезная старушка, не хочешь мнѣ теперь сказать этого?“ спросила обольщенная дѣвушка.

„Ты смиренна, дочь моя! Ангелъ хранипель отводилъ глаза твои отъ мужчинъ. Однакожь не правда ли, что взоры твои пылали, сердце билось, когда онъ приходилъ къ тебѣ? Не скажешь же о томъ никому; припворяйся равнодушною ко всѣмъ мужчинамъ, и показывай видъ, будто совсѣмъ не хочешь выходить за мужъ. Только отъ жениха не скрывай любви своей. Не правда ли, что онъ смотритъ на тебя печально, что сердце болитъ у него? Будь къ нему ласково, угождай ему, люби его

болѣе всего на свѣтѣ. Богъ съ тобою, дочь моя! черезъ годъ . . . . увидишься.“

Тутъ старуха, пошрепавъ Марью по щекѣ, скрылась въ густой рощѣ. Марья осталась въ крайнемъ замѣшательствѣ. Сердце ея готово было вѣрить всему. Безкорыстіе старухи, извѣстность о любви ея со всѣми тайными подробностями, изстребили всѣ соинѣнія. Она твердо положила на слова старухи, увѣрилась, что Рассдорфъ конечно женился на ней — при сей мысли все существо ея наполнялось радостнымъ возторгомъ — и рѣшилась, слѣдуя данному совѣту; не объявлять никому, ниже отцу, своей тайны. Ея воображеніе возпламенялось отъ любви, не отъ суетности. Она мечтала не о золотѣ, не о шелкахъ, не о каретѣ; нѣтъ! она думала о блаженныхъ часахъ, которые проводить будетъ въ прохладной тѣни деревъ вмѣстѣ съ Рассдорфомъ, въ его объятіяхъ; думала не о богатствѣ и пышности, но объ истинномъ щастіи, о любви. Съ сего времени она почиала Рассдорфа своимъ супругомъ, назначаемымъ для нее самымъ Провидѣніемъ.

Спустя нѣсколько дней Рассдорфъ явился и увидѣлъ, какое дѣйствіе произвела его хитрость. Марья давно уже съ

нетерпѣніемъ ожидала его въ долинѣ; розы разцвѣли на лилейныхъ щекахъ ея; радость и любовь сіяли въ ея взорахъ. Никогда не казалась она такъ снизходительною, такъ доверчивою. Рассдорфъ ухватилъ руки ея — и получилъ въ награду улыбку искренности. Онъ прижалъ ее къ своему сердцу — Марья не сопротивилась; напечатлѣлъ первой поцѣлуй на рдяныхъ губкахъ — Марья покраснѣла, уклонилась, но не старалась вырываться. Въ первой разъ говорилъ онъ о любви своей — Марья молчала и отъ времени до времени бросала на него страстные взгляды; говорилъ о будущемъ щастіи, о блаженныхъ дняхъ, которые ожидаютъ ее — и кроткая Марья плакала отъ любви и чувства благодарности.

Она оспавалась съ нимъ долѣе обыкновеннаго. Смягченная ласками, прельщенная собственною увѣренностію, принужденная любовію, склонилась на трудъ милаго друга, и — со вздохами сердечными, со слезами на глазахъ, едва выговаривая — призналась ему въ своей страсти. Пламенные поцѣлуи довершили взаимное признаніе. Нѣсколько двусмыслительныхъ словъ, произнесенныхъ Рассдорфомъ, еще болѣе утвердили надежду Марьи. Наконецъ Марья возвратилась

домой съ душою, исполненною любви, увѣренности и восхищенія.

Бѣдная, невинная дѣвушка думала, что всѣ ея желанія уже исполнились. Пользуясь отсутствіемъ отца, она часто посѣщала долину, гдѣ ожидалъ милой другъ ея. Наконецъ ея пламенная страсть, увѣренность, страхъ оскорбить любезнаго, невинность, помогли обманщику получить то, чего онъ столь долго добивался. Преступленіе сдѣлано, и — увы! — бѣдная Марья по влеченію неизбѣжной любви, по внушенію пламенной страсти, теперь еще болѣе привязалась къ соблазнителью, котораго гнуснымъ образомъ обманывалъ ее, и который обманъ свой довершилъ поступкомъ, недоспойнымъ имени человека. Въ невинныхъ, дрожащихъ отъ раскаянія, обѣщаніяхъ милой дѣвушка сластолюбецъ не нашелъ желаемого удовольствія. Ему нравилась не любовь, но сладострастіе. Въ самыхъ наслажденіяхъ онъ ощущалъ всю тяжесть преступленія; потому что жертва звѣрства его не разделяла съ нимъ онаго. Марья сдѣлала проступокъ, не сдѣлавшись преступницею. Ея ласки были для него тайными упреками въ злодѣйствѣ. Наконецъ Марья наскучила ему тѣмъ, что была добродѣтельна.

Рассдорфъ собрался въ дорогу ; онъ разлучился съ Марьею , оставивъ ей надежду быть нѣкогда его женою. Въ первой разъ въ жизни онъ почувствовалъ , что , получивъ желаемое , можно быть несчастливымъ. Съ безпокойствомъ выѣхалъ онъ изъ деревни ; по прибытіи въ городъ , вдался во всѣ разсвѣянности свѣтскія , чтобъ избавиться отъ мучительныхъ угрызений совѣсти , и успѣлъ въ томъ. Опредѣливъ старому Кейзеру пенсію , мѣсто лѣсничаго опдалъ онъ Вильгельму — и Вильгельмъ на крыльяхъ любви полетѣлъ въ Рандельнъ. Теперь его желаніе совершилось. Онъ явился къ своему старому другу Шаллеру и безъ околичностей просилъ руки Маріиной. Старикъ далъ ему полное право искашея согласія. „Позволяю тебѣ , Вильгельмъ , посѣщать домъ мой , хотя бы меня здѣсь и не было. Объяснись самъ съ Марьею ; а тамъ — увидимъ. Только , кажется мнѣ , дѣвка съ нѣкотораго времени недомогаетъ. Спупай съ Богомъ!“

Вильгельмъ , нашедъ Марью , не смѣлъ говорить о своемъ дѣлѣ ; пошому что она была очень печальна. На другой день Марья была еще печальнѣе , однакожь обошлась съ нимъ довольно ласково ; это подавало ему нѣкоторую надежду. Наконецъ ,

гуляя съ нею въ долину, Вильгельмъ открылъ ей свое сердце и просилъ руки ея; Марья — вмѣсто отвѣта — залилась горькими слезами. Вильгельмъ продолжалъ просить неослабно, заклиналъ ее, по крайней мѣрѣ, не лишать его надежды. Марья ничего не отвѣчала, и слезы ея лились рѣкою. „Не спѣши, Вильгельмъ! дай ей подумать, говорилъ старикъ. Марья моя любишь собирать плоды, когда они созрѣли.“

Старикъ Шаллеръ рѣшился самъ говорить съ дочерью, и получилъ въ отвѣтъ — одну слезу. Ожидали переменъ отъ времени. Наконецъ Марья рѣшительно сказала, что не можетъ разстаться съ опецемъ своимъ. Скоро потомъ пріѣхалъ изъ столицы сшарой Яковъ, опецъ Вильгельмовъ. Онъ былъ въ сильномъ движеніи; ухватилъ за руку своего сына, десять разъ начиналъ говорить: „слушай, Вильгельмъ! Марья...“ и десять разъ слова останавливались на устахъ его. Вильгельмъ испугался, не зная, что заключишь изъ словъ его.

„Пойду самъ къ Шаллеру, сказалъ Яковъ, съ досадою потирая себя по лбу: есть ли Марья не любитъ тебя, Вильгельмъ...“ Вильгельмъ ошолбенѣлъ и не отвѣчалъ ни слова. Яковъ, терзаемый мучительнымъ

безпокойствомъ, пошелъ къ Шаллеру. Надобно объявить Чипателю о причинѣ его печали.

Яковъ разсказалъ своему господину о помолвкѣ Вильгельма съ Марьею. Рассдорфъ слушалъ, устремивъ на него пристальные взоры. „Да та бѣда, продолжалъ Яковъ, что Марья, кажется, не хочетъ выходить за него; плачетъ, да и все туть.“ При сихъ словахъ Рассдорфъ переменился въ лицѣ, на которомъ изображалось крайнее замѣшательство. Яковъ примѣтилъ это; оставшись наединѣ, началъ думать о слезахъ Марьи, о замѣшательствѣ Рассдорфа, началъ сравнивать, доискиваться; вспомнилъ частыя посѣщенія шицеловнаго тока — и сердце его стало биться сильнѣе. Онъ зналъ пламенную страсть своего сына; выпросивъ себѣ увольненіе на два дни въ Рандельнъ, пошелъ прямо къ Шаллеру.

Заспавъ Марью одну дома, онъ завелъ рѣчь о сынѣ и заклиналъ ее объявить свое намѣреніе. Марья залилась слезами и сказала, какъ прежде, что не можетъ разстаться съ опцемъ своимъ. Старой Яковъ, оборотясь къ окну, произнесъ со вздохомъ: „Боже! помоги мнѣ! надобно рѣшиться!“ Потомъ, подошедъ опять къ Марьѣ, взялъ ея руку и про-

должалъ дрожащимъ голосомъ : „Знаешь ли , любезная Марья ! что нашъ милостивой господинъ сдѣлалъ его своимъ лѣсничимъ , съ тѣмъ только , чтобъ онъ на тебѣ женился ? Доброй нашъ баринъ будетъ очень радъ.“ Марья поблѣднѣла , запрепешала , не могла выговорить ни одного слова цѣлую минуту ; попомъ , собравшись съ силами , сказала : „нѣтъ ! это неправда !“

Старой Яковъ запрепешалъ въ свою очередь , увидя догадки свои оправданными. Онъ молчалъ долго. Наконецъ сказалъ съ робостію : „дай Богъ , Марья ! чтобы ты не осталась обманутою.“ — „Кѣмъ ? кѣмъ ?“ спросила бѣдная дѣвушка , какъ громомъ пораженная.

„Нашимъ бариномъ ,“ тихо отвѣчалъ Яковъ. Марья съ ужасомъ вскричала , закрыла лицо свое руками , и рыдая , повторяла нѣсколько разъ : обманутою !“ Тщетно старикъ со слезами просилъ Марью удостоить его своею довѣренностію : она замолчала ; надежда на любовь Рассдорфа опять оживила ее. Яковъ , примѣшивъ это — „повѣрь же мнѣ , сказалъ съ твердостію — „повѣрь сѣдымъ волосамъ моимъ , что ты обманута : баринъ женился на Графинѣ Кленау. Хотя

никшо еще не знаетъ этого ; но ты должна знать , блѣдная дѣвушка !“

Тутъ силы несчастной ослабѣли. Съ томнымъ, пристальнымъ взоромъ подошла она къ шарикѣ и , положивъ одну руку на свое сердце , а другую на сердце Якова , спросила съ робостію : „ правда ли это ?“ Яковъ , поднявъ руку ея вверхъ вмѣстѣ съ своею , отвѣчалъ : „ клянусь Богомъ , что это правда !“ Тогда Марья медленно повернулась , едва переступая , пошла въ свою горницу и заперлась въ ней. Яковъ остался одинъ. Черезъ часъ пришелъ старой Шаллеръ. Яковъ былъ въ нерѣшимости , объявить ли ему о своемъ открытіи , или умолчать. Отворяется дверь : входитъ Марья , блѣдная , но довольно спокойная. Она вспомнила слова старухи : это тѣ слезы , думала она , которыя старуха предсказала , и твердо увѣрилась , что ее не обманули ; дала знакъ Якову , чтобы не сказывалъ ея отцу , и Яковъ не сказалъ ничего.

Скоро потомъ пронесся слухъ о женитьбѣ Рассдорфа на Графинѣ Кленау. Марья лишилась чувствъ , услышавъ отъ отца своего о семъ происшествіи. Опамятовавшись , дико посмотрѣла вокругъ себя и , какъ казалось , успокоилась. Отецъ

ея, которому извѣстна была только страсть Вильгельмова, старался узнать этому причину. Марья не отвѣчала и ко всѣмъ прозьбамъ родительскимъ была нечувствительна. Но когда старикъ заводилъ рѣчь о Рассдорфѣ, тогда всѣ члены ея пререпешали.

Наконецъ самъ Рассдорфъ пріѣхалъ въ Рандельнѣ. Марья съ нетерпѣніемъ ожидала его прибытія. Въ первое утро она полетѣла въ долину; но Рассдорфъ не являлся. Каждой день потомъ она ходила на токъ пшпцеловной; но Рассдорфа тамъ не было, и Марья каждой разъ возвращалась домой печальнѣе и задумчивѣе. Ея отецъ, Яковъ и Вильгельмъ тщетно искали тому причины. Они не знали, до какого степени простирается вина помѣщика; Яковъ только былъ увѣренъ, что вина его несомнительна. Марья становилась отчасу печальнѣе. Прогулка въ долину была ея любимую, единственною прогулкою. Тамъ сидѣла она, устремивъ глаза на дорогу, ведущую въ Рандельнѣ, до тѣхъ поръ, пока солнце поднималось выше высокихъ дубовъ. Тогда, вставъ, возвращалась она домой.

Вильгельмъ всякой день посѣщалъ ее. Тоска Марьи усугубляла любовь его. Онъ садился подлѣ нее, просилъ ее быть ве-

селою, раздѣляя съ нею грусть. Любовь видна была въ словахъ его, во взорахъ и поступкахъ. Марья была къ нему ласкова; можно было примѣнить, что она хотѣла отъ него скрыть свою печаль и слезы; говорила мало, но иногда дружески жала его руку; улыбалась, когда онъ появлялся; скучала, когда оставлялъ ее; но лишь только начинали ей предлагать о замужствѣ, всякой разѣ Марья качала головою, показывая, что оно противно ей. Наконецъ рѣшились молчать и ожидать всего отъ времени.

Графиня Кленау прѣехала въ Рандельнъ торжественно свадьбу. Марья горько вздохнула, когда ей сказали о томъ. Въ самое утро, въ которое надлежало совершиться вѣнчанью новобрачныхъ, она пошла въ долину; отецъ ея издали слѣдовалъ за нею. Когда раздался звонъ колоколовъ въ Рандельнъ, Марья бросилась на колѣна, сложила руки надъ головою, потомъ вскочила; увидѣвъ же стоящаго на пригоркѣ отца своего, подбѣжала къ нему, горесно пожала ему руку, и сказала: „теперь все кончилось! все!“ быстро побѣжала домой.

Она принялась за рукодѣлье. Лицо ея безпрестанно измѣнялось. Съ крайнимъ принужденіемъ старалась она пре-

одолѣть себя; наконецъ силы ея ослабѣли, и бѣдная Марья повалилась со стула на землю. Отецъ перенесъ ее на постелю; скоро оказались въ ней всѣ признаки жестокой горячки.

На другой день пришелъ Яковъ. Шаллеръ привелъ его къ постелѣ Марьиной. Слезы падали градомъ изъ глазъ старика. „Смотри, Яковъ! сказалъ онъ рыдая: смотри! вотъ она! злодѣй заплашитъ мнѣ за нее жизнь.“ При сихъ словахъ, Марья, не много поднявшись, спросила тихимъ голосомъ: „кто бабюшка?“ — „Злодѣй, нашъ помѣщикъ,“ отвѣчалъ старикъ. „Ахъ! онъ невиненъ, бабюшка!“ сказала Марья, опуская голову на подушку.

Сїи слова погрузили Шаллера и Якова въ новое недоумѣніе. Они не знали, какое должно вывести изъ нихъ заключеніе; просили Марью объяснить это дѣло, но Марья ничего не отвѣчала, кромѣ того, что помѣщикъ невиненъ.

Спустя два дни, Яковъ, одѣвая своего господина, сказалъ: „дочь Шаллерова очень больна.“ — „Право! отвѣчалъ Рассдорфъ съ великимъ безпокойствомъ, котораго при всемъ своемъ усиліи скрыть не могъ: чѣмъ она больна?“ — „Никто не знаетъ этого. Лѣкарь говоритъ, что у нее какая-то болѣзнь душевная. Въ

самой день вашей свадьбы Марья слегла въ постелю. — Рассдорфъ поблѣднѣлъ. „Она каждое утро ходила въ долину ; прешьяго дня, услышавъ колокольной звонъ, бросилась на колѣна , и съ тѣхъ поръ . . .“ Рассдорфъ спановилса опчасу блѣднѣе ; отворотился отъ Якова , но не могъ скрыть отъ него дрожанія рукъ своихъ , и поспѣшно ушелъ изъ комнаты.

„Теперь нѣтъ сомнѣнїя!“ яростно произнесъ Яковъ : „но ты дорого запла-тишь за свое злодѣйство!“ Въ слѣдующее утро Яковъ опять началъ говорить о Марьѣ. Рассдорфъ , жеспоко терзаемый своею совѣстїю и тайными укоризнами спараго Якова , желая отъ него изба-висься , взялъ къ себѣ другаго слугу ; не слыша ничего о Марьѣ , праздниками , посѣщенїями , звѣриною охопою и дру-гими забавами успокоилъ свою совѣсть.

Болѣзнь Марьи опчасу усиливалась. Вильгельмъ не опходилъ отъ ея постели. Такая вѣрносць , така любовь несказан-но прогали Марью. Она чувствовала уже склонность къ нему , которая увели-чивалась по мѣрѣ оказываемыхъ ей услугъ , и наконецъ прекратилась въ настоящую любовь. Марья не скрыла отъ Вильгель-ма своихъ чувствъ , и бѣдной молодой человекъ опять началъ надѣяться — но

щещно. Она умерла на рукахъ Вильгельма, склонивъ голову на его вѣрное сердце, и роковую тайну понесла съ собою въ могилу.

Отецъ ея былъ внѣ себя отъ отчаянія. Вильгельмъ, ошолбенѣвъ, стоялъ подлѣ трупa любезной; онъ провожалъ его до могилы, не показывая ни малѣйшаго знака печали; потомъ побѣжалъ въ Рандельнъ. Пришедъ къ отцу своему, вскричалъ: „она умерла! злодѣй погубилъ ее! это вѣрно! . . .“ Тупъ ухватилъ онъ висѣвшее на стѣнѣ ружье; но Яковъ вырвалъ оное изъ рукъ его. Онъ скрылъ отъ него Рассдорфово пресупленіе, боясь пылкости молодаго человѣка. „Марья объявила, говорилъ старикъ, что баринъ невиненъ. Успокойся, сынъ мой!“

Вильгельмъ, крѣпко прижавъ отдакъ своему сердцу, вышелъ изъ комнаты. На другой день Яковъ получилъ записку отъ сына, въ которой увѣдомлялъ онъ, что не можетъ болѣе жить въ Рандельнѣ и рѣшился записаться въ солдаты въ войскъ Короля Прускаго — и сдержалъ слово свое. Такимъ образомъ сластолюбецъ лишилъ старика единственнаго сына, утѣхи и опоры его старости. Яковъ, терзаемый гореспѣю, пошелъ къ Рассдорфу, объявилъ ему, что сынъ его отбѣ

печали о смерти Марьи оставилъ домъ родительской и полетѣлъ сражаться. При семъ случаѣ не пропустилъ онъ сдѣлать такія примѣчанія, которыя разрывали на части сердце соблазнителя. Господинъ стоялъ передъ слугою какъ преступникъ и, чувствуя вину свою, не смѣлъ взглянуть на него.

Рассдорфъ зналъ уже о Марьиной смерти. Первое извѣстіе сильно потрясло его душу; но въ то же время онъ увѣдомился, что Марья ужасную тайну скрыла съ собою во мракъ гроба. Яковъ не переставалъ обременять совѣсти оболъспителя и, съ видомъ огорченнаго отца, кинувъ на него значительной взглядъ, сказалъ: „горе тому, кто былъ причиною Марьиной смерти, отчаянія моего сына и горести двухъ сѣдыхъ старцевъ!“ Рассдорфъ съ притворною бодростію, но голосомъ робкимъ, спросилъ его: „Яковъ! ты обо мнѣ говоришь, какъ кажется? чего ты хочешь? что значатъ слова твои? Совѣшную тебѣ, старикъ, не забываться!“ — „Вижу, милоспивый государь, что вамъ угодно шушнить. Однакожь я знаю, что Богъ есть общій Судія всѣхъ, а совѣспь свидѣтель дѣлъ нашихъ; знаю и то, что виновникъ смерти Марьиной шеперь хотѣлъ бы лучше

провести ночь между зараженными морвою язвою, нежели на току пшителейномъ.“ — „Поди вонь!“ вскричалъ Рассдорфъ съ яростію.

Напоминаніе о пшителейномъ току раздражило его. Онъ не вѣрилъ дѣйствию совѣсти, смѣялся надъ нею, называлъ ее предразсудкомъ, бреднями; но совѣсть исполняла свою должность и мучила преступника. Онъ не посѣщалъ болѣе долины, не ходилъ въ роццу, боясь повстрѣчаться съ старымъ Шаллеромъ; старался оправдать себя въ собственныхъ глазахъ, старался извинить свой проступокъ и думалъ: „Дѣвка была больна чахоткою, и мать ея также умерла отъ этой болѣзни. Ей не лзя было долго жить, хопя бы она совсѣмъ не видала меня.“ Такъ онъ умствовалъ. Но скрышный червь угрызенія препятствовалъ ему совершенно успокоиться до тѣхъ поръ, пока новая разсѣянность не погасила въ душѣ его послѣдней искры напоминанія о его преступленіи. Онъ сдѣлался опять веселымъ, щастливымъ Рассдорфомъ, надо всѣмъ насмѣхался и ничему не вѣрилъ — и старой Яковъ часто имѣлъ причины удивляться долготерпѣнію Провидѣнія.

Прошелъ годъ послѣ смерти Марьиной. Въ одинъ день Рассдорфова карета взѣхала на дворъ во всю конскую скачь, и оспановилась у крыльца. Всѣ выбѣжали на вспрѣчу. Рассдорфъ, блѣдный, какъ смерть, сидѣлъ въ каретѣ и не могъ подняться съ мѣста; жена его плакала, слуги суешились. Рассдорфа повели въ коминашу, держа подѣ руки; между тѣмъ послали за Лѣкаремъ. „Что съ тобою случилось, другъ мой?“ безпрестанно спрашивала Гжа. Рассдорфъ. — „Ничего! это пройдетъ!“ отвѣчалъ онъ слабымъ голосомъ. Слуга, которой споялъ за каретой, рассказалъ Якову, что господинъ ѣздилъ въ Шаллерову рощу; не далеко отъ дому лѣсничаго, вышелъ изъ кареты, вскричалъ: „Праведный Боже!“ и упалъ на землю. — Вотъ все, что Яковъ узнать могъ!

Рассдорфъ приказалъ ночью бытъ при себѣ Якову, котораго щѣлой годъ уже не употреблялъ въ услуги. Въ полночь, позвавъ старика къ постелѣ, горестно спросилъ у него: „скажи мнѣ, Яковъ, въ самомъ ли дѣлѣ Марья умерла?“ — Истинно такъ, милосливый государь! — „Видѣлъ ли ты ее мертвую?“ — Видѣлъ собственными глазами, милосливый государь! — „Не правда! не можетъ бытъ!“ — Какъ можно въ эпомъ сомнѣваться? Вся деревня была

на похоронахъ ; Священникъ и Школьной мастеръ провожали тѣло покойницы. Всѣ видѣли , какъ гробъ опустили въ землю. Отъ того бѣдной мой Вильгельмъ пропалъ безъ вѣсти. — „Бога ради , перестань!... а старой Шаллеръ также умеръ?“ — Нѣтъ; однакожь онъ боленъ. — Рассдорфъ; помолчавъ нѣсколько , поднялъ голову и вскричалъ: „Яковъ!“ пошомъ тихо , дрожащимъ голосомъ , продолжалъ: „Сего дня я видѣлъ Марью! видѣлъ ее.“ — Она умерла, милостивый государь , какъ православная Христїанка. — „Я видѣлъ ее! я убійца ея!“ Тутъ преслѣпникъ разсказалъ старому слугѣ о всѣхъ подробностяхъ гнуснаго обмана , которой былъ причиною Марьиной смерти. Яковъ прелеталъ отъ ужаса.

„И старикъ Шаллеръ во гробѣ! я умертвилъ и его!“ говорилъ Рассдорфъ. Яковъ всячески старался увѣрить несчастнаго своего господина , что это неправда — но тщетно. Рассдорфъ страшными клятвами доказывалъ , что видѣлъ Марью. Яковъ не зналъ , что думать , что говорить.

По утру Рассдорфъ заснулъ; ужасныя сновидѣнїя нарушили покой его. Онъ не хотѣлъ принимать лѣкарствъ. — Велѣвъ призвать Священника , онъ спросилъ у него , могутъ ли тѣни мертвыхъ

являться живущимъ на семъ свѣтѣ? Благоразумный Священникъ, доказывалъ невозможность такого дѣла; Рассдорфъ упреждалъ прошивное, ничего болѣе не объявляя. Получивъ прежнія силы и здоровье, онъ не могъ возвратитъ прежняго спокойствія, которое навсегда оставило его. По многихъ тщетныхъ попыткахъ избавитъ себя отъ воспоминанія видѣнной тѣни умершей, онъ предался наконецъ грызенію совѣспи и мечтамъ разстроеннаго своего воображенія. Его мученіе продолжалось постоянно. Умъ его совершенно помѣшался; онъ иногда хотѣлъ сдѣлаться монахомъ, иногда желалъ вступитъ въ общество Герренгутерскаго Евангелическаго братства.

Такимъ образомъ прошли два года. Наконецъ Яковъ открылъ обстоятельство привидѣнія. У брата Шаллера была дочь, совершенно похожая на умершую Марью. Племянница часто посѣщала своего дядю, котораго по праву родства была наслѣдницею. Шаллеръ, не видѣвъ ее съ самаго младенчества ея, крайне удивился сходству ея съ милою своею Марьею, и сіе сходство въ лицѣ и станѣ заставило его проситъ племянницу иногда наряжаться въ платье покойной дочери. Дѣвушка повиновалась съ охотою. Спарикъ

любилъ разсказывать племянницѣ печальную исторію своей Марьи, любилъ ходить съ нею въ долину, которую Марья часто посѣщала. Въ одно время несчастный отецъ, взошедъ на пригорокъ, увидѣлъ предъ собою убійцу своей дочери. „Вотъ онъ! вотъ онъ!“ тихо говорилъ старикъ племянницѣ, и съ симъ словомъ доспалъ изъ-за плеча ружье свое. Дѣвушка, съ угрозою поднявъ въ верхъ руки, вскричала: „прокляпой человекъ!“ Въ ту минуту Рассдорфъ оглянулся, увидѣлъ мнимую Марью въ красномъ платьѣ, которымъ такъ часто любовался, увидѣлъ угрожающій видъ ея, увидѣлъ отца, нацѣливающаго на него ружье, вскричалъ: „Праведный Боже!“ и упалъ на землю. Шаллеръ съ племянницею, испугавшись въ свою очередь, послѣшно скрылись въ кустахъ рощи. Рассдорфъ поднялъ голову — но привидѣніе исчезло.

Старой лѣсничій подумалъ, что помощникъ испугался, увидѣвъ прицѣленное ружье, узналъ послѣ о его болѣзни и не събывлялъ никому о семъ произшествіи. Дѣвушка также не могла разглашать о немъ, живучи въ отдаленіи и никого не видя изъ постороннихъ. Яковъ, которой зналъ только, что Господину являлось

привидѣніе, не говорилъ о томъ Шаллеру, боясь, чтобы старикъ не почелъ это дурнымъ для себя предзнаменованіемъ. Такимъ образомъ подлинныя обстоятельства никому не были извѣстны.

Наконецъ, во время послѣдней болѣзни Шаллера, Яковъ въ первый разъ увидѣвъ его племянницу, крайне удивился сходству ея съ покойною Марьею; узналъ, что она за два года передъ тѣмъ начала посѣщать своего дядю и была съ нимъ въ тошъ самой день, когда занемогъ господинъ его. — Этого довольно для объясненія тайны. Скоро потомъ Шаллеръ умеръ. Яковъ объявилъ помѣщику все, что зналъ, желая успокоить его. Рассдорфъ, чтобы удостовѣриться въ истиннѣ, захопѣлъ видѣть дѣвушку. Она рассказала ему всѣ подробности происшествія, и то, какъ лѣсничій прицѣлилъ въ него ружьемъ своимъ — чего онъ не открывалъ ни же самому Якову. Онъ увѣрился, что привидѣніе Марьи была ошибка — но слишкомъ уже поздно для своего щастія; выдалъ дѣвушку за Вильгельма, котораго поспарался отыскать, издержавъ на то много денегъ; осыпалъ новобрачныхъ благодѣянїями, но это не примирило съ нимъ тѣни Марьиной. „Мщеніе вѣчнаго Судїи, говорилъ онъ часто, въ образѣ

Марьи навсегда лишило меня спокойствія. Мое преступленіе сдѣлало меня злополучнымъ навѣки!“ Онъ заключился въ монастырь; но и тамъ совѣсть преслѣдовала его до самаго гроба.

К — ій.

II.

Отрывки, содержащіе нѣкоторыя любопытныя подробности о Турціи и Египтѣ. (См. No 10 й Вѣстника, стран. 131.)

(Продолженіе первое.)

Я условился съ нѣсколькими изъ моихъ товарищей съѣздить въ Гизу, осмотрѣть пирамиды, изъ копорыхъ при еще довольно крѣпки. Тамъ есть много другихъ, не только огромныхъ, и копорыя находятся одна подлѣ другой, въ направленіи отъ Востока къ Западу. Я видѣлъ одну, построенную изъ мягкаго известковаго камня, которая почти совсѣмъ уже развалилась.

Изъ трехъ большихъ пирамидъ одна чрезвычайно огромна, такъ что двѣ другія кажутся въ сравненіи съ нею малыми, хотя въ самомъ дѣлѣ имѣютъ величину необычайную. Замѣтно, что самая

меньшая изъ нихъ была строена и отдѣлана съ особливимъ раченіемъ; ибо все окружающее ее пространство покрыто большими пласпами порфира и краснаго гранита. Вѣроятно, что вся сія пирамида была нѣкогда одѣта сими прекрасными камнями. На нихъ видны глубокіе и правильные слѣды, показывающіе, что сіи камни были связаны между собою желѣзными полосами, которыя время изтребило, и такъ каменья отваливались по мѣрѣ разрушенія связей.

Сіи чудесные памяшники человѣческаго досужеслва сооружены всѣ изъ вещества известковаго, но болѣе или менѣе твердаго, смотря по свойству камней. Я съ великою удобностію вырѣзалъ имя свое на одномъ камнѣ большой пирамиды, что, можетъ быть, тысяча человѣкъ прежде меня сдѣлали. Я вошелъ въ пирамиду, но по узкой стезѣ далеко не пустился; товарищи мои были отважнѣе и, по возвращеніи своемъ, рассказывали мнѣ многія любопытныя подробности.

Сіи пирамиды находятся въ десяти миляхъ отъ Каира, къ Юго-Западу, на пошвѣ каменистой и возвышенной; покрытой бѣлымъ пескомъ. Сія земная возвышенность принадлежитъ къ цѣпи Ливійскихъ горъ, которыя на Западѣ ограни-

чиваютъ разлишїе Нила. Четыре стороны сихъ пирамидъ отвѣтствуютъ четыремъ главнымъ точкамъ или сторонамъ Сѣва. Много было споровъ о величинѣ большой пирамиды; какъ бока ея не всѣ стоятъ на одинакой плоскости, то шрудно было измѣрить горизонтальное ея основаніе. Прежде полагали оно опѣ шести до осьми сошѣ Англинскихъ футовъ; но Французы измѣрили недавно съ величайшею точностію сію пирамиду, и нашли, что высота ея просѣирается на 600 Англинскихъ футовъ, а основаніе на 700. Надъ большою залою, въ которой заключается гробница, находится небольшая храмина въ 18 футовъ длины и ширины. Первый сходъ въ пирамиду имѣетъ длины болѣе 100 футовъ. Сходъ, ведущій къ большой залѣ, почти равенъ съ первымъ, а главная галлерей имѣетъ длины 100 футовъ. Одинъ Англинской Инженеръ далъ мнѣ слѣдующую таблицу мѣрамъ, ручаясь за исправность оныхъ:

Длина залы	—	—	54	фута,	4	дюйма.
Ширина	—	—	17	—	9	—
Длина гробницы	—	—	6	—	6	—
Ширина	—	—	2	—	2	—
Глубина	—	—	2	—	8	—
Наружная вышина	—	—	3	—	5	—
Толщина камня.	—	—	—	—	6	—

Большая пирамида, равно какъ и другія, довершены, кажется, не по тому плану, по которому были начашы. Внутреннія части, внизу пирамиды, изсѣчены изъ камня, какъ то весьма ясно можно видѣть, идучи по первой галлерей. Погода была чрезвычайно жаркая, когда предприняли мы сіе путешесвіе. Я набралъ нѣсколько кусковъ известковаго камня, изъ котораго построены пирамиды, и гранитовъ, разсѣянныхъ вокругъ оныхъ. Во снѣ саженьяхъ отъ большой пирамиды, къ Востоку, видѣнъ Сфинксъ, или, лучше сказать, голова сего чудовища, сдѣланная изъ одного камня. Сія голова имѣетъ 25 футовъ вышины и довольно еще цѣла, кромѣ носу, которой попорченъ, видно, съ намѣреніемъ. Прежде думали, что сія огромная голова принадлежитъ къ такому же шѣлу; но Французы, въ послѣднюю бытность въ Египтѣ, разрывали песокъ вокругъ оной и доказали несправедливостъ сего мнѣнія. Черты сей исполинской головы представляють женщину Нубійскую, или Эѳіопскую.

Не подалеку отъ сихъ пирамидъ, нашли мы слѣды многихъ древнихъ зданій, копорыхъ строительные матеріалы имѣли почти невѣроятную величину. Посреди сихъ развалинъ, увидѣли мы широкой и

глубокой колодезь, но совершенно сухой. Съ великимъ трудомъ могли мы найти основаніе сихъ развалинъ, по причинѣ великихъ грудъ песку и камней, покрывающихъ сіи мѣста. Для достиженія входа въ большую пирамиду мы были принуждены взойти на высоту, составленную изъ опвалившихся камней и песку, нанесеннаго вѣтрами. Нѣкоторые изъ насъ всходили на самый верхъ пирамиды; но это было сопряжено съ невѣроятною трудностію; ибо каждая изъ двухъ сотъ ступеней сей лѣстницы имѣетъ около трехъ футовъ высоты. Сходить съ оной еще опаснѣе.

Въ двухъ миляхъ отъ пирамидъ, къ Сѣверу, примѣтили мы остатки двухъ каменныхъ мостовъ, которыхъ однакожь не успѣли мы осмотрѣть. Мы увидѣли также за 12 миль отсюда, близъ Саккары, семь другихъ пирамидъ.

Я отправился съ Гг. Кларкомъ и Крипсомъ, двумя Англическими Дворянами, которые пріѣхали въ Египетъ изъ любопытства; мы отправились, говорю, къ Саккарскимъ пирамидамъ и также осмотрѣть поле мумій въ Верхнемъ Египтѣ. Мы сѣли въ шлюпку на такъ называемомъ каналѣ *Князя вѣрныхъ*. Проплывъ полчаса на веслахъ, вошли мы въ Нилъ.

Тогда машросы наши подняли парусы и, съ помощію довольно сильнаго Сѣвернаго вѣтра, скоро оставили мы Каирь далеко за собою. Черезъ три часа вышли мы на берегъ въ прекрасной деревнѣ Шейка Апмана, находящейся въ 14 миляхъ отъ столицы. Мы нашли жителей сей деревни въ прелестной пальмовой рошѣ, гдѣ праздновали они свадьбу. Одинъ Арабъ взошелъ, съ удивительнымъ проворствомъ, на вершину самой высокой пальмы и нарвалъ для насъ финиковъ. Ночь уже наступила, но луна освѣщала сей пріятный сельскій праздникъ, которой обворожилъ насъ. Тутъ были поставлены двѣ палашки, гдѣ разливали кофе и подавали разныя прохладенія; множество танцовщицъ, бывающихъ обыкновенно при такихъ случаяхъ, пляскою своею увеселяли присутствующихъ.

По окончаніи пляски, всѣ разошлись; но изъ мужчинъ многіе не возвратились въ дома свои, и легли на землѣ, какъ овцы. Для сего поспилаютъ они подъ себя всю свою одежду и покрываются большимъ платкомъ, которой днемъ носятъ на плечахъ.

Служители наши развели намъ огонь, доспали чаю, и проч. Намъ было такъ

весело, что мы не прежде, какъ въ часъ по полуночи, возвратились въ шлюпку.

На разсвѣтѣ начали мы приготовляться къ продолженію нашего путешествія. Возхожденіе солнца было великолѣпно; лучи его позлащали вершину горы Мокашама. Мы позавтракали очень пріятно и подняли парусы. Последнее разлитіе изрыло берегъ Нила разными кривизнами, по копорымъ принуждены мы были слѣдовать, отъ чего плаваніе наше замедлилось. Солнце скрылось за облака, и утро было прекрасное. Мы видѣли на берегахъ Нила жилищей, занимающихся поливаніемъ тѣхъ частей поля, куда наводненіе не достигало. Для сего употребляютъ они кожаные сосуды, привязанные къ длиннымъ шеспамъ; на другомъ концѣ находится большой камень, для перевѣсу сосуда, изъ котораго вода выливается въ жолобъ и течетъ, куда надобно. Тутъ видѣли мы Индѣйскую пшеницу и также индиго въ полномъ ихъ ростѣ; они обѣщали изобильную жатву. Берега Нила представляли удивительную противоположность. Восточный берегъ есть ничто иное, какъ пусшая степь, гдѣ едва примѣшны небольшіе участки обработанной земли, по близости отъ селеній, копорыи также очень рѣдки. Цѣпь

безплодныхъ, обнаженныхъ горъ, довершаетъ сію дикую картину. На Западномъ же берегу, напрошивъ того, видѣли мы прекрасныя пальмовыя рощи, разстѣланныя по полямъ, богато воздѣланнымъ. Яркой золотой цвѣтъ финиковъ, которые тогда почти уже созрѣли, придавалъ еще новую прелесть симъ безподобнымъ рощамъ. Арабы вообще предпочитаютъ какъ финики, такъ и другіе плоды и огородные овощи не спѣлые, тѣмъ, которые достигли уже совершенной зрѣлости. Трудно найти причину такой изпорченности вкуса.

Мы вошли въ небольшой каналъ и плыли до селеній Меншей и Дашу, лежащихъ у подошвы горы, на которой воздвигнуты Саккарскія пирамиды. Одна изъ нихъ была совершенно невредима и совсѣмъ отличнаго вида съ пирамидами Гизескими. Мы плыли по одному изъ рукавовъ канала къ Сѣверу, и вошли въ пространное озеро, произшедшее отъ наводненій. Сіе озеро простиралось до Саккары, гдѣ видно поле мумій на высотѣ, которой основаніе составляетъ твердый камень.

Земляная насыпь ведетъ чрезъ все озеро, отъ Востока къ Западу, къ селенію противоположащему Саккарѣ, до подошвы

пирамидъ, гдѣ находится большой каменной мостъ о многихъ сводахъ. Положеніе сего мѣста показалось намъ совершенно сходнымъ съ описаніемъ, которое древніе оставили намъ о Мемфисѣ. Озеро служило, видно, жителямъ для перевозу мертвыхъ тѣлъ въ поле мумій.

До прибытія нашего въ деревню Бузиръ, наняли мы проводниковъ, для осмотра пирамидъ и другихъ любопытныхъ предметовъ. Мы запаслись также факелами, веревочными лѣсницами и всѣмъ, что было нужно для посѣщенія капаксмовъ, или гробницъ. Спускаясь въ колодезь, чрезъ которой въ нихъ входятъ, были мы несказанно поражены новостію и торжественностію предсавившагося намъ зрѣлища. Сіи гробницы были такъ часто посѣщаемы, что остатки мертвыхъ тѣлъ лежатъ тамъ смѣшенно разбросанные по обширнымъ храминамъ и подъ сводами, ихъ скрывающими. Всюду видны кости человѣческія и примѣшны по мѣстамъ отрывки покрывалъ мумій, которыхъ любопытные не взяли съ собою. Сіи покрывала, или обертки, имѣютъ черноватый цвѣтъ и походятъ на нѣкоторое смолянистое вещество. Какъ все изпровергнуто въ сихъ катакомбахъ и не осталось ничего неповрежденнаго, по

безполезно было желать найти не только цѣлую мумію, но хотя большой кусокъ оной. Мы взяли нѣсколько кусковъ, которые меньше прочихъ были повреждены, и набрали также смолянистой матеріи, служившей оберпкою. Намъ было очень безпокойно въ сихъ кашакомбахъ; ибо, кромѣ недостатка воздуха и крайней отъ того духоты, чувствовали мы еще весьма тяжельй запахъ, производившій отъ гніенія такого множества плѣлъ, пошому что воздухъ не можетъ возобновляться въ сихъ подземельникахъ; и такъ мы спѣшили отшуда выдти, какъ скоро удовлетворили свое любопытство. Сіе посѣщеніе сопряжено съ нѣкоторою опасностію, ибо должно входить чрезъ отверстіе, имѣющее не болѣе 4 футовъ въ поперешикѣ, и спускаясь по веревочной лѣстницѣ, почти на 16 футовъ въ глубину. Арабы, проводники наши, очистили намъ путь отъ камней, которые обыкновенно лежатъ грудами, при входѣ въ кашакомбы и вокругъ оныхъ.

Осмошрѣвъ сіе мѣсто, пошли мы съ проводниками къ гробницамъ птицъ, которая находящаяся въ одной милѣ отшуда. Входъ въ оныя довольно подобенъ входу къ муміямъ, но въ него несравненно труднѣе спускаясь, пошому что круглые

камни ускользають ежемгновенно изъ-подъ ногъ и, катясь стремительно внизъ, поднимають страшныя облака пыли и мѣлкаго песку, такъ что мы едва не задохлись. Сошедъ по веревочной нашей лѣстницѣ, пролѣзли мы по такому тѣсному проходу, въ которомъ человекъ, едва умѣститься можетъ. Мы были принуждены ползти чрезъ галлерею въ 50 футовъ длиною. Тутъ попадались намъ многіе сосуды съ муміями священныхъ птицъ. Сіи сосуды сдѣланы на подобіе сахарной головы, или конуса, изъ обожженной глины. Наконецъ доползли мы до возвышеннѣйшаго мѣста, гдѣ могли уже ступить на ноги. Черезъ нѣсколько минушь пришли мы въ залу мумій, гдѣ сосуды въ два фута вышиною, также коническіе, стояли правильными рядами и наполняли всю сію храмину. Мы выбрали для себя нѣсколько лучшихъ изъ оныхъ. Какъ не было принимаемо никакихъ предосторожностей для недопущенія любопытныхъ уносить, или разбивать сіи сосуды, то вся дорога къ нимъ покрыта черепками, и по нимъ - то должно ползти, входя и выходя. Мы открывали нѣсколько цѣлыхъ сосудовъ и находили въ нихъ пичьи носы, кости и даже перья, также самое то смолистое вещество, которое служило

оберткою муміямъ. Такимъ образомъ могли мы удосповѣриться, что Ибисъ древнихъ Египтянъ былъ дѣйствительно птица, которую путешественникъ Брюсъ описалъ такъ подробно, и которую Арабы называютъ нынѣ *Абу-Ганнесомъ*. Сія птица сдѣлалась весьма рѣдка въ Нижнемъ Египтѣ, и я не видалъ ни одной живой во всю мою тамъ бытность. Одна бѣлая птица, о которой упоминаетъ Савари, и которую называютъ *Вололасомъ*, была смѣшана съ Ибисомъ; но она имѣетъ съ нимъ большую разницу какъ строеніемъ носа, такъ и перьями.

Какъ Ибисъ почитался священной птицею у Египтянъ, то не удивительно, что они такъ старались предохранить ее отъ сожженія. Сія птица была драгоценна для нихъ по нѣкоторому особливому инстинкту, удалявшему отъ сихъ странъ ужасы голода. Полуденные вѣтры заносили туда не рѣдко большія тучи саранчи, которая пожирала на поляхъ хлѣбъ и всѣ произрастѣнія. Сія птица, предувѣдомляемая инстинктомъ своимъ о приближеніи вредоносныхъ насекомыхъ, слеталась большими стадами на путь, по которому надлежало летѣть саранчѣ, и всю ее изшребляли. Законы Египетскіе осуждали на смерть, безъ

всякой пощады, того, кто убивалъ Ибиса, хотя бы это случилось и безъ умысла.

Въ сихъ подземельникахъ чувствовали мы такую же духоту, какъ и въ гробницахъ мумій; жаръ тамъ споль несносенъ, что хотя мы скинули съ себя плащъ, но потъ лилъ съ насъ ручьями. Мы были очень довольны, вышедъ ошпунда. Сдѣлавъ договоръ съ Арабами въ разсужденіи доставленія вынесенныхъ нами сосудовъ, занялись мы разсмащиваніемъ окрестностей и самаго поля мумій. Сіе поле находится на вершинѣ каменнаго холма, покрытаго пескомъ. Въ немъ видно множество колодезей, или отверстій, которыя ведутъ въ подземельники, изсѣченные въ горѣ. Поверхность сего поля устлана костями и лоскутьями обертокъ мумій. Оттуда видны, на большое пространство, теченіе Нила и наводненныя сею рѣкою поля.

При входѣ въ шлюпку, принесли намъ продавать большое собраніе разнообразныхъ древнихъ Египетскихъ идоловъ, которые въ прежнія времена погребались съ тѣлами. Мы купили нѣсколько оныхъ и получили въ подарокъ отъ проводниковъ нашихъ Антелопу (родъ дикой козы).

Шейкъ, о которомъ я уже говорилъ, позвалъ насъ къ себѣ обѣдаться, въ 4 ча-

са по полудни, отправились мы обратно въ Каиръ, ушоясь несказанно.

(Продолженіе влредь.)

III.

Картина небесъ.

(Выписка изъ Гершелевыхъ сочиненій.)

Не рѣдко видимъ мы, что въ тѣхъ странахъ, копорымъ Напура отказала въ плодородіи, земледѣліе бываеиъ въ самомъ цвѣтущемъ состояніи, по причинѣ трудолюбія жителей и художественныхъ пособій; такъ точно не въ прекрасныя вочи Полуденныхъ климатовъ Астрономы обогатили наиболѣе звѣздныя свои розписи, но около 52-й степени широты, боясь неутомимо со всѣми неудобствами пасмурнаго неба Англїи, которое не дозволяетъ болѣе 90 часовъ въ годъ дѣлать наблюденія. Тамъ - то, говоримъ мы, славный, неусыпный Гершель, одинъ разпространилъ Науку небесную болѣе всѣхъ своихъ современниковъ, въ числѣ копорыхъ многіе пользуются въ странахъ, ими обитаемыхъ, почти безпре-
шанною ясностію неба.

Многіе изъ Читателей *Вѣстника*, безъ сомнѣнія, извѣстны о важныхъ трудахъ и открытіяхъ сего Астронома; и мы съ истиннымъ удовольствіемъ желаемъ занять ихъ еще оными. Подъ скромнымъ заглавіемъ каталога (*A catalogue of new nebulae, etc.*), сочиненіе, изъ котораго предлагаемъ здѣсь выписку, представляеть занимательнѣйшія умозаключенія и самаго высокаго розряда. Идеи и умъ сего Ученаго Мужа, кажется, изоощряются по мѣрѣ усовершенія употребляемыхъ ихъ орудій, и снѣ углубляется въ страну догадокъ почти столько же, сколько телескопы его проникають въ пространство, и едва ли не съ такою же достовѣрностію.

„Время уже, говоритъ онъ въ краішкомъ Введеніи, время привести въ методической порядокъ многочисленныя припасы, составляющіе Физическую часть Астрономіи. Классификація, которой слѣдовалъ я въ розписяхъ моихъ, есть почти только простое разпоряженіе предметовъ, служащее къ большей удобности наблюдателя, и подобно библиотекѣ, размѣщенной по форматамъ книгъ, а не по содержанію оныхъ. Но здѣсь, соспавляя въкоторое число отдѣленій изъ разныхъ частей звѣзднаго неба, сплану разсмапри-

вать свойства небесныхъ тѣлъ, откры-
тыхъ по сіе время, въ намѣреніи разиѣ-
снить ихъ по надлежащему. Теперь
изчислю только роды, нами видимые,
подробнымъ же описаніемъ cadaго отдѣ-
ленія не умедлю заняться въ другомъ
проспраннѣйшемъ сочиненіи.“

---

*Изчисленіе частей, входящихъ въ
составленіе небесъ.*

1. О звѣздахъ отдѣленныхъ.

Наша солнечная система, хоть про-
страйная, хоть великолѣпная для глазъ,
есль ничто иное, какъ единица сего рода,
копорую Авторъ первую разсмаприваетъ.

Подъ именемъ *отдѣленныхъ* звѣздъ
онъ разумѣетъ не то, чшобъ сіи звѣзды
не имѣли никакой связи съ другими
звѣздами, или съ другими системами,
ибо тяготѣніе (*gravitation*) всегда ихъ
соединяетъ; но когда относительное ихъ
разстояніе такъ велико, какъ то, кото-
рое отдѣляетъ наше Солнце, Арктуруса,
Козу, Лиру, Сирія и проч., тогда мож-
но ихъ почесъ только независимыми
другъ отъ друга, что названіе *отдѣлен-
ныхъ* имъ прилично.

Авторъ основываетъ сіе мнѣніе на одномъ весьма правдоподобномъ обстоятельстве, а именно, что поперечникъ годичнаго пути земли, наблюдаемый изъ звѣзды Сиріуса, соснавлялъ бы хорду угла, не болѣе какъ въ одну секунду градуса, и полагая, что масса сей звѣзды равна массѣ нашего Солнца, вычисляемъ, что сіи двѣ звѣзды употребили бы 55 миліона лѣтъ на упаденіе одна на другую, чрезъ дѣйствіе тяготѣнія, за вычетомъ прошиводѣйствующихъ притяженій, производимыхъ надъ ними другими отдѣленными звѣздами — дѣйствіе, которое можетъ держать сіи два тѣла многіе миліоны вѣковъ въ состояніи, весьма подобномъ совершенной неподвижности. Сіе - то состояніе равновѣсія Авторъ называетъ словомъ отдѣленности и приписываетъ оное въ особливости нашему Солнцу.

Сіи самыя отдѣленныя звѣзды окружены еще великолѣпнымъ и безчисленнымъ сонмомъ звѣздъ, извѣстныхъ подъ именемъ Молочнаго Пути, которой долженъ составлять значную сумму прошиводѣйствующихъ притяженій, удобныхъ содержать въ локоѣ промежуточныя звѣзды. „Ибо, говоритъ онъ, хотя мож-

но со всякою вѣроятностію сказать, что наше солнце и всѣ видимыя нами звѣзды находятся, такъ сказать, въ плоскости Молочнаго Пути; однакожь долговременныя и внимательныя наблюденія удостовѣрили меня, что и самъ Молочный Путь состоитъ изъ звѣздъ, разсѣянныхъ совсѣмъ въ другомъ порядкѣ, нежели тѣ, которыя къ намъ ближе; но о семъ буду я говорить при другомъ случаѣ.“

Каждая изъ отдѣленныхъ звѣздъ быть можетъ средоточіемъ весьма обширной планетной системы; солнце наше представляетъ намъ примѣръ такого разположенія. Но всѣ ли отдѣленныя звѣзды, или солнца, имѣютъ, подобно нашему, свои планеты съ ихъ спутниками, и нѣкоторое число кометъ? Ничто не препятствуетъ сему вѣрить; хотя и было бы неосновательно приравнивать сію аналогію къ другимъ звѣзднымъ строе-ніямъ и ко всѣмъ звѣздамъ неба; ибо Авторъ увѣренъ, что въ сложныхъ звѣздныхъ системахъ планеты не находятся, и утверждаетъ, что планеты предоста-влены однѣмъ только тѣмъ звѣздамъ, или солнцамъ, которыя называютъ онъ отдѣленными, подъ другимъ отношеніемъ.

2. О двойственныхъ звѣздныхъ системахъ, или двойныхъ звѣздахъ.

Двѣ звѣзды, которыя, видимы будучи съ земли, находятся почти на одной линіи, могутъ представлять видъ двойной звѣзды и быть однако же въ неизвѣрномъ одна отъ другой разстояніи; но Авторъ не то называетъ двойственною системою. Для сего требуется, чтобъ сіи двѣ звѣзды были дѣйствительно довольно близки между собою, и въ то же время столько отдѣлены отъ другихъ звѣздъ, чтобъ не были подвержены ихъ приращенію, но были бы соединены одна съ другою чрезъ взаимное свое тяготѣніе.

Здѣсь Авторъ доказываетъ съ помощію чертежей, что двѣ звѣзды, по свойству тяготѣнія, могутъ описывать около общаго средоточія кругъ или эллипсусъ, и двигаются въ направленіяхъ всегда параллельныхъ и противоположныхъ, хотя бы массы ихъ были и не равны, и хотя бы не было никакого плотнаго шѣла въ общемъ центрѣ тягости сея системы. Онъ полагаетъ существенную разность въ строеніи солнечныхъ и звѣздныхъ системъ. Въ первыхъ находится дѣйствительный и весьма сильный центръ приращенія, которой удерживаетъ вокругъ себя всю планетную свиту. Звѣзд-

ныя же системы имѣютъ поле обширнѣйшее; звѣзды, ихъ соснавляющія, вращающіяся вокругъ пустаго средоточія, которое однако же удерживаетъ ихъ споль же сильно, какъ Солнце свои планеты. Въ самой даже планетной системѣ находятся въ уменьшенномъ видѣ примѣры сихъ обращеній вокругъ мысленнаго центра. Такъ вращаются Земля и Луна, виѣспѣ разсмаприваемыя въ пространствѣ; и самое Солнце обращается вокругъ центра тяжести всей своей системы, которой существуетъ хотя въ солнечной массѣ, но не въ центрѣ тяжести или фигуры сей массы, естли вещество Солнца однородно, или симепрически плотно въ слояхъ своихъ, разсмаприваемыхъ отъ центра къ поверхности.

Можно было бы подуманъ, что отдѣленные звѣзды равной величины и находящіяся въ одинакомъ разстоянїи отъ Солнца могутъ, въ весьма большомъ отдаленїи, казаться намъ двойными звѣздами; но Авторъ уничтожаетъ возможность сего, доказывая весьма простымъ вычисленїемъ, что естли бы, на примѣръ, Аркшурусъ и Лира были сїи двѣ звѣзды, то, дабы показались онѣ сполько сближенными, сколько ипробуется на то, чтобъ можно было ихъ названъ

двойными звѣздами, надлежало бы удалить отъ нихъ нашу Землю, по малой мѣрѣ въ 41253 крапы болѣе, нежели сколько она сама отстоитъ отъ звѣзды Сиріуса. Но проникающая сила 7-футовыхъ телескоповъ, съ помощію копорыхъ Гершель обозрѣлъ двойныя звѣзды, не дозволила бы усмотрѣть ихъ въ такомъ разстояніи, поелику въ 40-футовой телескопъ можно видѣть звѣзды только 1342 й величины; слѣдовательно Аркшурусъ и Лира были бы уже невидимы въ 7-футовой телескопъ, когда бы угловое ихъ разстояніе было еще въ $24\frac{1}{4}$ мин., и совершенно бы исчезли въ 40-футовой телескопъ, когда бы сіе видимое разстояніе доведено было до $2\frac{1}{2}$ минутъ; но какъ двойныя звѣзды суть предметы немерцающіе, но чрезвычайно ясные и свѣшлые, то сіе обстоятельство еще сильнѣе подтверждаетъ доводъ Автора.

Бываютъ однако же, говоритъ онъ, такія особливья положенія, въ которыхъ отдѣленные и почти на одной чертѣ находящіяся звѣзды могутъ показаться двойными. Въ такомъ случаѣ надлежитъ справляться съ вычисленіемъ вѣроятности, дабы узнать, до какой степени можетъ быть правдоподобно, чтобъ въ чи-

слѣ 700 двойныхъ звѣздъ, означенныхъ ими въ двухъ каталогахъ и въ числѣ многихъ другихъ, которыя наблюдали онѣ послѣ, находились звѣзды сего рода. Такое изыскиваніе можетъ, въ особливо-спи, имѣть мѣсто въ сложнѣйшихъ звѣздныхъ системахъ.

Мы не войдемъ въ подробности вычисленія, дѣлаемаго ими въ разсужденіи звѣзды Водолея, которая есть двойная 4^й величины, состоящая изъ двухъ равныхъ, по видимому, звѣздъ и отстоящихъ одна отъ другой на 5". Очевидно, что въ семъ случаѣ, отдаленнѣйшая изъ двухъ должна быть шѣмъ болѣе, чѣмъ она далѣе; но можно держать 7.5 $\frac{1}{2}$ миліоновъ противъ одного, что сія двойная звѣзда не есть слѣдствіе двухъ звѣздъ, на одной чертѣ стоящихъ. Вообще случайность сія не можетъ изъяснить многочисленности двойныхъ звѣздъ, и надлежитъ прибѣгнуть къ какому-нибудь великому закону Натуры; законъ сей есть тяготѣніе, которое весьма удовлетворительно объясняетъ сей феноменъ.

Авторъ извѣщаетъ, что скоро издастъ онѣ собраніе наблюденій, учиненныхъ ими о двойныхъ звѣздахъ, гдѣ увидятъ, что многія изъ нихъ перемѣнили свое относительное положеніе, подаваясь впередъ,

что доказываетъ періодическое обращеніе одной вокругъ другой, и что движеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ есть прямое, а другихъ отступательное. Основываясь на сихъ наблюденіяхъ, можно бы уже было узнать ихъ періодическія времена, для довольно вѣрнаго вычисленія параллакса и взаимнаго разстоянія звѣздъ, соспавляющихъ сіи системы, измѣривъ ихъ орбиты, или пушевращенія, копорыя суть хорды удобовидимыхъ угловъ.

Авторъ не думаетъ, чтобъ наше Солнце входило въ двойственное соединеніе съ какою нибудь звѣздою, ибо мы непосредственно могли бы сіе примѣпить; но опъ сего не пребываетъ оно въ покоѣ, хотя его движенія производяшъ болѣе опъ притягательныхъ вліяній ближайшихъ системъ, находящихся въ движеніи, нежели опъ какого нибудь періодическаго обращенія вокругъ отдаленнаго и мысленнаго средоточія.

3. О сложнѣйшихъ звѣздныхъ системахъ, или о тройныхъ, четверныхъ, пятерныхъ и многосложныхъ звѣздахъ.

Столь же удобно вообразишь, что три звѣзды соединены въ систему взаимнаго притяженія, какъ сей часъ полагаемъ мы о двухъ; и во всѣхъ случаяхъ, гдѣ

полагается, что звѣзды обращаются около пустаго средоточія въ равныя періодическія времена, можно доказать, говоритъ Авторъ, что притягательная мысленная сила, дѣйствуя въ прямомъ содержаніи разстояній, кажется, существуетъ въ семь средоточій; ибо, какъ по законамъ центральныхъ силъ, квадраты періодическихъ временъ въ разныхъ кругахъ суть какъ радіусы, разделенные на притягательныя центральныя силы, то изъ сего слѣдуетъ, что когда сіи періодическія времена равны, тогда силы содержатся какъ радіусы. Изъ сего можно еще заключить, присовокупляетъ Авторъ, что въ данной системѣ, гдѣ притягательныя силы всѣхъ тѣлъ, дѣйствующія надъ однимъ изъ оныхъ, могутъ быть доказаны существующими въ прямомъ содержаніи разстоянія сего тѣла отъ центра, то и система можетъ вращаться безъ всякаго помѣшательства и пребывать въ связности своей, хотя бы не было въ ея средоточіи никакой истинной массы.

Авторъ разсматриваетъ случаи, прежде двухъ, потомъ трехъ тѣлъ, совершающихъ круговое движеніе около мысленнаго центра притяженія; наконецъ разсуждаетъ о сихъ движеніяхъ въ эллип-

сіусѣ, и замѣчаетъ въ семъ послѣднемъ случаѣ, что центръ тяжести системы долженъ быть въ фокусѣ, общемъ тремъ равнымъ эллипсисамъ, и что совершенное приращеніе къ сему фокусу будетъ измѣняясь въ обратномъ содержаніи квадрата разстояній одной изъ сихъ звѣздъ отъ центра, между тѣмъ, какъ относительныя приращенія останутся въ прямомъ содержаніи общихъ разстояній отъ того же центра.

Онъ показываетъ случай, въ которомъ сіи приращенія могутъ произвести въ системѣ трехъ тѣлъ странное прямолинейное движеніе, а именно: если бы двѣ большія равной величины звѣзды имѣли касательное (*tangentiel*) движеніе въ противоположныя направленія и, стремясь тягостію своею къ общему центру, описывали бы кругъ между тѣмъ, какъ бы третья малая звѣзда находилась на окончаніи перпендикуляра, возставленнаго на плоскости общаго путешествія и на центрѣ онаго. Малая звѣзда упала бы тогда въ сей пустой центръ, по прямолинейному движенію и съ возрастающею скоростію; она на такое же бы разстояніе прошла внизъ, на какое опустилась сверху; потомъ возвратилась бы опять чрезъ центръ до самой почки, отъ ко-

порой начался ходъ ея , или паденіе ; такимъ образомъ продолжала бы она безпрестанно качаться , подобно часовому маятнику.

Независимо отъ сего простѣйшаго случая , такое же качаніе можетъ случиться съ двумя главными звѣздами , которыя описывали бы равные эллипсусы около пустаго центра въ большемъ , или меньшемъ разстояніи сего центра отъ фокуса эллипсуса , ими описываемаго. Качающаяся звѣзда имѣла бы тогда нарушительное вліяніе не только на плоскость , но даже и на самую фигуру обѣихъ путешествій , которыя , тогда , превратились бы изъ эллипсусовъ въ криволинейные неправильные овалы. Пространство качаній малой звѣзды было бы столько же подвержено измѣненіямъ въ нѣкоторыхъ предѣлахъ ; но система , разсматриваемая въ ея цѣлости , была бы не менѣе отъ того постоянна.

Надлежитъ замѣтить , что качательное движеніе малой звѣзды имѣло бы великую разность съ путешествіемъ кометы , хотя бы сіе послѣднее было сдавлено такъ , чтобъ представляло почти непримѣтный эллипсусъ ; ибо звѣзда протекала бы поперечникъ шара или сферы , въ которой можно ее почитать какъ бы

вписанною, полагая, что припягательная мысленная сила находится въ центрѣ; пусть же кометы описывалъ бы тогда только радиусъ сей самой сферы, потому что комета требуетъ плоскаго и дѣйствительнаго центра припяженія.

Всѣ сіи разсужденія Авторъ изъясняетъ многими чертежами, гораздо удовлетворительнѣе, нежели можно сдѣлать то въ простой выпискѣ.

Если допустить возможность смѣшенія, отъ котораго производятся тройныя звѣзды, то ничто не препятствуетъ полагать и сложнѣйшія. Здѣсь Авторъ показываетъ въ чертежахъ, которые можно почти назвать хореографическими, ходъ, или, какъ онъ называетъ, *пляску* четырехъ звѣздъ, изъ которыхъ однѣ описываютъ пути круговые, а другія эллиптическіе вокругъ общихъ и пустыхъ фокусовъ. Всѣ условія сихъ обращеній суть просты и возможны, по данному закону тяготѣнія и касательной силы. Три звѣзды могутъ также вращаться въ одной плоскости, между тѣмъ какъ четвертая станетъ качаться въ плоскости перпендикулярной. Можно вообразить гораздо сложнѣйшія смѣшенія, допустивъ простыя и правильныя нарушенія; ибо тогда всѣ удобоизмѣняющіяся орбиты и принимающія

двойное изкривленіе могутъ имѣть постоянное существованіе.

„Можетъ быть, говоритъ Авторъ, нѣкоторые люди, не наблюдавшіе никогда подробно разпоряженія безчисленныхъ звѣздъ Неба, почтутъ все сіе пустословіемъ; такимъ ошвѣствую, что предположенныя мною смѣшенія не суть плоды воображенія моего, но подлинно существующи, и я могу показать тысячи оныхъ. Не проходитъ ни одной ясной ночи, въ которую бы, разсматривая небеса въ телескопы мои, не встрѣчалъ я многочисленныхъ скопищъ двойныхъ, тройныхъ, четверныхъ, пятерныхъ и сложнѣйшихъ звѣздъ, по видимому отдѣленныхъ и, вѣрояшно, составляющихъ столько же особливыхъ звѣздныхъ системъ. Не утверждаю, чтобъ я дѣйствительно угадалъ способъ ихъ соединенія; я только желалъ показать возможность онаго. Ученые, которые могутъ имѣть болѣе свободнаго времени, нежели практической Астрономъ, объяснятъ, можетъ быть, лучше мысль мою, если вникнутъ прилѣжнѣе въ разсматриваніе возможныхъ смѣшеній центральныхъ силъ.

(Окончаніе впредь.)

IV.

С М Ъ С Ъ.

Во французскомъ Меркуріѣ помѣщена довольно снрогая кришика на переводъ Виргиліевой Энеиды Аббата Делиля. Рецензентъ выступаетъ на сцену съ низкимъ поклономъ, съ самою тонкою Французскою вѣжливостію, а оставляетъ ее съ явнымъ негодованіемъ, грозитъ подробно разобратъ вымыселъ, характеры и красоты Энеиды, и сравнитъ ихъ, сколько будетъ позволять содержаніе, съ Поэмами Гомеровыми, „чтобы доказать Г. Аббату Делилю, какое почтеніе мы должны имѣть къ опцу Поэзіи, которой не только проложилъ дорогу къ Эпопеи, но и превзошелъ всѣхъ питомцевъ Аполлоновыхъ.“ Надобно знать, что Переводчикъ Энеиды осмѣлился въ предисловіи своемъ оспоривать у Гомера право первенства въ пользу своего Автора; осмѣлился утверждать, что Герои Гомеровы всѣ походятъ одинъ на другаго своими характерами; что у Виргилія вообще болѣе разнообразія и проч. Такое Гомеро-хуленіе вооружило обожателя Музы его и заставило найши въ переводѣ множество несовершенствъ. Въ самомъ дѣлѣ приведенные стихи перевода, на которые Рецензентъ ссылается, пока-

зываютъ , что Г. Делиль не сохранилъ снрогой точности. Гдѣ Виргилій торжествуетъ , тамъ Делиль едва равняется съ обыкновенными Стихотворцами. Такъ трудно выражать мысли Генія! Наконецъ Рецензентъ признается , что *нѣкоторыя* стихи перевода прекрасны и достойны образца своего ; но и въ нихъ также не безъ ошибокъ.

„Я не нашелъ ничего смѣшнаго въ этомъ шинкѣ (написано въ объявленіи объ игральной Оперѣ на Театрѣ Feydeau) ; въ этомъ ужасномъ шумѣ и смященіи , котораго былъ я печальнымъ свидѣтелемъ ; совсѣмъ не показалось мнѣ забавнымъ бѣшеное изступленіе паршера , которой не зналъ , что говорилъ , чего хотѣлъ ; ругаль актеровъ и — что еще не простительнѣе — актрисъ ; требовалъ , чтобы тѣ и другія просили у него извиненія въ неистовствѣ зрителей, ломалъ скамьи и нагой , опрокидывалъ свѣчи , не заботясь , что это могло быть причиною пожара. . . . . Обвиняли актеровъ , но актеры ни мало не виноваты. Гроза началась во второмъ дѣйствіи. Гжа. Сію , будучи не въ силахъ удержатъ крики необузданнаго паршера , усшупила ему поле

побѣды и ушла съ авансцены, не докончивъ явленія. Элевіу, желая продолжать піэсу, вышелъ на театрѣ вмѣстѣ съ Мар-пенемъ: но на каждой фразѣ его останавливали, перерывали слова его, такъ что ничего не можно было слышать. Не могши выдерживать столь неравнаго бою, Элевіу подошелъ къ оркестру и, поклонясь зрителямъ, вѣжливо спросилъ, хотять ли они, чтобы продолжали играть Оперу. Раздались громкіе вопли; одни кричали: *хорошо!* другіе: *не надобно!* Отвѣтъ партера былъ нерѣшимеленъ, и оба актеры продолжали играть до тѣхъ поръ, пока за страшнымъ шумомъ и свистомъ всѣмъ не можно было дѣйствовать. Опустили занавѣсъ; Публика требовала Автора. Спектакль кончился, музыканты и многіе зрители вышли изъ театра; оставшіеся вздумали опять кричать, чтобы піэса непременно была докончена. Имъ говорятъ, что Гжа. Сіо не можетъ играть за слабостію здоровья; зрители отвѣчаютъ бранью. Полицейской Офицеръ хочетъ говорить; его не слушаютъ. „Элевіу! Элевіу! выдъ на сцену!“ Актеръ являешся. „Вы видѣли, милоспивые государи!“ говоритъ онъ съ твердостію, „желаніе наше кончить Оперу, но вамъ угодно было изъявить неблаговоленіе...“

Зрители продолжали вопить и, переломавъ все, что ни попало, разошлись. Піеса не заслуживала лучшаго пріема. Наши современники, которымъ извѣстны только по слуху сладострастныя зрѣлища древнихъ, захотѣли бы лучше смѣяться ихъ, нежели безобразную смѣсь безстыдства и нелѣпостей, которою театръ Feydeau потчивалъ Публику.“ Какой театръ! какіе зрители!

„Естьли бы нравились Публикѣ“ напечатано во Французскомъ Меркуріѣ: „одни важныя и полезныя занятія; естьли бы можно было заставить ее полюбить ихъ; въ такомъ случаѣ надлежало бы непременно затворить всѣ Парижскіе театры, начавъ съ *Водевиль* (Theatre du Vaudeville); въ немъ найдете еще менѣе занимательнаго и полезнаго, нежели въ прочихъ.“

Въ 1619 году Поль сдѣланъ главнымъ Духовникомъ надъ галерами въ Мэрсели. Онъ прославился многими человеколюбивыми дѣянїями и героическими подвигами для облегченїя участи сираждущаго человечества, особливо основанїемъ *госпиталицы найденышей*. Нѣкоторые думали, что такое заведенїе болѣе вредно, нежели

полезно; что со времени учрежденія гостинницы примѣтно умножается число незаконнорожденныхъ младенцевъ. Конечно, нѣтъ заведенія, которое, сколь ни было бы полезно и спасительно, не имѣло бы своихъ неудобствъ, своихъ злоупотребленій; но должно признаться, что учрежденіе сей гостинницы изтребило самая ужасныя. До того времени продавали сіи несчастныя плоды человѣческой слабости копѣекъ по 20, и употребляли ихъ — по челоуѣколюбію, какъ говорили — для освобожденія больныхъ женщинъ отъ изпортившагося молока, давая невиннымъ жертвамъ сосать грудь. Сколько съ одной стороны нелѣпо заключеніе, сколько съ другой жестоко челоуѣколюбіе! Можно ли безъ сердечнаго умиленія произнести имя Поля, копорой прекрашилъ такія мерзости, копорой былъ опцемъ несчастныхъ дѣтей, избавленныхъ имъ отъ погибели несомнительной! Сперва кормилъ онъ на своемъ иждивеніи двенадцать младенцевъ; потомъ бралъ къ себѣ всѣхъ, копорыхъ находилъ у дверей церковныхъ; наконецъ, не имѣя способовъ содержать многочисленное семейство свое, созвалъ въ церковь набожныхъ Госпожъ и представилъ имъ множество дѣтей безпомощныхъ. Сіе зрѣлище и — краснорѣчивое,

сильное — увѣщаніе Пастыря заставили чувствительныхъ пролить слезы; онѣ столько были тронуты, что въ ту же минуту и на томъ же мѣстѣ основали гостинницу найденышей, и на содержаніе оной опредѣлили потребныя суммы.

М. К — ій.

V.

М ы с л и.

(Изъ Польскаго Журнала).

Общество раздѣляется на два многолюдные класса: къ первому принадлежатъ тѣ, у которыхъ болѣе обѣдовъ, нежели аппетита; второй состоитъ изъ тѣхъ, у которыхъ болѣе аппетита, нежели обѣдовъ.

По мнѣнію М... , друзей есть три рода: друзья, которые любятъ насъ; друзья, которые совсѣмъ не занимаются нами; друзья, которые ненавидятъ насъ.

Глупецъ, случайно сказавшій что-нибудь замысловатое, равно удивляетъ насъ, какъ лошадь, которая, будучи запряжена въ наемную карету, скачетъ вноходью.

Кто ищетъ милости у Министра, тому полезнѣе приходитъ къ нему съ видомъ печальнымъ, нежели съ веселымъ. Вообще мы не жалуемъ людей, которые щасливѣе насъ.

Славу Литераторовъ, особливо Драматическихъ Писателей, можно сравнить съ богатствомъ, которое прежде доставляло въ Индіяхъ и на островахъ, вновь открытыхъ. Стоило только рѣшиться на путешествіе, чтобы получить множество золота; но сіи самыя богатства развращали потомковъ: худо обработанное поле не можетъ приносить обильныхъ плодовъ.

По моему мнѣнію, мудрость безъ смиренія ничего не значитъ. Священное Писаніе говоритъ, что начало премудрости есть страхъ Божій; можно бы прибавить и *человѣческій*.

„О Боже!“ такъ молился одинъ Философъ „не прошу, чтобы ты злаго сдѣлалъ добрымъ; но чтобы запретилъ ему казаться добрымъ!“

Какъ любопытно было бы для умствующаго Философа видѣть собраніе всѣхъ фразъ и стиховъ, которые Цензоры, Духовные и Гражданскіе, вычернили изъ разныхъ книгъ въ продолженіе минувшихъ 11 лѣтъ! Такое сочиненіе, разположенное

свѣдущимъ человѣкомъ по хронологическому порядку, ясно показало бы мѣру просвѣщенія обществъ, особливо Начальниковъ.

Кто не видѣлъ любимаго человѣка, угнетеннаго нещастіемъ, тотъ еще не знаетъ силы любви своей.

Отъ чего лучше умѣю чувствовать, нежели выражать? Отъ того, что искусство не можетъ сравниться съ Натурою.

Чѣмъ сильнѣе чувствуемъ, тѣмъ слабѣе выражаемъ.

Все въ насъ спарѣется — кромѣ чувствительности.

Лучше засыпать безъ ужина, нежели просыпаться съ долгами.

М. К — ѳ.

VI.

П а р и ж с к і я М о д ы.

Іюля 18.

Для большаго наряду, щеголи и щеголихи наши употребляютъ только Ліонскія и Индійскія, а для полу-неглиже однѣ только Турецкія матеріи.

*

3*

Есть ли у васъ чулки и изподнее платье цвѣту бронзоваго? Ежели еще нѣтъ, то старайтесь купить себѣ оныя сего же дня, ибо завтра Мода сія уповашельно пройдетъ!!!

*

Фонари у модныхъ экипажей должны быть цвѣту розоваго, или оранжеваго; ибо они освѣщаютъ кучера, не ослѣпляя его, и отбрасываютъ отъ себя пріятный и меланхолическій свѣтъ во внутренность карешы.

*

Знать только музыку и умѣть играть на фортепјано, или на арфѣ, это означаетъ обыкновенное воспитаніе; но молодая дѣвушка, хотя бы она не умѣла ни читать, ни писать, должна быть весьма свѣдуца въ растѣніяхъ. Послѣ искусства плавать, Ботаника опличаетъ въ наши времена превосходное воспитаніе дѣвицъ.

*

По тому самому, что нынѣ не носятъ уже ботфортовъ, молодые щеголи надѣваютъ оныя иногда со шпорами, хотя бы и не случилось имъ въ тотъ день ѣхать верхомъ. Щегольскія ботфорты должны быть вдвое шире и длиннѣе ноги.

*

Щеголиха, желающая отличиться предъ прочими вкусомъ своимъ, окружаетъ себя въ своемъ апартаментѣ статуями, изъ коихъ одна должна стоять внизу лестницы, для держанія лампы, освѣщающей оную; одна въ ногахъ ея кровати, для закидыванія занавѣсу; одна въ головахъ, для положенія на ней всѣхъ принадлежностей ея туалета; одна въ уборной комнатѣ, на которой ставятся благовонія; одна въ будуарѣ, въ положеніи, означающемъ размышленіе. По симъ-то самымъ статуямъ, представляющимъ сѣ аншиковъ *Венеру*, *Гебею*, одну изъ *Грацій*, *Терпсихору*, Парижская щеголиха учится приниматьъ разныя положенія, которыя нужно ей показывать на прогулкѣ, на балконѣ, въ спектаклѣ и на балѣ.

Дормезы, учинившись городскими экипажами и употребляемые нынѣ гораздо въ большемъ прошивѣ прежняго числѣ, дѣлаются на-манеръ лодочки; краска ихъ есть цвѣту *лалиса - лазули*.

Фисташковой цвѣшъ вышелъ онышъ изъ Моды. Прежде сего модной Кавалеръ имѣлъ на себѣ фракъ и изподнее платье цвѣту *фиштакковаго*, и даже экипажъ

его окрашенъ былъ въ фишпашковой цвѣтъ: нынѣ же всѣ другіе цвѣты позволительны, кромѣ фишпашковаго.

Цвѣпныя шелковыя робы, золотыя вещи, бриліанты, все сіе запрещено Молодоу щеголихѣ носить по утру и даже ввечеру, ежели она идетъ пѣшкомъ. Щеголеватый нарядъ-неглиже требуетъ, чтобъ она имѣла на себѣ бѣлую шляпку, бѣлую робу, шаль, или небольшой Турецкой платокъ бѣлой же, бѣлые чулки и бѣлые же атласныя башмачки; словомъ, Дама на гуляньѣ должна быть такъ бѣла, какъ голубка.

ПОЛИТИКА.

I.

*Перечень известій изъ Лондона съ
17го Июля по 3е Августа.*

Одинъ путешественникъ, прїѣхавшій сюда недавно съмыса Доброй Надежды, увѣряетъ, что тамошніе жители готовы принять оружіе въ пользу Англичанъ, какъ скоро сіи послѣдніе захотятъ сдѣлать поискъ противъ помянутой колоніи. Тамъ находятся только 3 Голландскіе военные корабля, но и тѣ не имѣютъ полного числа морскихъ и военныхъ служивелей, да и весьма повреждены.

Изъ Ирландіи напрошивъ того получаютъ здѣсь весьма непріятныя известія. Туда прїѣхало недавно изъ Франціи много подозрительныхъ людей, а между прочими и Мак-Кабе, молодой, весьма предприимчивый человекъ, изгнанный за нѣсколько времени предъ симъ изъ тамошняго Королевства за разныя измѣнническія покушенія и бывший нѣкогда Адъютантомъ у предводителя тамошнихъ недовольныхъ, Лорда Фицгеральда. Правительство назначило 500 ф. стерлинговъ (4 тысячи

рубл.) за поимку онаго Мак - Кабе. — Возмутишели ожидаютъ себѣ помощи изъ Бреста. Для содержанія ихъ въ страхѣ и покорности, правительство наше повелѣло собраться тремъ большимъ лагерямъ, и на сей конецъ отправлено туда немалое число войскъ изъ Англїи.

Ирландцы открыли бунтъ и въ Новой - Голландїи, или Ботанибеѣ, и посадили такъ называемыя *дерева вольности* въ Параматнѣ, главномъ мѣстѣ тамошняго нашего правительства; но принятыя Губернаторомъ строгія и дѣятельныя мѣры изпровергли всѣ ихъ злоумышленія. Триста возмутишелей схвачены, а десять начальниковъ надъ ними приговорены военнымъ судомъ къ смертной казни, копорая и совершена уже надъ четырьмя изъ нихъ. Послѣ сего спокойствіе и порядокъ опяшь возстановились въ тамошней нашей добродѣтельной колонїи, составленной, какъ извѣстно, изъ посылаемыхъ туда на поселеніе преступниковъ.

Брестскій флотъ, подъ начальствомъ Адмирала Ганшома, хотѣлъ было выйти изъ гавани въ море; но, примѣтивъ, что нашъ Вице Адмиралъ Гревсъ далъ сигналъ къ погонѣ, опмѣнилъ свое преднамѣреніе. Флотъ нашъ, передъ Бре-

стоишь разбѣзжающій , состоялъ 25го
 Іюля изъ 20 линейныхъ кораблей , мно-
 гихъ фрегатовъ и нѣсколькихъ кутеровъ.
 Къ нему присоединятся вскорѣ изъ Пли-
 мута еще 5 линейныхъ кораблей.

Кромѣ нѣкоторыхъ небольшихъ ока-
 запельствъ съ нашей стороны передъ Бу-
 лоню и Гавромъ, не послѣдовало чикакихъ
 важныхъ военныхъ дѣйствій. Впрочемъ
 прѣздъ Бонапартия къ берегамъ, осматри-
 ваніе имъ войскъ, ученіе оныхъ днемъ и
 ночью, готовность Брескского флота къ
 выводу въ море и многія другія дѣя-
 тельныя прѣутствовленія подають поводъ
 заключать, что непріятель предприметъ
 вскорѣ высадку на берега наши; но въ
 Великобританіи мало страшатся тако-
 выхъ угрозъ, поелику все готово къ силь-
 нѣйшему отраженію непріятельскихъ
 покушеній.

Объ 11 Остѣ-Индскихъ нашихъ ку-
 печескихъ корабляхъ, возвращающихся
 изъ Индіи въ Европу съ богатымъ гру-
 зомъ, все еще не получено здѣсь досто-
 вѣрныхъ извѣстій; ибо, по содержанію
 нѣкоторыхъ увѣдомленій, они пробились
 сквозь Французскую эскадру Контръ-
 Адмирала Линуа въ проливъ, называе-
 момъ Зунда, причинивъ ей такой уронъ,
 что она въ крайне поврежденномъ со-

стояніи пришла въ Голландскую гавань въ Остѣ-Индіи, Батавію, гдѣ не обрѣла даже и нужныхъ для починки своей потребностей; по другимъ же извѣстіямъ, при изѣ нашихъ кораблей взяты Французами и приведены уже въ Иль де Франсъ, достальныя же спаслись отъ перехваченія и продолжаютъ путь свой въ Европу.

Національные долги наши, по представленной Нижнему Парламенту расписанныхъ, просширались 1го Января 1803 года до 567 миліоновъ и 8968 ф. стерлинговъ (до 4,553 миліоновъ и 64,744 рубл.)

Генералу Дюмурье дано знать, что поелику онъ приглашенъ въ Лондонъ прежнимъ Министерствомъ, для сообщенія оному своихъ мыслей о защитѣ нашей земли отъ непріятельскаго нашествія, и какъ всѣ мѣры, потребныя къ тому, уже приняты: что и нѣтъ болѣе надобности въ услугахъ его, но что онъ впрочемъ будетъ получать ассигнованную ему отъ нашего правительствва пенсію. По сему онъ удалился за 8 миль отъ Лондона, чтобъ жить тамъ въ философическомъ уединеніи.

Его Величество, Король нашъ, прибывъ 31го Іюля, въ 5 часа по полудни, въ Верхній Парламентъ, отсрочилъ за-

сѣданія обоихъ Парламентовъ по 4е Сентября, проспранною рѣчью, говоренною Имъ съ Престола, и въ которой Онъ благодарилъ Членовъ Парламента за ревность, съ какою они занимались великими предметами общественныхъ интересовъ; за умноженіе волонтеровъ и регулярной арміи; за ассигнованіе достаточной суммы на уплату долговъ, накопившихся по части Королевскаго Придворнаго Штата; за ассигнованіе суммы на Государственные потребности. Его Величество заключилъ рѣчь свою слѣдующими словами: „Пріуготовленія, чинимыя съ давняго времени непріятелемъ, съ объявленнымъ имъ точно намѣреніемъ, сдѣлать наше-ство на сіе Королевство, умножаются со дня на день, и таковое покушеніе опмѣняется имъ, по-видимому, только для того, чтобъ доставить себѣ дальнѣйшія средства къ произведенію онаго въ дѣйствіе. Исполненный довѣрія къ опытности, мужеству и дисциплинѣ сухопутныхъ и морскихъ Моихъ силъ, подтверждаемыхъ добровольною ревностію и врожденною храбростію Моего народа, Я ожидаю безъ боязни окончанія сея великія брани, и ни мало не сомнѣваюсь, что оная, съ помощію Божіяго провидѣнія, кончится шѣмъ, что не только минуш-

ный страх опвратится, но и безопасность Великобритании утверждена будетъ, въ глазахъ чужеспранныхъ націй, на непоколебимомъ основаніи. Сверхъ сей первой и важной цѣли, пишу Я въ себѣ ободряющую Меня надежду, что благодѣтельные послѣдствія, могущія произойти отъ нашихъ щасливыхъ напряженій, ограничатся не одними только нами, но что примѣръ и слѣдствія нашихъ усилій подадутъ поводъ къ восстановленію въ Европѣ системы, посредствомъ которой она возвысится оная изъ того ненадежнаго состоянія, въ какомъ теперь находится, и что наконецъ противопоставленъ будетъ твердый оплотъ противъ безпредѣльныхъ плановъ увеличенія и честолюбія, которыя угрожаютъ каждой, осшавшейся еще доселѣ независимою, націи на твердой землѣ.“

Перечень извѣстій изъ Парижа съ 14 го Іюля по 5 е Августа.

Бонапарте, отпраздновавъ 14 е Іюля, день собранія Всеобщихъ Чиновъ, послужившаго въ послѣдствіи времени поводомъ къ изпроверженію Королѣвскія власти во Франціи, отправился 18 го Іюля изъ Сш.

Клу, для обозрѣнія разныхъ лагерей вдоль береговъ и въ Булонь. Супруга его поѣхала между тѣмъ на теплыя воды въ Ахенъ, гдѣ она пробудетъ около 5 недѣль, но есль во все время Бонапартева описуемія, и куда онъ самъ, какъ слышно, заѣдетъ за нею.

Генералу Моро позволено остановишься или въ Барцеллонѣ, или въ Кадиксѣ, и тамъ дожидаться супруги своей, которая вскорѣ разрѣшится отъ бремени.

II.

Разныя извѣстія.

Г. Ланггаузъ, Оберъ - Директоръ Дворцовыхъ строеній въ Берлинѣ, представилъ въ рѣчи своей, говоренной имъ въ Берлинской Академіи Наукъ въ день тезоименитства Его Величества, Прускаго Короля, слѣдующую сравнительную таблицу пространства и шеперешняго населенія нѣкоторыхъ значнѣйшихъ городовъ въ Европѣ:

„Берлинъ, на поверхности 751,832 квадратныхъ першей (мѣра о 18, 20 и 22

футахъ, по разности мѣстъ) имѣетъ 173,652 жителей и 6814 домовъ. — Лондонъ, на 1,176,872 персахъ, имѣетъ 1 миліонъ 55 тысячъ жителей и 25 тысячъ домовъ. — Парижъ, на 1,601,644 персахъ, 700 тысячъ жителей и 24 тысячи домовъ. — Санктпетербургъ, на 2,112,668 персахъ, 223 тысячи жителей и 5 тысячъ домовъ. — Вѣна, на 894,448 персахъ, 250 тысячъ жителей и 5 тысячъ домовъ. — Амстердамъ, на 460,852 персахъ, 250 тысячъ жителей и 7 тысячъ домовъ. — Стокгольмъ, на 463,880 персахъ, 79,600 жителей и 5 тысячъ домовъ. — Римъ, на 515,862 персахъ, 163 тысячи жителей.“

Ежели сіе изчисленіе вѣрно: то, изъ всѣхъ выше-показанныхъ городовъ, Санктпетербургъ занимаетъ самое большое пространство, а, въ сравненіи съ оными, имѣетъ жителей и домовъ гораздо менѣе. Парижъ пространнѣе Лондона, а жителей и домовъ въ Парижѣ гораздо менѣе, нежели въ Лондонѣ. Каждый житель занимаетъ въ Берлинѣ 4 квадратныя перши; въ Парижѣ 2; въ Лондонѣ $1\frac{1}{2}$; въ Санктпетербургѣ 9; въ Вѣнѣ 3; въ Амстердамѣ 2; въ Стокгольмѣ 5; въ Римѣ 3.

✱

Въ Константинополѣ напечатанъ на Турецкомъ языкѣ Катехизисъ, для на-
спавленія дѣтей, воспитываемыхъ въ
Магометанской вѣрѣ. Оный соспавляетъ
сокращеніе Исламизма и содержитъ въ
себѣ между прочимъ слѣдующее:

„Вѣрую во единого Бога. . . . Богъ
не вкушаетъ ни пищи, ни питія; шзо-
ритъ, а не производитъ; не существуетъ
нигдѣ, но сѣй повсюду. . . . Богъ вѣдаетъ
все. . . . Онъ знаетъ число листьевъ на
деревьяхъ и пещинокъ въ морѣ. . . . Онъ
вѣдаетъ языкъ и сердце человека. . . . Онъ
слышитъ и видитъ все. . . . Въ самую
глубокую ночь Онъ видитъ чернаго му-
равья, ползущаго по черному же камню
и слышитъ звукъ шаговъ его. . . . Воля
Его всемогуща. . . . Ни одна муха не
двинетъ крыльевъ своихъ, ни одно сѣмя
не прозябнетъ безъ воли Его. . . .“

„Вѣрую въ книги, низпосланныя Не-
бомъ къ Пророку Магомету. . . . Вѣрую
во Пророковъ и чудеса ихъ. . . . Адамъ
есть первый Пророкъ, а Магометъ по-
слѣдній. . . . Въ продолженіе 50 тысячъ
лѣтъ праведники опочіютъ въ тѣни въ
земномъ раѣ, а грѣшники, нагѣ, преданы
будутъ солнечному опаленію. . . . Вѣрую,
что существуетъ мостъ Сирамъ, тонкой

какъ волосъ , острый какъ сабля , поставленнй надъ безднами ада ; всѣ должны переходить черезъ оный ; нечестивые низвергнуты будутъ съ сего моста . . . . Вѣрую , что въ раѣ находятся изпучники водные ; каждый Пророкъ имѣетъ въ раѣ особенный бассейнъ ; вода въ помянутыхъ изпучникахъ бѣлѣе молока , слаще меду ; по берегамъ поставлены сосуды для пищи , и звѣзды . . . Вѣрую , что существуетъ рай и адъ . Жители перваго навсегда освобождены отъ всякихъ потребностей , а Гуріи , служащія имъ , избавлены отъ всякихъ недуговъ . Земля въ ономъ — мускусовая ; камни — серебряные ; а замазка , связующая ихъ — золотая . Напрощивъ того грѣшники мучимы будутъ свирѣпыми и ядовитыми звѣрями , огнемъ и проч .“

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

А В Г У С Т Ъ . 1 8 0 4 .

№ 16.

ЛИТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

О Т Р Ы В К И ,

Содержащія нѣкоторыя любопытныя подробности о Турціи, Сирии и Египтѣ.

(Продолженіе вшорое.)

Я пріѣхалъ въ Газу и осмотрѣлъ вопер-
выхъ ту часть города, гдѣ живутъ Хри-
стіане; ибо они, подобно какъ и всѣ прочія
секпы, имѣютъ особенную часть, назна-
ченную имъ для жительства. Я вѣхалъ
въ городъ съ Воспочной стороны, чрезъ
самое по мѣсто, гдѣ, сказываютъ, находи-
лись ворота, которыя Самсонъ унесъ на
плечахъ. Въ семъ же самомъ городѣ по-
далилъ онъ непріятелей своихъ подъ раз-
валинами храма.

Предмѣстїя Газы состоятъ изъ земляныхъ мазанокъ; но самый городъ показался мнѣ лучше всѣхъ прочихъ, видѣнныхъ мною въ Сирїи. Я ходилъ на базаръ, или рынокъ, для покупки разныхъ нужныхъ мнѣ вещей, и нашелъ его не въ цвѣтущемъ состояніи. Я видѣлъ множество обломковъ ступъ и мраморныхъ столбовъ въ стѣнахъ домовъ.

Я осматривалъ развалины огромной мечети, въ долинѣ близъ города. Стѣны сей мечети имѣютъ толщину чрезвычайную. Надъ дверями примѣшилъ Турецкую рѣзную работу, въ совершенной невредимости. Внутри мечети, многіе мраморные столпы лежали на полу. Жители Газы имѣютъ преданіе, что сіи столпы были туда принесены Санжіакомъ въ прошедшемъ столѣтіи. На Восточной сторонѣ города видѣлъ я развалины многихъ укрѣпленій, подорванныхъ Французами, во время владѣнія ихъ симъ городомъ. Намъ сказывали, что въ бытность арміи погибло лишь 500 Французовъ отъ язвою, и двенадцать тысячъ человекъ изъ ихъ войскъ истреблены въ Сирїи болѣзнями, мечемъ и голодомъ.

Я былъ у Губернатора, который принялъ меня весьма учтиво. Онъ былъ нездоровъ, такъ какъ и сынъ его, у кошо-

раго болѣли глаза. Сія болѣзнь очень часто свирѣпствуетъ въ сей сипранѣ, и я видѣлъ въ Газѣ множество слѣпыхъ.

Окрестности города сего весьма пріятны, по причинѣ множества плѣнишельныхъ садовъ, соспавляющихъ очаровательный ландшафтъ. Хлѣбныя поля обѣщавали изобильнѣйшую жашву, и видъ моря, отстоящаго не болѣе, какъ на одну милю, довершалъ красоту сего безподобнаго мѣстоположенія.

Прогуливаясь по прекраснымъ и обширнымъ садамъ Газы, нашелъ я въ нихъ множество лучшихъ плодоносныхъ деревъ, какъ-то фиговыхъ, шелковичныхъ, гранатовыхъ, абрикосовыхъ, померанцовыхъ и лимонныхъ. Тамъ сѣютъ также и шабакъ.

Въ двухъ миляхъ отъ Газы видѣлъ я деревню, въ которой дома построены съ отмиѣннымъ искусствомъ изъ кирпичей, обожженныхъ на солнцѣ, и покрыты бревнами, которые смазаны между собою глиною. Сіи кровли служатъ жителямъ огородами, и на нихъ сѣютъ разныя поваренныя травы. Зелень, покрывающая сіи жилища, дѣлаетъ ихъ совсѣмъ не похожими на дома, такъ что путешественнику не пришло бы и въ умъ, что онъ подъѣзжаетъ къ селенію, есльи бы не

удостоверяла его въ томъ колокольня или минаретъ мечети.

По возвращеніи моемъ въ лагерь, сказали мнѣ, что видѣли большое стадо аншелопъ на ближней горѣ. Мы поѣхали верхомъ и съ ружьями; но сіи животныя такъ легки и рѣзвы, что мы не могли ни одного застрѣлить. Мы видѣли также множество перепелокъ и жакаловъ (родъ лисицъ). Ревъ сихъ послѣднихъ много беспокоилъ насъ въ лагерь. Вѣроятно, что сихъ-то самыхъ животныхъ Самсонъ употребилъ на сожженіе хлѣбныхъ полей Филистинскихъ.

По взятіи Александріи, сѣли мы въ шлюпку и, послѣ весьма пріятнаго плаванія по Абукирскому озеру, увидѣли въ полдень Аглинской лагерь и вышли на берегъ близъ артиллерійскаго парка.

Слѣдующій день употребили мы весь на осматриваніе разныхъ военныхъ постовъ. Десятаго, ѣздили прогуливаться верхомъ до Помпеева столпа. Сей памятникъ, находившійся прежде посреди Александріи, стоитъ теперь на милю отъ города. Новѣйшія открытія доказали, что сей столпъ былъ воздвигнутъ въ честь Домиціану. Онъ Коринтскаго ордена и сооруженъ изъ гранита. Шафтъ его, или стержень имѣетъ 90 футовъ длины, не

щипая основанія, имѣющаго пять футовъ высоты. Сіе основаніе было починено, за нѣсколько лѣтъ передъ симъ, однимъ Александрійскимъ Губернаторомъ. Столпъ сей состоитъ изъ трехъ частей. Обелискъ Клеопатринъ, не далеко отъ онаго находящійся, состоитъ изъ одной части и построенъ также изъ краснаго гранита. Онъ возвышается на 60 футовъ сверхъ земли, въ которой большая часть онаго скрыта. Другой обелискъ, изъ такого же камня, лежитъ шутъ же. Иероглифическія письма были такъ глубоко вырѣзаны на сихъ камняхъ, что по сіе время еще совершенно цѣлы, кромѣ Восточной стороны, гдѣ онѣ изгладились отъ палящихъ вѣтровъ, отъ которыхъ гранитъ выкрошился, но съ другихъ сторонъ сохранилъ онъ весь лоскъ свой.

11го Числа поѣхали мы въ Александрію и, проѣзжая въ ворота со стороны моря, увидѣли часть колоссальной руки, вырѣзанной изъ граниту; отъ начала пальцевъ до конца кисти имѣла она 3 фута длины. Сія рука была привезена Французами изъ Верхняго Египта, и догадываюшся, что она составляла часть колосса, воздвигнутаго въ честь Мемнону. Мы видѣли многія любопытныя развалины, особливо гробницы, покрытыя іероглифами.

Великій Каиръ, столица Египта, которую Арабы называютъ Месромъ, а природные жители Какирою, лежитъ на Восточномъ берегу Нила и простирается до подошвы горы Мокамама. Сей городъ отдаленъ отъ рѣки почти на одну Англинскую милю и обнесенъ стѣною, которая имѣетъ около трехъ Географическихъ миль въ окружности. Замокъ, построенный на самомъ возвышенномъ мѣстѣ города, называется Арабскимъ именемъ Жеббель-Жиржисъ. Нѣкоторые думаютъ, что онъ былъ построенъ, за семь столѣтій передъ симъ, Салагомъ - Эдлимомъ, Султаномъ Египетскимъ; но другіе полагаютъ, что онъ сооруженъ въ цвѣтущія времена Греціи и составлялъ часть древняго Египетскаго Вавилона. Сіи зданія, заключающія во внутренности своей многія развалины, были прежде обиталищемъ Египетскихъ Султановъ, и остатки ихъ ручаются за прежнее ихъ великолѣпіе. Прежде вступленія Французовъ въ Египетъ, Каирскій Паша имѣлъ свое пребываніе въ старыхъ палатахъ, находящихся во внутренности крѣпости; гвардія его, свита, Янычары и Ассафы имѣли также особливья жилища.

Сколь ни страшна кажется сія крѣпость жителямъ Каира, но положеніе ея

было бы очень невыгодно, естли бы надлежало ей выдержатъ правильную осаду; ибо гора Мокатамъ, господствующая надъ нею, учинила бы долговременное сопрощивленіе невозможнымъ.

Стѣны крѣпости находящіяся весьма въ худомъ состояніи отъ неореженія правительствва; впрочемъ онѣ довольно высоки и хорошо построены; во многихъ мѣстахъ перекладывали ихъ снова.

Въ крѣпости находящяся Монетный дворъ, гдѣ бьютъ золотыя и серебряныя деньги, съ городскимъ клеймомъ. Сія монета въ Турціи и Египтѣ такъ изпорчена, что едва ли не ниже 55й пробы.

Улицы въ Каирѣ весьма узки и невымощены, и такъ затруднительны для иностранцевъ, что они почти всегда имѣютъ нужду въ проводникахъ. Высота домовъ и шѣснога улицъ доставляющъ одинакожь мѣнь весьма пріятную въ семъ знойномъ климатѣ. Сверхъ того во время сильныхъ жаровъ рачительно поливають сіи улицы, что освѣжаетъ воздухъ и отвращаетъ пыль, которая вообще такъ изобильна и легка, что малѣйшій вѣтръ поднимаетъ вихри оной, и пѣшеходцы претерпѣвають отъ сего крайнее безпокойство. Дома въ Каирѣ весьма высоки и покрыты террасами. Нижніе этажи обык-

новенно изъ бѣлаго тесаного камня, а верхніе деревянныя; окна всѣ выдались на улицу и снабжены рѣшетками. Дома такъ сближены вверху, что почти можно подавать другъ другу руку черезъ улицу. Комнаты главныхъ домовъ суть проспранны и покойны. Онѣ всегда отворсны съ Сѣверной стороны, для впущенія свѣжаго воздуха. Въ домахъ Беевъ и богатыхъ купцовъ находятся фонтаны, которые умѣряють жаръ. Сіи фонтаны почитаются въ Египтѣ пріятнѣйшею роскошью. Полы въ комнатахъ выстланы мраморомъ, а стѣны украшены изящною мозаическою работою. Домашніе уборы подобны Турецкимъ; ихъ соснавляютъ почти однѣ софы и ковры.

Знатные и богатые люди проводятъ цѣлые дни, сидя на софахъ своихъ и занимаясь куреніемъ табаку, или пишемъ кофе и шербега. Напротивъ того простолюдины работаютъ безпрестанно на солнцѣ и, не взирая на то, кажутся бытъ довольными, хотя пища ихъ очень недостаточна. Вообще можно сказать, что народъ въ сей странѣ удивительно ограниченъ въ потребностяхъ своихъ: нищенское рубище едва прикрываетъ сихъ бѣдняковъ, и они валяются въ нечистотѣ со скошиною, безъ малѣйшаго отвращенія.

Палаты Беевъ весьма обширны и обнесены высокими стѣнами. Въ нижнемъ жильѣ не имѣютъ онѣ оконъ. Большая часть сихъ палатъ были разорены, когда Агличане вступили въ Каиръ.

Мечети въ семъ городѣ весьма многочисленны и занимаютъ въ немъ большое пространство. Минареты въ нѣкоторомъ разстояніи дѣлаютъ очень хорошій видъ, но мечети сами по себѣ не могутъ равняться съ Турецкими.

Городъ Каиръ простирается въ длину отъ Сѣвера къ Югу почти на полторы мили, а въ ширину на одну милю. Онъ имѣетъ многія ворота, изъ которыхъ главныя суть Сѣверныя и называющіяся Бабель - Нассеръ. Вошедъ въ городъ чрезъ сіи ворота, увидишь во первыхъ длинную торговую улицу съ лавками по обѣимъ сторонамъ и весьма многолюдную. Тутъ находится множество какъ тамошнихъ, такъ и Европейскихъ товаровъ. Въ сей улицѣ и во многихъ другихъ разставлены большіе деревянныя подсвѣчники, служащіе къ освѣщенію города въ торжественныя дни.

Ксфейные дома въ Каирѣ посѣщаются Импровизаторами, которыхъ любопытные призываютъ и платятъ имъ. Сіи Импровизаторы часто бываютъ въ бѣд-

нѣйшемъ состояніи; ихъ можно узнать по небольшому соломенному калпаку. Встрѣчаясь на большихъ дорогахъ съ проѣзжими, они всегда готовы привѣтствовать ихъ весьма льстивыми стихами и за труды свои довольствуются самою малою платою.

Мнѣ не возможно было узнать ничего достовернаго о населеніи Каира. Оно кажется очень велико; но сіе происходитъ, можетъ быть, отъ того, что улицы весьма тѣсны и потому всегда наполнены людьми. Внутри сего пространнаго города находится весьма много пустырей, кромѣ большихъ площадей, оставляемыхъ передъ мечетями, домами Беевъ и народными зданіями.

Во всемъ Каирѣ нѣтъ ни одного колодезя прѣсной воды, кромѣ находящагося въ крѣпости, которой кажется очень древенъ и построенъ весьма любопытнымъ образомъ. Утверждаютъ, что сей колодезь былъ вырытъ по приказанію Калифа Саллаг - Эдина, или Іосифа; почему и называютъ его колодеземъ Іосифовымъ. Въ крѣпости находится огромное зданіе, называемое также палатами Іосифовыми, и которое служило жилищемъ Калифу Саллаг - Эдину. Въ немъ видны остатки прежняго великолѣпія; особливо одна ком-

ната украшена отмѣнною мозаическою работою. Въ сей комнатѣ ткучь шерсть сукна. Подлѣ оной находится другая, въ которой потолокъ разписанъ фресковою живописью, весьма по видимому древнею; но болѣе всего доказываешь глубокую древность сего зданія то, что на стѣнахъ онаго начертаны имена прежнихъ Царей Египетскихъ такими письменами, которыя не оставляющь ни малаго сомнѣнія въ томъ, чѣмъ были онѣ изображены во времена сихъ Царей.

Теперь возвращаюсь къ колодезю Иосифову. Онѣ имѣетъ 280 футовъ глубины и 40 футовъ окружности. Около него построена галлерей, чрезъ которую люди и жившныя спускаются до самаго дна колодезя. Все сѣе зданіе изсѣчено въ камень, которой, правда, извѣстковой и довольно мягкой. Вода не много солоновата; ее черпаютъ посредствомъ колесъ, къ которымъ прикрѣплены глиняные сосуды; сѣи колеса приводятся въ движеніе волами и буйволами. Вода выливается въ желобы, изъ которыхъ черпаютъ ее для употребленія.

Городъ довольствуется по большой части водою Нила. Сію воду привозятъ въ кожаныхъ сосудахъ и употребляютъ на сію работу множество людей и жи-

вопныхъ. Женщины и дѣти бѣднѣйшаго класса народа, которые не имѣють способъ покупать воду, принуждены сами ходить за нею на рѣку; онѣ носятъ ее на головахъ съ большою ловкостію и даже съ пріятностію.

Жители Великаго-Каира, такъ какъ и большой части другихъ Египетскихъ городовъ, состоятъ изъ Арабовъ, Египтянъ, Грековъ, Армянъ, Турковъ и Мамелюковъ. Арабы безъ сомнѣнія составляютъ многочисленнѣйшій классъ во всемъ Египтѣ. Число Христіанъ, поселившихся въ сей странѣ, весьма не велико. Арабской языкъ, которой вошелъ во всеобщее употребленіе, есть почти единственный въ Каирѣ, а Египетскимъ болѣе не говорятъ. Правда, что священники употребляютъ древнія Египетскія книги во всѣхъ духовныхъ обрядахъ; но многія достойныя вѣроятія особы утверждали мнѣ, что ни одинъ почти изъ нихъ не знаетъ языка сего.

Арабы, живущіе въ Каирѣ, весьма штатны и дѣятельны. Женщины, въ простомъ народѣ, участвуютъ во всѣхъ работахъ, пребующихъ силы. Цвѣтъ лица ихъ очень смугль и черты непріятны. Онѣ выходятъ за-мужъ весьма молоды, и очень плодородны; но бѣдное ихъ состо-

яніе подвергаетъ дѣшей многимъ опасностямъ. Сіи младенцы имѣють обыкновенно печальной и унылой видъ; они часто подвержены глазнымъ болѣзнямъ. Вообще оспа похищаетъ ихъ великое множество. Они также подвержены заваламъ въ брыжейкѣ. Дѣти Европейцевъ, поселившихся въ Каирѣ, суть равномерно слабы и хворы; они рѣдко доспигаютъ совершеннаго возраста. Нѣтъ сомнѣнія, чтобъ сіи дѣшскія болѣзни не происходили отъ недоспашочной и худой ихъ пищи, также какъ и отъ великой нечистоты жилищъ простаго народа.

Арабы носятъ голубыя бумажныя рубашки и широкой кожаной поясъ. Голову обвертываютъ бѣлою или цвѣтною шалью на - подобіе чалмы. Ходятъ босые и безъ башмаковъ. Шеи носятъ голубые и шахматные платки, которые разпускаютъ по плечамъ; обуваются въ туфли.

Одежда женщинъ сего класса также весьма проста: она состоитъ изъ голубой рубашки; онѣ ходятъ также безъ чулковъ и безъ башмаковъ; лицо закрываютъ чернымъ шелковымъ покрываломъ, такъ что одни глаза у нихъ только видны; брови и ресницы чернятъ чернымъ приготовленнымъ карандашемъ, и которой называется по тамошнему *Алхифухсѣ*. Онѣ

красятъ себѣ подбородокъ голубою краскою, а пальцы красною или померанцевою: сіи послѣднія краски состояются изъ листьевъ Генны. Женщины носятъ браслеты изъ двѣшныхъ стеколъ и широкія кольца на рукахъ; къ серьгамъ своимъ часто привѣшиваютъ онѣ разныя монеты.

Богатыя женщины одѣваются почти точно такъ, какъ Турчанки. Онѣ также носятъ длинное черное покрывало, простирающееся до пятъ.

Въ Каирѣ шкутъ разныя бумажныя матеріи, какъ бѣлыя, такъ и разноцвѣтныя, шали, шелковые и шерстяные платки; дѣлаютъ также разныя уборы для лошадей, и весьма искусно вышиваютъ.

Сѣдла, дѣлаемые въ Каирѣ, по большей части покрываются бархатомъ съ богатымъ золотымъ шитьемъ.

Тамъ находится еще другая весьма дѣятельная мануфактура, а именно, шелковыхъ снурковъ, на которыхъ носятъ сабли черезъ плечо и пистолеты, привѣшиваемые за плечами.

Арабы употребляютъ также сіи снурки для вздергиванія до локтя широкихъ рукавовъ рубахъ своихъ; ибо они обыкновенно обнажаютъ переднюю часть рукъ.

Сабля, привозимыя изъ Дамаска и Персіи и продаваемыя въ Каирѣ, очень уважаются; но какъ онѣ чрезвычайно хрупки, то для владѣнія ими пребудетъ большое искусство и снаровка. Турки и Мамелюки весьма разборчивы въ разсужденіи сабель, но еще болѣе щеголяютъ они лошадьми, которыхъ великое множество приводятъ на продажу въ Каирѣ. На примѣръ, если нѣсколько прядей въ гривѣ у лошади вьются, то цѣна ея нарочито возвышается.

Въ числѣ товаровъ, вывозимыхъ изъ Египта въ Европу, надлежитъ щипать пшено, кофе и многіе красильные припасы, также лѣкарственные смолы, шелкъ-сырецъ, постныя масла, мыло, кожи, финики, миндаль и сухіе плоды.

Главное увеселеніе Каирскихъ жителей составляютъ танцовщицы, которыя пляшутъ на улицахъ и площадяхъ. Сія женщины не закрываютъ лицъ своихъ, что въ сей странѣ и во всемъ Востокѣ почитается большою непристойностію. Сія танцовщицы имѣютъ гораздо болѣе легкости и гибкости, нежели пріятности; пляска ихъ весьма жива и довольно безстыдна. Онѣ обыкновенно бьютъ въ кости и пляшутъ при звукѣ гобоя и бубновъ.

За пляскою слѣдуетъ варварской концертъ, не имѣющій никакого согласія.

Сіи зрѣлища служатъ во всѣхъ городахъ и селеніяхъ Египта не только забавою для простаго народа, но даже самые почтеннѣйшіе люди призывають танцовщицъ въ дома свои, чтобы учить плясать съ пріятностію женъ своихъ, не опасаясь ни мало, чтобы сіи презрѣнныя созданія развратили нравы ихъ.

Фигляры также много уважаются простымъ народомъ въ Египтѣ. Они очень искусны и проворны въ ремеслѣ своемъ. Ходящъ также по улицамъ Каирскимъ прыгуны и балансеры, которыхъ всегда сопровождаетъ шумъ для увеселенія народа.

Спарый Каиръ лежитъ къ Югу на полмили отъ Великаго-Каира. Почти все зданія онаго состоявають ничто иное, какъ кучу развалинъ; но набережная, къ которой пристаютъ суда съ хлѣбомъ и другими произведеніями Верхняго Египта, представляешь весьма живое зрѣлище. Это есть одинъ изъ главнѣйшихъ хлѣбныхъ рынковъ во всемъ Египтѣ.

Булакъ, находящійся на Восточномъ берегу Нила въ полумилѣ отъ Великаго-Каира къ Северо-Западу, служитъ главною пристанью для торговыхъ судовъ

Нижняго Египта. Тамъ бываетъ великое множество хлѣба и разныхъ поваровъ. Сей городъ былъ прежде въ весьма цвѣтущемъ соспоянїи, но война разорила его. Лучшія зданїя уже не существуютъ. Предмѣстія Каира, или, лучше сказать, деревни, окружающія сей городъ, также разорены.

Непосредственно на Югѣ отъ Каира видѣнъ большой водоводъ, служившій къ доставленію водъ Нильскихъ въ домъ Паши, находившійся въ крѣпости. Сей водоводъ имѣетъ три ста сводовъ, но оставленъ нынѣ въ небреженїи. Французы воспользовались имъ для защиты Каира; они заклали камнями распоянїя между сводами, и такимъ образомъ превратили его въ большую стѣну.

Египетскія лошади, которыя суть настоящей Арабской породы, различаются по свойствамъ ихъ и по красотѣ соразмѣрностей. Мамелюки и другіе кавалеристы снабжены лошадьми сего рода. Верблюды и ослы употребляются для перевозки тягостей. Въ сей странѣ повозки не извѣстны, и знатнѣйшіе жители Каира заставляютъ носить себя въ носилкахъ, которыя называются шартала-нами. Ослы не въ такомъ здѣсь пренебреженїи, какъ въ Европѣ; о сихъ полезныхъ животныхъ имѣютъ великое поше-

ченіе и отъ времени до времени стригутъ ихъ. Вообще они больше и шайсше Европейскихъ.

Въ здѣшней столицѣ одни только Мамелюки и Турки имѣюшъ право ѣздить верхомъ на лошадяхъ; прочіе жители принуждены употреблять для сего лошаковъ и ословъ. Женщины также ѣздятъ на сихъ животныхъ совершенно по-мужскому: сѣдла ихъ весьма высоки и покрыты коврами. Одежда ихъ во всемъ подобна черной доминѣ.

Въ сей странѣ ѣдятъ буйволовое мясо, какъ мы говядину. Сіи животныя бываюшъ жирны и опмѣнно вкусны весною, когда, по слышанію Нила, трава начинаетъ прорастать. Быки и коровы почитаются столь полезными животными, что ихъ не употребляютъ въ пищу. Ихъ обыкновенно назначаютъ къ черпанію воды, для нашенія полей и садовъ.

Египетскія козы весьма отличаются какъ видомъ своимъ, такъ и количествомъ молока; уши у нихъ чрезвычайно длинны.

Баранина въ извѣстное время бываетъ чрезвычайно вкусна и дешева, равно какъ и домашнія птицы, гуси, голуби и яйца. Все сіе можно удобно достать во всемъ Египтѣ.

Плоды изобильны и многоразличны. Есть множество персиковъ, абрикосовъ, померанцевъ, лимоновъ, фиговъ, финиковъ, миндаля и гранатъ. Персики и абрикосы посредственны, но померанцы и лимоны весьма хороши, такъ какъ виноградъ и арбузы, которые въ сѣмъ знойномъ климатѣ весьма уважаются по причинѣ ихъ прохладительнаго свойства.

Между драгоценными произрастеніями сей страны должно полагать лукъ, славный своею сладостію, также огурцы, тыквы, свеклу, рѣдьку, шпинатъ, корень, называемый *Кулькасомъ*, и *Бизлемъ*, родъ распенія краснаго цвѣта и видомъ похожаго на яйцо.

Во всѣхъ возвышенныхъ мѣстахъ Египта видны богатые поля пшеницы, называемой усачкою, ячменя, пшена, Индѣйской пшеницы, лупиновъ, или волчьихъ бобовъ, чечевицы, бобовъ, индига и картана. Хлѣбъ молотятъ, заспавляя топтать его ногами лошаковъ, ословъ и буйволловъ, и мѣлютъ его ручными мѣльницами. Печеный хлѣбъ весьма хорошъ и дешевъ.

Печи топчатъ соломой Индѣйской пшеницы и картана, или прѣстникомъ.

Я былъ свидѣтелемъ одного любопытнаго священнаго обряда, которой прежде

ежегодно возобновлялся, но, по прибытіи Французовъ въ Египеть, былъ оставленъ: это есть ходъ, сопровождающій верблюда, везущаго священный коверъ, которой служитъ къ покрыванію Кабы, или дома Божія въ Меккѣ. Сіе зрѣлище весьма занимательно для жителей Каира. Кади и множество Дервишей со священными знаменами находились при семъ. Главные Чиновники Великаго Визиря слѣдовали за ними съ музыкою и съ разпущенными знаменами. Наконецъ Тагеръ - Паша замыкалъ ходъ со многочисленнымъ войскомъ. Верблюдъ, везущій священный коверъ, былъ украшенъ развѣвающимися перьями и покрытъ попоною изъ зеленого сукна съ богатымъ золотымъ шипьемъ. Народъ шѣснился вокругъ его, стараясь прикоснуться къ священному коври. Другіе верблюды, покрытые равномерно зеленымъ сукномъ, слѣдовали за первымъ; Имамы пѣли стихи изъ Алкорана, и вооруженные всадники замыкали шествіе.

Мы отправились изъ крѣпости Ибрагима 15 го, рано по утру, въ покрытомъ суднѣ, и плыли на парусахъ вверхъ по Нилу до Бедорашена, деревни, лежащей въ 14 Англинскихъ миляхъ отъ Каира и противъ Галуана. Оттуда пошли мы пѣшкомъ въ Мештеръ - Генну, другую

весьма бѣдную деревню, въ двухъ миляхъ отъ первой находящуюся. Сія деревня заслуживаетъ быть посѣщаема по причинѣ относящихся къ ней преданій. Увѣряютъ, что она построена на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ былъ прежде Мемфисъ, городъ, толь славный въ Исторіи Наукъ и Художествъ, и заключавшій въ себѣ толикія богатства. Мемфисъ былъ основанъ Королемъ Ухореусомъ, копорой назвалъ его именемъ своей дочери. Сія вышла за Нила и была матерью Египта, или Египтуса.

Мемперъ-Генна опстоитъ на шестъ или на семь Англинскихъ миль отъ пирамидъ Саккарскихъ. Тамъ видны многіе опломки граница, покрытые іероглифами и разброшанные по землѣ. Сіи опломки принадлежали къ столпамъ разныхъ орденовъ Архитектуры. На Востокѣ отъ деревни видны большія кучи развалинъ въ направленіи отъ Юга къ Сѣверу. Надлежитъ замѣтить, что во всемъ Египтѣ такія кучи находятся всюду, гдѣ тольکو можно заключать, что былъ прежде городъ. По близости отъ сихъ развалинъ нашли мы осипки снѣны чрезвычайно толстой и, вѣроятно, весьма древней. Строеніе оной, кажется, было подобно стѣнамъ снѣнамъ, которыхъ развалины видѣлъ я

близь Конспантинополя и Александріи. Полагають, что стѣна, которой развалины видны еще подлѣ сего послѣдняго города, составляла ограду Птолемеевой библіотеки. Кирпичи разположены въ ней параллельными слоями; камни же суть известковой породы и во всемъ подобны тѣмъ, которые составляютъ массу горы Мокашама. Кирпичи отъ малѣйшаго усилія разсыпаются какъ песокъ, хотя и сохранили видъ свой.

Сіи разные слѣды древняго города заславляютъ меня заключить, что и дѣйствительно Мемфисъ находился въ семъ мѣстѣ. Стѣна, о которой я теперь говорилъ, служитъ сильнѣйшимъ доводомъ въ пользу сего предположенія. Всѣ тѣ, которые посѣщали древнѣйшіе памятники, найдутъ и здѣсь отличительную и необманчивую печать оныхъ. Обломки столповъ, покрытыхъ іероглифами, и груды развалинъ, собранныя въ семъ мѣстѣ, служатъ сильнѣйшими на то доказательствами. Близость Саккарскихъ пирамидъ равномерно подтверждаетъ, что Мемфисъ шуть находился.

Послѣ духоты и пыли, безпокойныхъ насъ въ Каирѣ, окрестности Мемперь-Ганны показались намъ прелестными. Тамъ видны высокія пальмовыя рощи и

богатыя хлѣбныя поля. Я купилъ опломокъ Египетскаго идола и взялъ кусокъ известковаго камня, изъ котораго поспроена упомянутая мною сѣна, также кусокъ граница отъ столповъ.

По возвращеніи нашемъ въ Бедерашень, Шейкъ позвалъ насъ къ себѣ и угощалъ разными закусками и кофеемъ. Мы приплыли въ Касемъ - Бей не прежде девяти часовъ вечера, по причинѣ противнаго вѣтра.

На берегахъ канала, ведущаго изъ Нила въ Галуанъ, примѣтили мы развалины древняго зданія.

Предлагаю Читателямъ записки, собранныя мною въ Каирѣ, о приращеніи и убыли воды въ Нилѣ:

1801 Года Іюля 16го, посѣщаль я *Межъасъ* или Нило - мѣрѣ, находящійся къ Югу острова Рондага, близъ Сшараго Каира. Арабъ, дѣлающій наблюденія, сказалъ мнѣ, что Нилъ началъ прибывать съ 28го или 29го Іюня. Вода поднималась такъ скоро, что надлежало ожидать въ сей годъ большаго наводненія. Я списалъ примѣчаніе, начертанное на ворошахъ *Ме-кїаса*; оно есть слѣдующее:

„Въ 9й годъ Французской Республики, и въ 1215й годъ Эгиры, черезъ тридцать мѣсяцевъ по завоеваніи Египта Бонапар-

тѣмъ , Мену , главнокомандующій Генераль , починилъ Мекіасъ.“

„Нилъ во время маловодія стоялъ на три локтя и десять дюймовъ столпа , въ 10й день послѣ солнцестоянія VIII года.“

„Онъ началъ подниматься , въ Каирѣ , въ 16й день послѣ сего солнцестоянія. Во 107й день послѣ онаго поднялся онъ на два локтя и три дюйма , выше шафта столпа.“

„Онъ началъ убывать во 115й день послѣ сего солнцестоянія.“

„Всѣ поля наводнились. Сіе чрезвычайное приращеніе воды, на 14 локтей и 17 дюймовъ , подаетъ надежду , что жатва въ семь году будетъ весьма изобильна. Шафтъ столпа имѣетъ 16 локтей высоты.“

„Локопъ состоитъ изъ 54 сантиметровъ (*) , и раздѣляется на двадцать четыре дюйма.“

Говорятъ , что Дельта поднялась на 14 локтей , въ продолженіе трехъ тысячъ двухъ сотъ осмидесяти четырехъ лѣтъ. Савари замѣчаетъ , что самые изобильнѣйшіе годы въ Египтѣ бывающъ шѣ , въ которые вода въ Нилѣ поднимается на 18 локтей.

(*) Новая Французская мѣра , составляющая 4 лин. 43441952.

23 Юля, Нилъ поднялся на 12 дюймовъ отъ 16 числа.

3 Августа, вода поднималась ежедневно на 12 и 13 дюймовъ, въ продолженіе многихъ дней.

5 Августа, вода сдѣлалась чрезвычайно мутна и желтовата, такъ что не можно было ее пить, не давъ отстояться илу. Въ сей странѣ дѣлаютъ для сего большія чаши изъ весьма ноздревашой глины: Арабы называютъ ихъ *бирдаками*. Безпрестанное выдохновеніе воды сквозь поры сей глины содержишь оную весьма свѣжею въ сихъ сосудахъ.

9 Августа, каналъ Князя вѣрныхъ, протекающій черезъ весь Каиръ, былъ отпертъ съ обыкновенными обрядами. Вотъ какимъ образомъ сіе происходитъ: Губернаторъ Каирскій и главные Турецкіе Чиновники, въ сопровожденіи огромной музыки, идутъ къ тому мѣсту канала, гдѣ имѣетъ онъ сообщеніе съ водоводомъ. Народъ забавляютъ фейерверками и пальбою; потомъ разоряютъ плотину, и вода стремительно втекаетъ въ каналъ. На немъ появляется множество судовъ, украшенныхъ богатыми флагами. Магометъ Паша, сидѣвшій на берегу канала, бросалъ отъ времени до времени въ воду,

деньги, которыя Арабы доставали со дна канала, будучи великіе мастера нырять.

18 Августа, Ниль поднялся на 16 локшей и 10 дюймовъ, такъ что покрылъ половину капицели сполна. 1го Сентября вода стояла на высотѣ 17 локшей, то есть, почти совсѣмъ покрыла капицель. Въ теченіе Августа поднялась она почти на 9 футовъ.

16 Сентября — 17 локшей 13 дюймовъ.

19 Островъ Рондагъ почти совсѣмъ наводнился.

21	—	—	17	локшей	16	дюймовъ.
25	—	—	17	—	18	—
25	—	—	17	—	21	—
27	—	—	17	—	25	—
29	—	—	18	—	1	—
2	Октября		18	—	4	—

Такова была самая большая высота Нила въ 1801 году. Рѣка начала убывать 8 Октября въ Каирѣ, а въ Розеттѣ прежде.

Жители замѣчаютъ, что Сѣверный вѣтръ поддерживаетъ воду долѣе на высотѣ ея, и что поля отъ сего болѣе напояюща и слѣдовательно приносятъ обильнѣйшую жатву; если же напротивъ того вѣтеръ будетъ Западный, во время полноводія, то вода скорѣе сте-

каеть, и не довольно напипанная земля не такъ бываетъ плодородна.

Прилагаю таблицу уменьшенія водъ опъ 8 Октября 1801 года.

24 Октября вода убыла на 5 дюймовъ.

	9	Ноября	1	локоть	8	---
	15	---	2	---	4	---
	15	---	2	---	10	---
	22	---	5	---	15	---
	30	---	4	---	19	---
	8	Декабря	5	---	6	---
	14	---	5	---	14	---
	22	---	6	---	2	---
	27	---	6	---	6	---
1802,	3	Января	6	---	18	---
	10	---	7	---		
	17	---	7	---	7	---
	24	---	7	---	14	---
	31	---	7	---	20	---
	7	Февраля	8	---		
	14	---	8	---	4	---

Изъ вышеприведенныхъ таблицъ слѣдуетъ, что въ 1801 году Ниль поднялся всего на 37 футовъ и одинъ дюймъ, и что до 14 Февраля 1802 го онъ убылъ на 15 футовъ. Около сего времени былъ я готовъ отправишься изъ Каира обратно въ Англiю.

Осадка, оспаваемая Ниломъ на поверхности полей, имѣеть черноватый

свинцовый цвѣтъ; но высыхая, дѣлается сѣрожелтою. Какъ сія грязь содержитъ въ себѣ много глины, то, высыхая, трескается. Я взялъ нѣсколько сей земли для изслѣдованія, и какъ скоро она будетъ ко мнѣ доставлена, то не премину сего исполнить съ величайшею точностію. Я примѣтилъ во многихъ мѣстахъ, гдѣ земля была ровна, что слой сего ила имѣлъ около 9 дюймовъ толщины; но сухой имѣетъ онъ не болѣе 5 дюймовъ. Члены Французскаго Института разлагали химически сію Нильскую грязь и нашли въ ней слѣдующее:

100 Частей сего вещества содержали:

11 Воды.

9 Чистаго угля (carbone).

6 Желѣзной извести, или ржавчины (oxide de fer).

4 Кремня (silex).

4 Магнезіальнаго мѣлу (carbonate de magnésie).

18 Извѣстковой земли (carbonate calcaire).

48 Квасцовой земли, или чистой глины (alumine).

И того 100 частей.

Нильская вода, отсѣпавшаяся въ глиняныхъ сосудахъ, о копорыхъ я выше

говорилъ, весьма чиста и доброкачественна. Я хранилъ оную въскольکو мѣсяцовъ въ открытыхъ сосудахъ, и она ни мало не потеряла своей доброты.

(Окончаніе въпредъ.)

II.

*Письма Рускихъ путешественниковъ
изъ Бразиліи къ Госп. N. N.*

1.

Бразилія, Января 18 го, 1804.

По щастливомъ плаваніи, корабли Рускіе, Нева и Надежда, прибыли къ здѣшнимъ мѣстамъ 21 го Декабря, и остановились на якорѣ въ Бон-Портѣ, такъ названномъ Французами еіце во время владѣнія ихъ сею прекрасною землею, въ 12 Италіанскихъ миляхъ отъ главнаго города сей Провинціи. Тамъ живетъ Губернаторъ, Кавалеръ Курадо, человекъ весьма учпивый, старающійся услуживать подданнымъ Великаго Сѣвернаго Монарха. Городъ выстроень на прекрасномъ мѣстѣ; не великъ, однакожь имѣетъ все нужное для жизни и для самыхъ удовольствій. Сѣстные припасы и плоды

весьма дешевы ; ананасовъ множество , ибо здѣсь ихъ опечество. Жители вообще привѣтливы ; большая часть ихъ состоишь изъ Африканскихъ Негровъ или невольниковъ. Я видѣлъ , какъ выгоняють сихъ бѣдныхъ людей на площадь для продажи , нагихъ , и съ лоскуткомъ синяго сукна , привязаннымъ на спинѣ. Они только здѣсь и работаютъ ; а Португальцы лѣнивы и безпечны. Не лъзя не пожалѣть , что сія прекрасная земля въ такихъ рукахъ , и что здѣсь такъ мало людей. Бразилія есть совершенный рай земной. — Мы видѣли , какъ здѣшніе Португальцы праздновали Рождество Христово. Негры , хорошо одѣтые , составляли разныя кадрили , плясали и пѣли на улицѣ. Я былъ въ гостяхъ у многихъ Португальцевъ , гдѣ собиралось довольно женщинъ , изрядно одѣтыхъ и хорошихъ лицомъ ; танцовали менуэты , кадрили и народный Португальскій танецъ , похожій нѣсколько на Рускую пляску.

Мы пробыли здѣсь такъ долго для того , что перемѣнили двѣ мачшы на кораблѣ. Невѣ ; а 21го числа надѣмся оставить сіи мѣста. Окружимъ Капъ-Горнъ , пристанемъ къ острову Дружества , а послѣ къ Сандвичевымъ , откуда корабль Нева отправится въ Кадьякъ , а

мы въ Японію, потомъ въ Камчатку, изъ которой будемъ имѣть случай и удовольствіе писать къ нашимъ согражданамъ.

14е Ноября, въ полдень, по наблюденію были уже мы въ Южномъ полушаріи. Въ сіе время другой корабль, находившійся впереди, поворошилъ назадъ, подошелъ къ намъ подъ корму, и Капитанъ его поздравилъ нашего Капитана съ переходеніемъ Экватора; всѣ матросы обоихъ кораблей прокричали три раза: ура! за обѣдомъ пили за здоровье ИМПЕРАТОРА, ИМПЕРАТРИЦЫ, всѣхъ Патриотовъ Россіи, и палили изъ пушекъ.

Нынѣшній день я гулялъ съ ружьемъ по берегу, задумался и вдругъ увидѣлъ ползущую змѣю жемчужнаго цвѣта, прижалъ ее дуломъ къ песку и любовался ея блестящею кожею; скоро подошелъ ко мнѣ Нашуралистъ, который, вошкнувъ въ нее булавку, въ то же мгновеніе умертвилъ сію ядовитую, но прекрасную тварь. Она теперь въ спиртѣ и будетъ отправлена въ Петербургъ — и проч. и проч.

М. Рапмановъ,

Флота Лейтенантъ и Кавалеръ.

2.

Бразилія, 29 го Января, 1804.

Оставивъ Тенерифу, искусствомъ и неусыпною дѣятельностію почтеннаго Капитана нашего Крузенштерна соотечественники ваши въ семь недѣль преплыли необычайные жары между Тропиковъ, не имѣя совсѣмъ больныхъ, не зная соленой пищи, ни пухлой воды, и 22 го Декабря флагъ Россовъ украшалъ уже рейду между островомъ Святой Екатерины и Бразиліею. Тупъ я вспомнилъ Ансона, который, пришедши сюда изъ Портсмута, имѣлъ множество больныхъ и потерялъ въ пути нѣсколько людей; вспомнилъ и несчастнаго Лаперуза, который споялъ на самомъ шомъ мѣстѣ, гдѣ нами якорь брошенъ. Они были великіе мореходцы; но дай Богъ не имѣть ихъ участи!

Теперь скажу вамъ нѣсколько словъ о здѣшнихъ мѣстахъ. Вамъ извѣстно, что Бразиліею владѣютъ Португальцы. Ежели бы они были такъ трудолюбивы, какъ Рускіе; ежели бы Правительство ихъ дозволило имѣть здѣсь торговлю и другимъ народамъ: тогда бы число жителей умножилось въ Бразиліи, и скоро превзошла бы она своимъ богатствомъ обѣ

Индїи; но Португальцы лѣнивы и заста-
вляють рабѣвать однихъ Негровъ. О го-
родѣ говорить нечего, но внѣ его все плѣ-
няетъ чувства: лѣса плодовыхъ де-
ревьевъ, множество цвѣтовъ, гряды усѣян-
ныя ананасами, ароматическій запахъ,
множество разноцвѣтныхъ попугаевъ,
колибриевъ и другихъ красивыхъ птицъ;
все это прелестно: но вдругъ остано-
вись ползущая у ногъ змѣя, или другое
ядовитое насѣкомое: слѣдственно прїят-
ности сопряжены отчасти и съ опасно-
стїю. Напуралисты наши торжествую-
ють, видя себя въ царствѣ ея великолѣпія.

Я пишу къ вамъ изъ хижины, кото-
рую нанялъ на нѣсколько времени прїя-
тель мой, Графъ Толстой, близъ мѣстеч-
ка Святаго Михаила на матеромъ берегу
Бразилїи. Вижу вокругъ себя пушистыя
деревья лимонныя, голые кокосы, согбен-
ные отъ тяжести плодовъ бананы, кра-
сивыя пальмы, кофейныя деревья, жел-
тые цвѣты хлопчатой бумаги и колючія
листья, съ которыхъ собирають драго-
цѣнную краску кошениль. Можеть ли
Сѣверный жипель смотрѣть на это
равнодушно?

Когда мы стали на якорь, то дума-
мали единственно застись въ Бразилїи
живностїю и свѣжею водою, чѣмъ иди

немедленно къ мысу Горну; но отъ сильныхъ жаровъ и дождей Экватора нашлись двѣ гнилыя мачшы на кораблѣ Невѣ, которыя надлежало перемѣнить. Уже мы послали на ихъ мѣсто новыя изъ краснаго дерева, и черезъ три дни идемъ смѣло противоборствовать грозному времени года, когда солнце приближается къ знаку Тельца. Осеннее равноденствіе мы испытали: пассажирамъ нашимъ очень въ память, какъ угрюмый Сентябрь безъ милости препалъ насъ по Сѣверному морю. Что скажетъ Мартъ? онъ же естъ старшій братъ всѣхъ мѣсяцовъ по Астрономіи. Но съ Капитаномъ Крузенштерномъ и съ Рускими чего бояться? Будемъ тамъ, гдѣ намъ быть надобно. Теперь простите до самой Камчатки; уже Маркизскіе, Сандвичевы острова и владѣніе Императора Тензинъ-Кубоскаго не доставяшъ мнѣ случая увѣдомлять васъ о нашей экспедиціи. Изъ Камчатки первое письмо будетъ къ вамъ. Я веду журналъ: вы увидите его, ежели Богъ приведетъ мнѣ возвратиться въ Россію. Простите. Скоро окружимъ мысь Горнъ и будемъ чистить Кукову эпитафію на островѣ Оваѣ — и проч.

Федоръ Ромбергъ,
Лейтенантъ Фрегата *Надежды.*

III.

О новой Руской Исторіи.

Мы осыпаны, можно сказать, обременены благодареніями Господь Французовъ, такъ что скоро всѣ способы изощримъ быть благодарными; скоро должны будемъ въ молчаніи благоговѣть предъ виновниками нашего моральнаго и физическаго благоденствія. Никто не сомнѣвается, съ какими трудностями сопряжена обязанность пріучать грубыхъ Сѣверныхъ жителей произносить въ носъ Французское и, заставляя выпверживать вокабулы, и оцупью, по пути мрачному и непроходимому, вести насъ къ храму просвѣщенія. Какихъ исполинскихъ подвиговъ стоило гражданину Модрю сочинить Рускую Грамматику, чтобы имя наше и языкъ сдѣлали извѣстными въ Европѣ! Какія милостивыя предложенія мы слышали и читали отъ Г. Н. Н., копорой вызывался воспитывать дѣтей нашихъ во Франціи, и такимъ образомъ изъ страны дальней, на подобіе благодарительнаго Божества, дѣйствовать на щастіе Имперіи!

Теперь видимъ новой опытъ любви къ ближнему. Московскія Вѣдомости (*)

(*) No 58.

недавно возвѣспили о вышедшей на Французскомъ языкѣ Россійской Исторіи, съ прибавленіемъ Полилитическихъ и Географическихъ извѣстій и Натуральной Исторіи нашего Отечества, для начального ученія въ пользу Россійскаго юношества. Не забыли упомянуть, какъ водится, что „одного названія довольно уже для одобренія сей книги и для принятія оной въ число классическихъ (!!) и что наконецъ пора Россіянамъ узнавать Россію!“ Имѣя нужныя учебныя книги, особливо исправную краткую Россійскую Исторію на отечественномъ языкѣ, весьма удачно сочиненную предъ глазами, такъ сказать, Правительсва, мы до сихъ поръ не хвашились, что недостаетъ намъ еще классической Исторіи на Французскомъ языкѣ; были увѣрены, что отъ Университетовъ и другихъ публичныхъ Училищныхъ Институтовъ зависящъ, одобрявъ сочиненіе, принявъ его въ число классическихъ; слѣдственно газетное объявленіе почли обыкновенною формою, въ которой Авпорбъ книги не имѣетъ, или не долженъ имѣть участія. Но прочитавъ предисловіе къ новой Исторіи, мы увидѣли, что Сочинитель (Г. Аббашъ Перень) въ самомъ дѣлѣ навязываетъ ее намъ на шею, и хочетъ, чтобы непременно по ней

учили; потому что такого сочиненія, какъ онъ говоритъ, еще не бывало (1) — въ чемъ онъ совершенно правъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ. Не будемъ входить въ подробное изслѣдованіе, полезно ли учиться отечественной Исторіи на языкѣ иностранномъ, хотя и не очень пріятно слышать, когда молодые Россіяне не стыдятся говорить: *Нѣмеція*, вмѣсто Германія, *Гонгрія* вмѣсто Венгрія; не будемъ привязываться къ словамъ и названіямъ, которыя безъ милосердія изуродованы Авторомъ, какъ то: *Залоравіенъ* (2) (Запорожскій), *Игуменица* (3), *Иконостажъ* (4), *денюшъ* (5) (денежка), *полушъ* (6) полушка, *дворанини* (7) и проч.; не будемъ утверждать и доказывать, что выдавать учебныя книги (полезныя, или бесполезныя) безъ вѣдома и одобренія Педагоговъ, которымъ поручено дѣйствовать по извѣстнымъ предначертаніямъ, для доспигенія къ одной цѣли — значить безпрестанно толкать съ горы

---

(1) Préface, pag. V. Ibidem pag. XII.

(2) Tom I. pag. 248. Tom II. pag. 32. et passim.

(3) Introd. pag. XLIV.

(4) Ibidem, pag. LIV.

(5) Ibidem, pag. X.

(6) Ibid.

(7) Ibid. pag. XII.

Сизифовъ камень и вѣчнаго труженика лишать надежды когда либо достигнутъ вершины; скажемъ только, что думаемъ о новой книгѣ. Предварительно уведомляемъ Читателей, что не беремся методически разсматривать сіе рѣдкое сочиненіе. Это заставило бы насъ ополчиться терпѣніемъ Болтина и сражаться съ вѣтренными мѣльницами, принявъ ихъ за гиганшовъ; тогда надлежало бы раздѣлить наши примѣчанія на четыре Тома, изъ которыхъ каждой долженъ былъ бы содержать особенной предметъ: то есть, въ 1мъ заключалось бы то, *что мы очень знаемъ*; во 2мъ, *того совсѣмъ не знаемъ*; въ 3мъ, *въ чемъ мы не согласны съ Асторомъ*; въ 4мъ, *того знать намъ не нужно*. Теперь укажемъ только на нѣкопорыя спатъи; отъ Читателей будетъ зависѣть относитъ оныя къ какому угодно опредѣленію.

Нашъ Историкъ, какъ и всѣ, любитъ истинну и точность; не можемъ перпѣть Путешественниковъ и Писателей, которые рассказываютъ небылицы о нашемъ отеческѣ (1); и чтобы какъ нибудь не впасъ въ искушеніе, обѣщается не вдаваться въ разсужденія, не прерывать повѣствованія (2) и, слѣдуя совѣту

---

(1) Préface. par. IV. Introduction, pag. XXVII.

(2) Préface, pag. VI.

Г. Флёрри, доставлять читателю матерію къ размышленію, а себѣ не давать излишней воли. Это похвально! Но *voluisse satis est; gđѣ клятва, путѣ и преступленіе*. Какъ Французу удержаться, чтобы не сказать лишняго?

Naturam expellas furcā, tamen usque resurret.

Краткость есть одно изъ первыхъ достоинствъ учебной книги. Авторъ нашъ сохранилъ ее въ строгой точности. Онъ знаетъ, что (1)

Le secret d'ennuyer est celui de tout dire; и потому пропускаетъ излишнее, какъ-то: образъ правленія, законы и ихъ исторію, морскія и сухопутныя силы и поному подобныя мѣлочи, а напоминаетъ только о самомъ нужномъ, на примѣрѣ (2): „Рускіе носятъ бороды. Зимнее плаще шьюшъ изъ овчинъ, или другихъ обыкновенныхъ мѣховъ; оно дѣлается ниже колѣнъ и на бедрахъ подпоясывается. Достаточные люди носятъ верхнюю одежду, сшитую по томужъ образцу, которая называется *кафтанъ* . . . . . (3). Многие изъ Рускихъ, особливо женщины, дородны до чрезвычайности; это происходитъ отъ всеобщаго употребленія овся-

---

(1) Préface, pag. V.

(2) Introd. pag. XXII.

(3) Ibid. pag. XXIII.

ной кашѣ и кулебякѣ . . . . . (1) Народъ въ постные дни питается кашею съ масломъ , грибами , солеными огурцами , кислою капустою , рыбами солеными и копчеными ; прибавше къ этому сырую зелень , особливо лукъ ; пьетъ квасъ и кислоти . Рускіе играютъ (2) на балалайкахъ , гудкахъ , рожкахъ и дудкахъ . . . . . Священники (3) у нихъ женаты ; носятъ бороды (4) и длинные волосы на головѣ ; одѣваются въ длинное платье и подпоясываются , а выходя изъ дому , надѣваютъ верхнюю одежду съ широкими рукавами . “ Кто не узнаетъ нуть слога Тацитова ? Но Тацитъ описывалъ обычаи Германцевъ для Римлянъ , а нашъ Историкъ , изображая обычаи Рускихъ , думаетъ , что рассказываетъ Американцамъ .

Но вотъ любимая матерія иностранныхъ Писателей : „ Рускіе (5) вообще веселы , лукавы и коварны ; не любятъ прилѣжно заниматься и имѣютъ отвращеніе отъ всѣхъ Наукъ . Упражняющіеся въ торговлѣ весьма искусны въ обманахъ , которые называютъ они проворствомъ .

---

(1) Introduction pag. XXIII.

(2) Ibid. pag. XXV.

(3) Ibid. pag. XLI.

(4) Ibid.

(5) Ibid. pag. XXIV.

Не надобно полагаться на ихъ честность.“
 Благодаримъ, Г. Аббаши! за лестной отзывъ
 о націи гостепрїимной, которая, какъ вы
 сами говорите (1), дала вамъ у себя убѣ-
 жище. „Народъ (2) суевѣренъ до крайно-
 сти; въ семъ отношеніи многихъ знат-
 ныхъ можно причислить къ классу на-
 рода. Всѣ вообще привязаны къ колду-
 намъ и отгадчикамъ; любятъ толковать
 сны и боятся тучи и грома. Мерш-
 вымъ (3) даютъ въ руки пашпорты (для
 чего не разрѣшительныя грамоты?) и
 плашокъ, упираются на пути въ другой
 свѣтъ.“ Г. Аббаши приложилъ (4) форму-
 лу, по которой плачутъ по мершвыхъ;
 шумъ слѣдовало бы уже быть и голосамъ
 на ногахъ, но

Le secret d'empuyer est celui de tout dire.

Г. Аббаши Перень, какъ добрый па-
 стырь слова словеснаго, не забылъ по-
 заботиться и о душахъ нашихъ: „Рускіе
 (5) отвергаютъ чистилище (отвергаемъ
 чистилище душевное, но чистилище для
 нѣкоторыхъ книгъ признаемъ необходимо
 нужнымъ), и однакожь молятся за мерт-

(1) *Introduct. pag. IV.*

(2) *Ibid. pag. XXV.*

(3) *Ibid. pag. XXVI.*

(4) *Ibid. pag. XXVII.*

(5) *Ibid. pag. LII.*

выхъ. Какъ согласить такую разноглаго-
 сицу? Къ чему послужить молитва за
 усопшаго, ежели душа его уже оправдана
 къ наслажденію вѣчнымъ блаженствомъ
 избранныхъ Божіихъ, или осуждена на
 муки нескончаемыя? За симъ слѣдуетъ
 неоспоримая Логическая Дилемма, дока-
 зывающая, что отпралять панихиды со-
 всѣмъ бесполезно. Ваши доказательства
 очень сильны, Г. Аббатъ Перень! Смир-
 емся передъ вашею ученостію, но про-
 симъ не мѣшать намъ заниматься наши-
 ми церковными обрядами; не лишайте
 насъ удовольствія торжественно изъяс-
 лять любовь нашу къ друзьямъ и род-
 ственникамъ, и молишься за нѣхъ, ко-
 ихъ память любезна нашему сердцу. —
 Г. Аббатъ Перень скорбитъ о раздѣленіи
 церкви и, упомянувъ о различіи догма-
 шовъ Греческихъ и Римскихъ, какъ ис-
 стинный поборникъ Римско-Католическа-
 го православія, въ набожномъ испупле-
 ніи восклицаетъ: „Какъ (*) ничтожны
 сіи предлоги къ раздѣленію! какъ можно
 дерзать для такихъ маловажныхъ при-
 чинъ раздирать ризу Іисуса Христа,
 который хочетъ, чтобы было одно стадо
 и одинъ пастырь!“ Чинпатель видипъ,

(*) Ibid. pag. XIV.

что Историкъ нашъ, обѣщавшись быть скромнымъ, поступилъ нескромно. И чего онъ требуетъ отъ насъ? Ежели честный Опецъ, пользуясь дерзпимостію вѣрѣ въ Россіи, осмѣливается выдавать въ публику такія мнѣнія свои о правилахъ нашего изповѣданія, по Божь знаешь, чего не въ состояніи онъ наговорить своимъ ученикамъ, копорыхъ, по нещастію, можетъ имѣть, какъ должно заключать изъ предисловія (1) къ Исторіи. Онъ не шупя доказываетъ, что мы прежде были Римскими Каполиками (2), и что всеобщій расколъ въ Россіи начался (3) не прежде 1448 года. Утверждая, что народъ не взлюбилъ Лже-Димитрія за его уваженіе къ Каполикамъ, отъ копорыхъ Рускіе всегда имѣли (4) непреодолимое отвращеніе (можно ли такъ противорѣчить самому себѣ?), Г. Аббатъ Перень прилагаетъ внизу свое разсужденіе: „Мудрено изъяснить, по какой причинѣ Россіяне обнаруживаютъ такое отвращеніе отъ Латинской церкви, съ которою однакожъ вѣра ихъ и ученіе во всемъ согласны. Народъ обманываютъ (съ нами крестная сила!);

---

(1) Préface pag. V.

(2) Tome I. pag. 38. 54. 55.

(3) Tome I. pag. 170.

(4) Tome I. pag. 222.

но шѣ, которые изъ высокоумїя и для личныхъ выгодъ укореняють въ немъ заблужденїя и чувства ненависти, весьма виновны предъ лицомъ Религїи, поучающей любви къ ближнему и ненавидящей лжи и клеветы. “Какова проповѣдь! Авторъ, ксшати или не ксшати, нигдѣ не пропускаетъ случая поговорить о введенїи въ Россїю Каполическаго изповѣданїя, на примѣръ (1): „Общество Сорбонское представило ПЕТРУ Великому, что Ему, какъ Главѣ церкви, не трудно соединить Греческое изповѣданіе съ Латинскимъ; но сіе предложеніе было не шакого рода, чтобы могло нравиться Государю. Записка отъ Отцевъ Сорбонскихъ принята; но она не имѣла никакого дѣйствїя.“ вмѣсто того, чтобы упомянуть объ отвѣтѣ отъ Россійскаго Духовенства Сорбонскому Обществу, Г. Аббатъ повѣствуетъ о шакихъ нелѣпостяхъ (2), которыя знать нашему юношеству совсѣмъ не нужно, и въ истиннѣ которыхъ имѣемъ причины сомнѣваться. Воля ваша, Г. Аббатъ! мы останемся по прежнему вѣрными почитателями Религїи нашихъ предковъ, и оповѣчаемъ вамъ словами Князя

---

(1) Tome II. pag. 56.

(2) Tome II. pag. 57.

Владиміра , которыя сказалъ онъ По-
сламъ Папскимъ : „идите вспять , зане
опцы наши не пріяли сего (1)!“

Посмотримъ еще , любятъ ли Г. Аб-
батъ противорѣчишь. Въ предисловіи (2)
упоминаетъ , что Рускіе пріобрѣли себѣ
уваженіе Европы быстрыми успѣхами въ
Наукахъ и Художествахъ ; а въ другомъ
мѣстѣ говоритъ , что тѣ же Рускіе (3)
не любятъ ничѣмъ прилѣжно занимать-
ся и вообще имѣютъ отвращеніе отъ
ученія. Въ томъ же предисловіи сказавъ ,
что пишетъ для юношества , слѣдствен-
но почитаетъ нужнымъ умолчать о нѣ-
которыхъ произшествіяхъ отвращитель-
ныхъ , на которыя не должно указывать
молодому писателю : ибо обнаруживая по-
рокъ , не рѣдко по неоспорочности мож-
но посѣять въ юномъ сердцѣ сѣмена
разврата ; а въ продолженіи Исторіи не
только рассказываетъ самые гнусные
посупки (4) и злодѣянія , но и припи-
сываетъ ихъ многимъ изъ Россійскихъ
Государей , которыми гордится Отечество ;

---

(1) Несторъ.

(2) Préf. pag. I.

(3) Introd. pag. XXIV.

(4) Tom. II. pag. 28. 59. 60. 61. 62. 69. 95.
101. 109. и на многихъ мѣстахъ обо-
ихъ Томовъ.

величаетъ ихъ такими прилагательными, которыя не могутъ быть пріятны Русскому уху, и не должны находиться въ учебной книгѣ; все это доказываетъ забвеніе Автора, что онъ предпринялъ писать Исторію для Рускихъ, особливо для юношей.

Что Г. Аббатъ имѣлъ предъ глазами Исторію Ловека, мы не сомнѣваемся; не споримъ даже, что и вдохновенный бессмертною Кліо Леклеркъ помогалъ ему трудиться надъ сочиненіемъ Руской Исторіи, тѣмъ болѣе, что Г. Аббатъ дружески раздѣлилъ съ ними ошибки, которыхъ они, особливо послѣдній, не могли, или не хотѣли избѣжать. Но трудно повѣрить, чтобы Г. Аббатъ Перень имѣлъ терпѣніе разбирать древнія наши рукописи, если бы и имѣлъ случай достать ихъ; трудно повѣрить, чтобы онъ умѣлъ хорошо понимать такой языкъ, котораго совершеннымъ знаніемъ не многіе Рускіе могутъ похвалиться. Одно десятилѣтнее пребываніе въ какой нибудь землѣ (Авторъ говоритъ о себѣ (*)), что жилъ десять лѣтъ въ Россіи) не научитъ писать Исторіи; Леклеркъ жилъ столько же въ нашемъ Опеческѣ,

---

(*) Préface, pag. IV.

и вмѣсто Исторіи написалъ сатиру на Россію, или лучше, на самого себя. И какая польза приниматься за все безъ исключенія и выдавать себя Пансофомъ? Какъ можно было не знать, что Рускіе не всѣ учились у Аббатовъ, слѣдственно найдутся такіе изъ нихъ, которымъ извѣстно, что Папріархи Всероссійскіе не имѣли власти неограниченной (1); что Бригадиръ не осьмаго (2) класса; что наши Священники (3) не носятъ гуменца; что Мазепа (4) былъ Гетманъ козаковъ Малороссійскихъ, а не Донскихъ; что большой колоколъ (5) Московской, вѣсомъ въ 12 тысячъ пудовъ, вылитъ при Императрицѣ АННѢ ІОАННОВНѢ, а не при Царѣ Борисѣ; что (6) въ Вильнѣ нѣтъ Епископскаго престола Грекороссійскаго изновѣданія; что ПЕТРЪ Великій (7) не имѣлъ отвращенія отъ воды; что Кубань не переименована (8) Кавказомъ; что Крымской полуостровъ не населенъ (9)

---

(1) Introd. pag. XLI.

(2) Ibid. pag. XIII.

(3) Ibid. pag. XLII.

(4) Tom. II. pag. 32.

(5) Introduc. pag. XCIII.

(6) Ibid. pag. CIX.

(7) Tom. I. pag. 256.

(8) Tom. II. pag. 131.

(9) Ibid.

Запорожскими козаками ; что осада Очакова (1) стоила Россіи менѣе 40000 чело-вѣкъ, и проч. и проч. Должна ли Критика безпристрастная щадить такія грубыя ошибки? стояшъ ли онѣ опроверженія? Россіянинъ, предпринявъ писать Французскую Исторію — въ которой конечно никто не имѣетъ нужды — безъ сомнѣнія также могъ бы во многомъ ошибиться ; тогда Г. Аббатъ Перень имѣлъ бы право кричать : „невѣжество ! варварство !“ но мы не хотимъ ссориться съ Г. Аббатомъ Перенемъ.

Гораздо было бы лучше, естли бы, вмѣсто ненужныхъ догадокъ о произведе-ніи слова (2) *полушка*, Авторъ упомянулъ о древнихъ гривнахъ, кунахъ, рѣзаняхъ, ногашахъ, корабленникахъ ; вмѣсто соблазнительныхъ и невѣроятныхъ анекдотовъ (3), рассказалъ бы намъ о старинныхъ придворныхъ, гражданскихъ и военныхъ чинахъ Россійскаго Государства ; вмѣсто нелѣпой молитвы (4) Св. Николаю, сочиненной будто бы Рускими, которая со множествомъ прочаго вздора, выписана изъ Леклерка, упомянулъ бы объ Яро-

---

(1) Tome II. pag. 132.

(2) *Introduct.* pag. IX.

(3) Tome II. pag. 60. 73. *et alibi.*

(4) *Ibid.* pag. 16.

славовой *Правдѣ*, о *Судебникѣ* Царя Иоанна, объ *Уложеніи* Царя Алексѣя, — сихъ священныхъ памянникахъ попеченія Монаршаго о благѣ поданныхъ.

Но вотъ что забавно: Г. Аббатъ не хочетъ вѣрить, что Великій Князь Владиміръ Мономахъ (*) получилъ въ даръ отъ Алексѣя, Императора Греческаго, вѣнецъ съ прочими знаками Царскаго достоинства. Леклерку также казалось дѣло сіе сомнительнымъ. Если Автору скучно, или трудно справиться о себѣ съ Рускими лѣтописями; если не хочетъ оцѣ войши подробно въ обстоятельства, принудившія Восточнаго Императора предложить Владиміру вѣнецъ, скипетръ и бармы дѣда его, Константина Мономаха; такъ пусть же не полѣнится побывать въ Мастерской и Оружейной Палатѣ, и онъ по неволѣ долженъ будетъ увѣриться, что не надобно было во всемъ слушаться Леклерка. Такими странностями наполнена новая наша Исторія!

Часть Географическая не уступаетъ Исторіи. Для молодаго Россіянина полезѣе не приниматься за Географію, нежели зашвердись, что въ Россіи при Херсона: 1й, въ Губерніи Екатеринослав-

---

(*) Tome I. pag. 62.

ской (1) при Днѣпрѣ, не далеко отъ Чернаго Моря (à la bonne heure); 2й, въ Николаевской (2) — съ пристанью при устьѣ Днѣпра (!!!); 3й, въ Губерніи Таврической, съ пристанью же (3) при проливѣ между морями Чернымъ и Азовскимъ, противъ устья Кубани (!!!); что Тагарогъ (4) и крѣпость Св. Дмитрія находятся въ Губерніи Донскихъ козаковъ, или Черкасской (!!!) Довольно! чего болѣе?

Какой-то древній Писатель сказалъ, что нѣтъ книги, которая по чему нибудь не была бы полезнаю. Есльи Исторія Россійская Г. Аббата Переня выведетъ нѣкоторыхъ изъ заблужденія; есльи она покажетъ имъ, что и Французъ, принявшись не за свое дѣло (на примѣръ, взявшись учить другихъ тому, чего самъ не знаетъ), испортилъ его; есльи она заставитъ ихъ наконецъ увидѣшь, должно ли имѣть уваженіе къ такимъ людямъ, которые, пользуясь всѣми выгодами гостепрїимства, не стыдящся въ нашемъ Опечествѣ выдавать за истинну сослепенныя ими самими, или выписанныя изъ вздорныхъ книгъ, небылицы, осмѣливаютъ

---

(1) *Introduet. pag. CXX.*

(2) *Ibid. pag. CXXI.*

(3) *Ibid. pag. CXXIII.*

(4) *Ibid. pag. CXXIV.*

ся въ глаза шутить надъ нами и говорить съ явнымъ пренебреженіемъ о лицахъ, дѣянїяхъ, обрядахъ и обыкновенїяхъ, любезныхъ для Патрїота: — то книга сія по всей справедливости можетъ назваться *утебною*.

По увѣренїю Панегириста Траянова: „Исторїя (*) можетъ забавлять, какъ бы она ни была написана. Есть родъ людей любопытныхъ, которымъ нравится простое, некрасивое повѣствованіе дѣянїй, такъ шочно, какъ другїе плѣняются забавными словцами и басенками.“ Кажется, что Г. Аббатъ читалъ Плинїя; только не прїятно для нашего самолюбїя, что онъ почитаетъ насъ такими людьми, которые *плѣняются басенками*.

Заклучимъ молитвою: Богъ да сохранитъ насъ отъ шруса, пыпопа, огня, меча, нашествїя иноплеменниковъ, междоусобныя брани — и отъ *Сокращенной Россійской Исторїи, сочиненной Г. Аббатомъ Перенемъ въ пользу юношества!*

М.

(*) . . . Historia quoquo modo scripta delectat. Sunt enim homines natura curiosi, et qualibet nuda rerum cognitione capiuntur, ut qui fermunculis etiam fabellis que ducantur. *C. Plinii Caecil. Secund. Epistolarum Lib. V. Epist. VIII.*

IV.

Анекдотъ

О ПЕТРѢ I (*).

Безсмертному ПЕТРУ, въ бытность Егора Липецкихъ заводахъ, угодно было Своими руками вытянуть желѣзную полосу вмѣстѣ съ простыми работниками. По окончаніи дѣла, первой мастеръ завода топчасъ выбилъ на полосѣ годъ и тогдашнее число. Монархъ, увидя то, спросилъ: „на это ты клеймишь, Морозовъ? (имя мастера) — „Какъ же, Надежа-Государь! ошвѣчаетъ онъ; она останется здѣсь у насъ навѣкъ; какъ на нее ни взглянемъ, то Тебя отца и вспомнимъ!“ — *Быть такъ!* сказалъ Государь: *давай другую!* и въ ту же минуту началась вторичная работа, въ кошорой участвовалъ

(*) Нѣкто въ прошедшемъ мѣсяцѣ былъ въ Липецкѣ и, пользуясь тамошними минеральными водами, сдѣлалъ описаніе всего того, что онъ видѣлъ примѣчательнаго — дряннаго. Вышеприведенный анекдотъ слышалъ онъ отъ тамошнихъ казенныхъ работниковъ завода. — Книжка его, подъ названіемъ: *Курсъ мой въ Липецкѣ*, выдетъ изъ печати въ непродолжительномъ времени.

и мастеръ. — Морозовъ приложилъ все свое стараніе и искусство. Полоса вытянута. Монархъ столько былъ доволенъ имъ, что хотѣлъ надѣть на мастера свою шляпу; но онъ упалъ къ ногамъ Его. ПЕТРЪ Великій сказалъ: Мастеръ Морозовъ! спасибо; ути и другихъ, какъ самъ разумѣешь!

Не ищите любопытные памятника надъ могилою Морозова: дикой камень покрываетъ прахъ его близъ церкви въ Липецкомъ лѣсу, гдѣ общее кладбище.

V.

К л а д б и щ е.

Печальный день, въ которой совершаютъ горестный обрядъ поминовенія вкусившихъ чашу смерти, исчезъ во мглѣ паровъ туманныхъ; шумный звукъ погребательной мѣди умолкъ, и ночь покрыла мрачнымъ крыломъ своимъ обиталище живыхъ и область мертвыхъ. Чувствительный Лорензо, продолжавшій еще льститься надеждою увидѣть тѣнь своей любезной, пришелъ на кладбище, пришелъ ждаль минуты, въ которую обитатели тверди, разсѣясь по воздуху, торжествуютъ

между собою день, имъ посвященный. Возпа-
 ленное воображеніе его начинало уже пре-
 даваться живѣйшему нешерпѣнію, какъ
 вдругъ тихій голосъ, подобный журчанію
 ручейка въ долинѣ, произнесъ сіи слова,
 часто прерываемыя болѣзненными вздохами:
 „О прелестнѣйшій, любезнѣйшій изъ
 смертныхъ! милый Роземондъ! уже ли я
 навѣки тебя лишилась? уже ли Небо ни-
 когда не сжалятся надъ моими спрадані-
 ями? . . . Ахъ! когда бы оно дозволило
 мнѣ увидѣть хотя образъ твой! . . . Или
 боготворима я шѣнь своя не наслаждает-
 ся дарованнымъ всѣмъ другимъ преимуще-
 ствомъ, носится на облакахъ въ тайн-
 ственныхъ нѣдрахъ воздуха? Не уже ли
 мнѣ одной отказано въ горестномъ удо-
 вольствіи, которое вкушаютъ всѣ зло-
 получные смертные, въ удовольствіи бе-
 сѣдовать иногда съ шѣнями оплакивае-
 мыхъ милыхъ? Но можетъ ли быть, чтобъ
 Существо, бодрствующее надъ судьбою
 смертныхъ, не вняло наконецъ моимъ
 объшамъ, горестнымъ моимъ спенаніямъ?
 И еслили слезы имѣютъ хотя малѣйшее
 право на Его состраданіе, то пока оста-
 нется оныхъ хотя капля въ глазахъ мо-
 ихъ, я и ту приду пролить на камень,
 тебя покрывающій.“

Живо пронутый звукомъ голоса, который толь чувствительнo описывалъ состояніе, подобное его собственному, Лорензо приближается и говоритъ съ чувствомъ нѣжнѣйшаго соболѣзнованія: „О ты, которую ревнивый мракъ скрываетъ отъ моего зрѣнія! ты, которую по одному голосу равняю я въ красотѣ со свѣтиломъ ночи, когда свѣшозарное лице его освѣждается отъ влажныхъ своихъ покрововъ! конечно и ты лишилась бытія, милаго сердцу своему, бытія драгоценнаго памяти твоей? и, подобно мнѣ, пришла сюда въ безмолвіи ночи, пребывать его отъ боговъ, владычествующихъ надъ тѣнями? О! естли сосраданіе душъ чувствительныхъ можетъ уладить скорби наши, заклинаю тебя, повѣдай мнѣ свои злополучія и будь увѣрена въ нѣжнѣйшемъ соучастіи. . .“ — Такъ, великодушный незнакомецъ, выслушай псѣвсть моихъ бѣдспвій; да смѣшаются слезы твои съ моими и да облегчатъ, естли можно, бремя спраданій моихъ!

Увы! я была любима совершеннѣйшимъ изъ смертныхъ и была тогда счастливѣйшею изъ женщинъ; но Судьба не захопѣла, чтобъ блаженство мое было продолжительно, и съ того времени я стала злополучнѣйшею изъ всѣхъ созда-

ній, подверженныхъ слѣпымъ ея прихотямъ. Съ той минушы, въ которую сей боготворимый смертный предсталъ въ первый разъ глазамъ моимъ, началось бытіе мое. Кто не вкушалъ удовольствія любить и быть любимымъ, кто не вѣдаетъ сладкой прелести нѣжной страсти: тотъ не знаетъ цѣны существованія... Рокъ положилъ сначала жеспокую между нами преграду. Гонимая лютыми родственниками, или, лучше сказать, тиранами, долго не имѣла я инаго удовольствія, кромѣ того, чтобъ видѣть издали человека, овладѣвшаго всѣми чувствами моими, и слышать гармоническіе звуки его люти, его плѣнительнаго голоса. О! какъ сладоспенъ показался мнѣ голосъ сей, когда въ первый разъ заговорилъ онъ со мною языкомъ любви! какъ живо почувствовала я тогда горестъ быть лучебною съ милымъ, съ жизнью! Увы! немощій, которой, обладая величайшимъ сокровищемъ, не могъ бы почерпать изъ него для своихъ необходимыхъ потребностей, меньше меня претерпѣвалъ бы мученія. „Боготворимый смертный! твердила я ему безпрестанно: почто не дозволено мнѣ вѣчно быть съ тобою?“ . . . О жизнь моя! ошвыстывалъ онъ мнѣ: для чего не могу я, подобно сердцу, по-

добно душѣ моей, бытъ прикованѣ къ о-
намѣ твоимѣ! для чего не могу вливашь
изъ устъ твоихъ ароматическаго твоего
дыханія! . . .“ Но что можетъ прошивишь-
ся могуществу влюбленныхъ, любви все-
сильной? Любовникъ мой былъ предприим-
чивъ, пылокъ; я споспѣшествовала намѣ-
реніямъ его, и власть Наптуры одержала
наконецъ верьхъ надъ уставами несправед-
ливыхъ родственниковъ. . . Я прикоснулась
къ милому, обняла его, прижала къ пламен-
ной груди своей . . . сердце его билось объ
мое . . . Минуты небесныхъ наслажденій!
блаженство неизъяснимое! надлежишь из-
пытать васъ, чшобъ познать; но выразишь
васъ не могутъ и самые тѣ, которые васъ
вкусили. Увы! для чего Небо допустило,
чшобъ люпѣйшія нещастія слѣдовали за
вами? Слушай, человекъ чувствитель-
ный! и да содрогнется душа твоя отъ
участіи злополучнѣйшей любовницы.

Оцаръ былъ человекъ сильный. Онъ
обладалъ несмѣнными сокровищами; но
менѣе имѣлъ богатства, нежели черноты
и злобы въ сердцѣ. Плѣняясь красотою
моею, просилъ онъ руки моей. Родствен-
ники мои немедленно дали свое согласіе;
но могъ ли онъ получить мое? Ахъ! какъ
люпо отомсилъ онъ мнѣ за опказъ мой
и презрѣніе! Въ одинъ вечеръ разсталась

я съ милымъ, съ половиною бытія моего, еще съ живѣйшею обыкновенной гореснію, и душа моя, руководимая вспревоженнымъ зрѣніемъ, слѣдовала далеко въ поле за симъ шоль любезнымъ предметомъ. Луна, сквозь паровъ сгущенныхъ, сквозь бѣстро носящихся облаковъ, едва проливали на землю унылый, блѣдный свѣтъ. Вдругъ яркой блескъ, подобно молніи, сверкнулъ вдали, и скоро слухъ мой былъ пораженъ звукомъ убійственной стали. Странное предчувствіе бѣстро овладѣло мною; сердце мое спѣснилось: я затрепещала и уклонилась подъ тяжкимъ скипетромъ смерти. Ахъ! почто не сѣдалась я совершенно ея жертвою? Увы! теперь не пресмыкалась бы я по землѣ между гробами; не рыдала бы на могилѣ милаго, но, соединенная съ нимъ въ жилищѣ тѣней, вкушала бы утѣхи чистыя, наслажденія безсмертныя. Я пребыла во снѣ смертномъ до первыхъ лучей возходящаго солнца. . . День ужасный, въ который звонъ роковой мѣди, поразивъ слухъ мой, низвергнулъ меня въ бездну тоски и опчаянія! Трепещущая, терзаемая адскимъ мученіемъ, кинула я вдали устрашенный взоръ и увидѣла снарядъ — смерти; увидѣла печальныхъ братьевъ, родственниковъ, друзей милаго моего; услы-

шала жалобный стонъ ихъ , и любезное имя его пренеслось къ ушамъ моимъ. . . . О земля ! ты спреклась поглотить меня ! . . . . . Смотри, смотри, великодушный незнакомецъ ! вотъ она ! . . . . . вотъ его могила ! туда они его положили . . . . . туда, туда , подъ этотъ хладный камень . . . . . Но скажи, не слыхаль ли ты, подобно мнѣ, движенія въ воздухѣ, насъ окружающемъ ? Не онъ ли это ? не его ли тѣнь пролетѣла мимо насъ ? Мнѣ кажется, что она прикоснулась къ лицу моему эфирными своими крылами, и потрясенный воздухъ еще вокругъ меня колеблется . . . . . Ахъ ! удали, прошу тебя, эту кровожаждущую руку ; удали этотъ губительный ножъ, гошовый поразить его ! . . . . Извергъ ! эта рана кажется ему не довольно глубокою ; онъ повторяетъ удары, повторяетъ ! . . . . Великій Боже ! или чаша страданій моихъ еще не исполнилась ? . . . .

Лорензо, пораженный симиъ плачевнымъ повѣствованіемъ и удручаемый собственною горестію, погрузился въ глубочайшую задумчивость и почти въ забвеніе смертное. Уже давно пересталъ онъ внимать жалобнымъ стenanіямъ несчастной любовницы ; давно пересталъ слышать ропотъ ея, подобный пустынному зефиру, шумящему на вершинахъ слезныхъ кипа-

рисовъ, какъ, вышедъ наконецъ изъ сего тяжкаго усыпленія, взглянулъ съ содроганіемъ къ ногамъ своимъ и потомъ въ поле; но утренній свѣтъ появился: онъ разсѣялъ тѣни съ остаткомъ паровъ, рожденныхъ влажнымъ дыханіемъ ночи, и едва могъ увидѣть вдали любовницу злощаснаго Роземонда, которая исчезала въ пространствѣ, подобно ночнымъ призракамъ отъ первыхъ лучей солнца.

(Изъ Декады.)

VI.

Великодушное мщеніе.

Въ это время, какъ Генуезская Республика была волнуета междуусобными раздорами Дворянства съ народомъ, Уберто, человекъ низкаго произхожденія, но одаренный необыкновенною твердостью духа и превосходными талантами, наживъ торговлею великое богатство, достигъ самъ собою до верховной степени съ народной стороны и долго поддерживалъ Демократическое правленіе. Наконецъ Дворяне, соединивъ всѣ свои усилія, изпровергнули бывшій порядокъ вещей и возпріявъ прежнюю свою власть, оказались

жестокими побѣдителями народа. Они отдали подъ судъ Уберта, какъ мятежника, и думали, что поступили весьма умѣренно, осудивъ его на вѣчное изгнаніе и описавъ все его имѣніе. Адорнъ, занимавшій тогда первое мѣсто въ Судилищѣ, былъ человекъ гордый, кичащійся древностію своего благородства, хопя и казался иногда великодушнымъ. Онъ учинилъ сей приговоръ еще тяжчайшимъ, объявивъ его Уберту въ обидныхъ выраженіяхъ. „Сынъ подлаго ремесленника! сказалъ онъ ему: какъ осмѣлился ты возстать противъ власни Дворянъ? Но они ограничиваютъ мщеніе свое только тѣмъ, чтобъ низвергнуть тебя опять въ то ничтожество, изъ котораго ты выползъ.“ Уберто, выслушавъ осужденіе свое съ должнымъ къ Судилищу уваженіемъ, но оскорбленный словами Адорна, сказалъ ему: „Ты, можетъ быть, раскаешься со временемъ, что употребилъ такія обидныя выраженія съ человекомъ, которой въ благородствѣ души ни мало тебѣ не уступаетъ.“ Сказавъ сіе, Уберто поклонился Судьямъ и вышелъ. Пешомъ, простиаясь съ друзьями, отправился на корабль въ Неаполь, и оставилъ опечество, не проливъ ни капли слезъ. Собралъ нѣсколько денегъ, которыя были у него въ долгахъ

въ семь Королевствъ, поселился онъ съ сими оспашками своего имѣнія въ одномъ изъ Архипелажскихъ острововъ, принадлежавшемъ въ то время Венеціанской Республикѣ. Тамъ трудолюбіе его и разпорочность въ немногіе годы доставили ему еще больше богатства, нежели сколько имѣлъ онъ въ Генуѣ въ щасливые дни свои; сверхъ того слава о его честности и великодушїи превзошла еще великое его стяжаніе. Въ числѣ посѣщаемыхъ имъ торговыхъ мѣстъ, часто бывалъ онъ въ Тунисѣ. Городъ сей былъ тогда въ союзѣ съ Венеціею, хотя съ большею частїю прочихъ Италїанскихъ Областей находился въ войнѣ, особливо же съ Генуею. Будучи однажды въ гостяхъ на загородномъ дворѣ у одного тамошняго Вельможи, увидѣвъ онъ молодаго Христїанскаго невольника, котораго заставили опправлять кузнечное ремесло; видъ его и осанка привлекли вниманіе Уберта. Молодой человекъ казался быть изнуренъ сею тяжелою работою и, между тѣмъ какъ онъ отъ времени до времени отдыхалъ, глубокіе вздохи вырывались изъ груди его и слезы текли по его лицу. Уберто смотрѣвъ на него съ нѣжнымъ состраданїемъ и началъ говорить съ нимъ по-Италїански. Молодой человекъ былъ чувстви-

дельно пронуть звуками своего природнаго языка и отвѣчалъ, что онъ Генуезецъ. „Какъ тебя зовушь, молодой человекъ? спросилъ Уберто: не бойся открыть мнѣ свою породу.“ — Ахъ! я и такъ опасаюсь, чтобъ она не была уже извѣстна и чтобъ не спали требовать за меня чрезмѣрнаго выкупу! Мѣй опецъ есть одинъ изъ первыхъ Сенаторовъ въ Генуѣ: имя его Адорнъ, и я единственный его сынъ. — „Адорнъ!“ . . . . Уберто едва преодолѣлъ себя, чтобъ не произнести сего имени слишкомъ значительнымъ голосомъ, и сказалъ самъ въ себѣ: „Слава Богу! я могу отомстить благороднымъ образомъ.“ Немедленно побѣжалъ онъ къ Капитану, взявшему въ плѣнъ юнаго Адорна, и спросилъ у него, сколько хочешь онъ за него выкупу? Капитанъ отвѣчалъ, что, почитая сего Генуезца драгоценною добычею, не возьмешь онъ за его свободу меньше двухъ тысячъ кронъ. Уберто опципалъ ему сѣю суму и приказалъ слугѣ своему слѣдовать за собою съ осѣдланною лошадыю и съ весьма приспѣйнымъ и полнымъ мужскимъ платьемъ. Онъ возвратился къ плѣннику и, нашедъ его за работою, объявилъ ему свободу, снялъ самъ съ него оковы и помогъ ему одѣваться и сѣсть на лошады. Адорнъ почипалъ все сѣе ме-

чтою и столько былъ обрадованъ, что, въ сильномъ волненіи чувствъ, едва могъ поблагодарить своего великодушнаго благодушеля. Однакожь будучи приглашенъ къ его столу и оставленъ жить у него въ домѣ, скоро удостовѣрился онъ въ истиннѣ своего щасія. Уберто остался еще въ Тунисѣ на малое время, для окончанія дѣлъ своихъ, и поѣхалъ опшуда съ молодымъ Адорномъ, котораго полюбилъ, какъ сына, за превосходныя его качества. Онъ удержалъ его на нѣсколько времени у себя, осыпая ласками и неложными знаками нѣжнѣйшей дружбы; наконецъ, нашедъ вѣрный случай отправишь его въ Геную, далъ ему надежнаго проводника, щедро снабдилъ его всѣми дорожными потребностями, подарилъ ему кошелекъ съ червонцами и, вручая ему письмо, сказалъ слѣдующее:

„Любезный другъ мой! Мнѣ крайне было бы пріятно оставишь себя на должайшее время въ моемъ смиренномъ жилищѣ, но чувствую, съ какимъ негерпѣніемъ желаешь ты обнять родителей своихъ, и какъ жестоко было бы отдалять радость, которую причинишь имъ свое возвращеніе. Удостой приняшь это золото и вручи мое письмо родителямъ своему; думаю, что онъ не совсѣмъ меня забылъ. Что касает-

ся до тебя, ты такъ еще молодъ, что вѣрно меня не помнишь. Прощай! я тебя никогда не забуду и ласкаюсь, что и тобою забытъ не буду.“ Адорнъ пламенными выраженіями изъяснилъ Уберту живѣйшую признательность, и они разошлись со слезами. Молодой человекъ совершилъ благополучно путешествіе свое. Родители его, не имѣя объ немъ никакого извѣстія, полагали, что корабль, на которомъ онъ былъ, пошелъ, и находились въ чрезмѣрномъ отчаяніи. Возторги ихъ при видѣ милаго сына легче можно вообразить, нежели описать. Онъ уведомилъ ихъ, что находился плѣнникомъ въ Тунисѣ. Кому же обязанъ я, вскричалъ старый Адорнъ, неоплатимымъ щастіемъ видѣть тебя опять въ моихъ объятіяхъ? — „Вопи письмо, отвѣчалъ сынъ, которое вамъ эпо объяснишь!“ Старикъ распечаталъ его и прочиталъ слѣдующее: „Сынъ подлаго ремесленника, тотъ самый человекъ, который нѣкогда сказалъ тебѣ, что ты раскаешься въ недоспойныхъ твоихъ сѣнімъ поступкахъ, имѣетъ теперь удовольствіе видѣть событіе своего предсказанія. Знай, гордый Вельможа! что избавишель единороднаго сына твоего есть изгнанникъ Уберто.“ Адорнъ уронилъ изъ рукъ письмо и закрылъ лицо свое,

между тѣмъ, какъ сынъ его въ сильнѣйшихъ и благодарнѣйшихъ выраженіяхъ описывалъ ему высокія добродѣтели Уберта и ту истинно-отеческую нѣжность, съ которою онъ съ нимъ обходился. Адорнъ твердо вознамѣрился заплачивать сей великій и священный долгъ, если это было возможно. Онъ такъ сильно вступился за Уберта, что Совѣтъ Генуезскій дозволилъ ему возвратиться въ отечество. Извѣщая его о семъ происшествіи, Адорнъ сильнѣйшимъ и благороднѣйшимъ образомъ выражалъ ему свою признательность и просилъ его дружбы. Уберто возвратился на свою родину и провелъ тамъ остальные дни свои въ тишинѣ, наслаждаясь справедливымъ уваженіемъ всѣхъ согражданъ своихъ.

(Съ Французскаго.)

VII.

*О новооткрытой планетѣ Ираклъ,
или Гerkulesъ.*

Изъ Бремена увѣдомляютъ, что славный Олберсъ, который съ тамошней Обсерваторіи открылъ уже планету, названную имъ Палладою, обнаружилъ недавно на-

блюденія свои еще о другой, которую по ея величинѣ наименовалъ онъ *Иракломъ*, ибо она втрое больше Юпитера. Онъ вычислилъ, что сія планета совершаетъ путешествіе свое около солнца въ 211 лѣтъ: разстояніе ея отъ средоточія нашей системы простирается до 3047,000,000 Англинскихъ миль. По извѣстному Кеплерову закону нашелъ онъ, что разстояніе ея отъ солнца почти въ $53\frac{1}{2}$ раза болѣе средняго разстоянія земли нашей отъ солнца. Простымъ глазамъ кажется она звѣздою шестой величины. Г. Олберсъ примѣтилъ 8 Декабря 1803 года, что сія звѣзда движется; а 6 Февраля 1804 года удостовѣрился, что она есть планета, имѣющая 7 спутниковъ, въ числѣ которыхъ одинъ вдвое больше земли нашей. Наклоненіе пути Ираклова съ плоскостію Эклиптики составляетъ уголъ въ 30 градусовъ. Теперешняя широта ея, 13 град. Сѣверная. Человѣку, помѣщенному въ сей планетѣ, солнце показалось бы въ 1260 кратъ менѣе, нежели кажется оно съ земли.

(Изъ Итальянской Всеобщей Газеты.)

VIII.

Анекдотъ.

Нѣкто, прогуливаясь въ саду съ Гм. Гамильшономъ, изъяслялъ ему свое удивленіе въ разсужденіи чрезвычайно скорого росту его деревьевъ. „Государь мой! отвѣчалъ ему Гамильшонъ: вы перестанете дивиться, когда разсудите, что имъ нечего инаго дѣлать.“

Въ то время, какъ въ Лондонѣ были принимаемы строжайшія мѣры въ разсужденіи бунтовъ и возмущеній, схватили на улицѣ одного ремесленника, кошкой, ходя по городу, кричалъ во всю голову: *намъ не надобно больше Короля; мы не имѣемъ нужды въ Королѣ.* Когда спросили у него, что онъ можетъ сказать въ свое оправданіе, онъ признался, что дѣйствительно такъ говорилъ, но что слова его были приняты не въ томъ смыслѣ. Мое намѣреніе было, примолвилъ онъ, сказать, что *мы не имѣемъ нужды въ Королѣ, потому что у насъ и такъ есть уже Король, и притомъ очень доброй.*

Кларкъ просилъ однажды пріятеля, сосудить его сочиненіями Бурнета. Пріятель отвѣчалъ, что онъ не выпускаетъ

книгъ своихъ изъ дому, но что естли онъ пожалуетъ къ нему, то можетъ чашать, хотя цѣлой день, естли ему угодно. Черезъ нѣсколько времени, самый эшотъ человекъ прислалъ къ Кларку просить раздувальнаго мѣха, для разведенія огня въ своемъ каминѣ. Скажи своему господину, отвѣчалъ Кларкъ слугѣ, что я не выпускаю мѣха своего изъ дому, но что онъ можетъ пожаловать ко мнѣ, и дуть хотя цѣлой день, естли ему угодно.

Принцесса Амалія, дочь Англичскаго Короля, увидя въ Батѣ опмѣнно великорослаго Офицера, спросила, кто онъ таковъ; Ей отвѣчали, что хотя сей Офицеръ находился и въ военной службѣ Его Великобританскаго Величества, но что прежде былъ онъ назначаемъ для церкви. — „Для церкви! прервала Принцесса: скажите лучше, для колокольни!“

Одинъ чрезмѣрно толстый человекъ сидѣлъ задумавшись. Нѣкто изъ его знакомыхъ, которой былъ также очень толстъ, нашедъ его въ семь состоянїи, спросилъ о причинѣ его задумчивости. „Я забочусь о шовѣ, отвѣчалъ толстякъ, какимъ образомъ понесушь насъ хоронить,

когда мы съ тобою умремъ.“ — Семь или восемь человекъ сильныхъ носильщиковъ, сказалъ другой, спащатъ меня какъ нибудь на кладбище; но думаю, что за тобою сходятъ они раза два.

*

Одного Врача, находившагося при смерти, навѣстилъ сосѣдъ и сказалъ ему; Г. Докторъ! естли я могу быть вамъ въ чемъ нибудь полезнымъ послѣ вашей кончины, то извольте разполагать мною; я съ величайшимъ удовольствіемъ исполню всѣ ваши приказанія. — „Когда вы такъ снисходительны, милостивый государь, отвѣчалъ Врачъ: то обѣщайшесь мнѣ имѣть величайшее попеченіе о трехъ меньшихъ вашихъ дѣтяхъ, потому что они мои.“

*

Герцогиня Большонъ, побочная дочь Герцога Монмута, часто забавляла Георга I чертами притворной простоты. Однажды прѣхала она во Дворецъ, показывая видъ чрезмѣрнаго страха. Что съ вами сдѣлалось? спросилъ у нея Король, — „Ваше Величество! отвѣчала Герцогиня: сей часъ видѣлась я съ Г. Вистономъ, (славнымъ Астрономомъ), которой сказалъ мнѣ, что черезъ три года свѣтъ сторицъ, и я сего дня же рѣшилась ѣхать въ Кишай.

IX.

Э н и в р а ж ж а .

Тафты, атласы и перкалы,
 Алмазы, жемчуги и Кашемирски шали,
 Лионы, кружева, баписты, тарлашанъ;
 Да фунтовъ нѣскольکو припомъ бѣлилъ,
 румянъ,
 Въ каретѣ Англинской двухтысячной кашающѣ
 И модной дамою сей свертокъ называющѣ!

X.

П а р и ж с к і я М о д ы .

Іюля 27.

Поселику въ продолженіе каникуловъ на-
 ешупила здѣсь холодная погода, а щего-
 лихи наши щитаютъ отвратительнымъ
 носить по двѣ юпки: шо онѣ выдумали
 новое предохранительное отъ холоду сред-
 ство, и заказываютъ для себя шить
 среди лѣта зимніе реденготы, съ шою
 однакожъ разницею, что зимою носили
 онѣ суконные, а нынѣ носятъ нанкиновые
 или перкалевые. Модные двѣти сихъ ре-
 денготовъ суть: темнозеленой, алой и
 сѣропашой. Реденготы сіи, весьма широкіе

и покойные, надѣваются Дамами, когда онѣ идутъ со двора; скидываются, когда онѣ придутъ куда-либо, и составляютъ теперь отпечатокъ щегольства и хорошаго вкуса!!

Модные наши Кавалеры хвастаются тѣмъ, что они ведутъ себя нынѣ гораздо хладнокровнѣе въ разсужденіи прекраснаго пола, нежели спаринные Селадоны. Лѣнностью упрекнуть ихъ также не можно, и скупость не бывала никогда спростію ихъ; но изовсѣхъ главныхъ пороковъ, которыми они предаются нынѣ, *обжирство* можетъ почесаться первымъ и самымъ моднымъ.

Почти съ мѣсяць уже ни одна щеголиха первой степени не показывается ни на улицахъ, ни на спектакляхъ, ни на гульбищахъ Парижскихъ; поелику Мода требуетъ, чтобъ она была въ теперешнее время на цѣлительныхъ водахъ. Модныя болѣзни суть теперь ревматизмы и такъ называемые нервные недуги. И такъ щеголиха, ежели она не уѣхала на шегъ для воды въ Баньеръ, Спа, Баррежъ и проч. должна укрываться въ своемъ городскомъ апартаментѣ, или же въ загородномъ домѣ до ихъ поръ, пока вре-

мя пользованія себя минеральными водами пройдешь.

Романсы входятъ опять въ Моду, и молодая дѣвица, желающая доставить удовольствіе хорошей бесѣдѣ, должна пропѣть въ оной, съ аккомпанированіемъ арфы, фортепіано, или лиры, романсы Bouffe et le Tailleur, композиціи Гна. Гаво; Bonjour, композиціи дѣвицы Жоржонъ, и le Belifaire, композиціи Гна. Гарана.

Молодые Кавалеры начали опять носить кошельки и на волосахъ, и для денегъ. Послѣдніе называющіяся нынѣ Judas (*Иудами*) и суть весьма малы.

Какъ Кавалеры, такъ и Дамы не дарятся уже нынѣ въ день именинъ букетами; но Дамы посылаютъ къ Кавалерамъ натуральные цвѣты въ вазахъ а л'антикѣ, фарфоровыхъ, фаянсовыхъ, бронзовыхъ, или алебастровыхъ, а Кавалеры связываютъ небрежно нѣсколько вѣпочекъ съ цвѣтами и посылаютъ оныя къ своимъ любезнымъ съ жокеемъ на канунъ дня ихъ сезонименинства.

Жилеты изъ бѣлаго пике, или бѣлыя же перкалевыя, вышитыя, суть самые мод-

ные; но по утрам, для неглиже, носят и красные жилеты, а верхъ щегольства есть, имѣть у себя жилетъ, похожій на горпензію.

Всѣ жалуются, что счастье не существуетъ на землѣ. Можетъ быть оно и существовало бы для нихъ, ежелибъ они не полагали онаго исключительно въ однихъ шлѣхахъ. — —

Взирая на коробочку съ драгоценными вещами и на скляночки съ благовоніями, каждая щеголиха должна бы, по нашему мнѣнію, сказать самой себѣ: Эта скляночка содержитъ въ себѣ розы, цвѣтущія на лицѣ моемъ; отъ этихъ алмазовъ отбрасывается блескъ, котораго не достаешь въ глазахъ моихъ; часъ пріятностей моихъ зависитъ отъ пальцевъ моего волосоподвигателя и отъ иглы портнихи; въ эластическихъ пружинахъ этого корсета хранятся прелести талии моей, округлости прелестныхъ моихъ формъ.

Ваша правда! Элиза. Когда я вижу васъ одѣвою съ отличнымъ стараніемъ и блескомъ, потчасъ и подумаю о шлѣхахъ, которые трудились надъ сими украшеніями, предуготовленными для прельще-

нія насъ. Я одобряю проворство и вкусъ челоуѣка, дѣлавшаго плешенки для головнаго вашего убора; хвалю терпѣніе и искусство женщинъ, осужденныхъ на то, чтобъ онѣ одѣвали васъ; удивляюсь богатству вашихъ галантерейныхъ вещей, роскоши выбранныхъ вами кружевъ; блескъ алмазовъ вашихъ ослѣпляетъ меня; но удивленіе мое изтощено, и мнѣ не осталось уже удивляться собственно вашей особѣ.

Сколько сожалѣю я о неблагоразуміи матери, которая приводитъ въ заблужденіе сердце дочери своей, подавая ей ложныя понятія о красотѣ; которая говоритъ ей, что она прекрасна, когда дочь ея ничто иное есть, какъ только нарядная кукла! Выпреные и обманчивые мушцины не преминутъ. пошчасъ, позабывъ, умна ли обожаемая ими дѣвица или нѣтъ, называть красотою, принадлежащею лицу, или особѣ, симметрическое разположеніе цвѣтовъ, драгоценныхъ камней и матерій, дѣлавъ достоинство изъ того, что соспавляетъ одно только дополненіе къ женской красотѣ, обманывать невинное ея легковѣріе и предуготовлять ей въ послѣдствіи времени печаль и просупки.

ПОЛИТИКА.

*Перечень извѣстій изъ Лондона съ 3 го
по 10е Августа.*

Часть Брестскаго флота, или лучше сказать авангардія онаго, вышла Августа 1го изъ Бреста въ море, но обьякорилась въ Кармарецскомъ заливѣ, неподалеку отъ помянутой гавани, гдѣ наблюдаетъ ее дивизія Англинскихъ военныхъ кораблей подъ начальствомъ Вице-Адмирала Гревса. Правительство наше приняло извѣстіе сіе въ такомъ важномъ видѣ, что немедленно отправило въ Портсмутъ повелѣнія, чтобъ всѣ линейные корабли, готовые къ выходу въ море, вышли немедленно изъ оной. Сверхъ того приняты потребныя мѣры для скорѣйшаго доставленія войскъ на лошадахъ и повозкахъ въ тѣ мѣста, которыя угрожаемы будущь непріятельскимъ нашествіемъ, на копорой конецъ купцы, карешники, сѣдельники, извоцки, откупщики земель и проч., живущіе въ Лондонѣ и въ окружности 10 миль отъ онаго, въ держанныхъ ими на сихъ дняхъ собраніяхъ, единодушно опредѣлили, по-

спавишь для правительства множеству лошадей съ повозками, для перевозу войскъ и аммуниціи. Одинъ частный человекъ, по имени Вилланъ, вызвался поставишь *четыре ста* лошадей и соразмѣрное тому число повозокъ; другіе обѣщались поставишь *по сту двадцати* лошадей съ повозками и вообще всѣ изъявили горячее свое усердіе къ дѣлу общему. А дабы и перевозъ войскъ въ нужномъ случаѣ могъ производиться съ вѣщающею поспѣшностію и съ невеликими издержками: по снявѣ каретные, или колясочные кузова, кладутся на дроги 4 доски, составляющія весьма длинный четырехугольникъ, на которомъ солдаты могутъ сидѣть. Сія доски прикрѣпляются къ четыремъ же угламъ желѣзными крючьями, пятая же доска утверждена внизу, чтобы солдаты могли спавишь на нее свои ноги. Каждая изъ таковыхъ повозокъ, запряженная въ 4 лошади, подниметъ 12 солдатъ съ однимъ сержантомъ и однимъ же капраломъ, и въ часъ можно проѣхать на ней 8 Англинскихъ миль, какъ сіе доказано уже повторительными опытами. — Далѣе, правительство наше объявило всѣмъ пребывающимъ здѣсь чужестраннымъ Министрамъ, что оно рѣшилось содержать въ самой тѣснѣйшей блокадѣ входъ въ не-

пріятельскія гавани: Фекампъ, Ст. Валерианъ Ко, Діэппъ, Трепоръ, Соммъ, Эшапль, Булонь, Кале, Гравелинъ, Дюнкирхенъ, Ньепортъ и Остенду, и что по сему никакія иностранныя купеческія суда не будутъ болѣе впускаемы въ помянутыя гавани.

Остѣ-Индскіе наши купеческіе корабли, числомъ 17, объ участи которыхъ разпространяемы были доселѣ разные ложные и непріятные слухи, прибыли благополучно въ Портсмутъ, пошедъ изъ Кипая Февраля 5го и бывъ въ пути ровно 6 мѣсяцовъ. Марта 8го имѣли они въ Малаккскомъ проливѣ пушечную переспрѣлку съ Французскою эскадрою Контръ-Адмирала Линуа, но сія послѣдняя не отважилась вступить съ ними въ формальное сраженіе, и дала имъ волю, продолжать безпрепятственно путь свой въ Европу. На корабляхъ сихъ привезено между прочимъ 24½ миліона фунтовъ чая; 120 фунтовъ шелку сырцу; 156,960 кусковъ нанке и проч. — Почти въ одно время съ ними прибылъ въ Англію и купеческій нашъ флотъ изъ Вестъ-Индіи, болѣе 200 судовъ просширающійся. Цѣну груза обѣихъ сихъ купеческихъ флотовъ полагаютъ въ 17 миліоновъ ф. стерлинговъ (136 миліоновъ рубл.), и одной

ввозной пошлины заплачено 4 миліона ф. стерлинговъ (32 миліона рубл.).

Бомбардирныя наши суда пустили 1 го Августа во Французскую гавань Гавръ до 500 бомбъ, и причинили шѣмъ какъ городу, такъ и непріятельскимъ вооруженнымъ судамъ, немалый вредъ.

Всѣ съ неперпѣливостію, но безо всякаго опасенія, ожидаютъ узнать, куда непріятель, при преднамѣреваемой имъ на берега наши высадкѣ, обратитъ прежде всего вниманіе свое. —

Перегенъ извѣстій изъ Парижа съ 5 го по 10 е Августа.

Бонапарте продолжаетъ обѣзжать берега, осматривать суда флотиліи, войска, учебныя дѣйствія ихъ и проч. Августа 1 го находился онъ въ лагерѣ при Амблешезѣ и былъ свидѣтелемъ прибытія изъ Кале одной дивизіи флотиліи, копорая, въ виду разѣзжающихъ Англинскихъ военныхъ кораблей, продолжала путь свой и соединилась съ авангардіею Булоньской флотиліи. — Августа 6 го, Бонапарте прибылъ въ Кале, и отсюда продолжатъ будетъ путь свой вдоль береговъ. — Гжа. Бонапарте имѣетъ между шѣмъ пребы-

ваніе свое въ Ахенѣ и пользуется тамошними цѣлишельными водами.

Наводненія рѣкъ, послѣдовавшія отъ сильныхъ и продолжительныхъ дождей, причинили и здѣсь во Франціи, подобно какъ во многихъ мѣстахъ Германіи, Италиіи и Испаніи, много вреда и опустошенія.

Министръ нашъ внутреннихъ дѣлъ, Г. Шапшаль, взялъ увольненіе свое отъ должности, дабы посвятить себя единственно Наукамъ, въ которыхъ онъ себя наиболее отличилъ. Преемникомъ его будетъ Г. Шампаньи, Французскій Посолъ въ Вѣнѣ.

Населеніе Италіанской Республики простирается, по новѣйшей переписи, до 3 миліоновъ и 552,555 человекъ.

Конецъ XVI Части.

О Г Л А В Л Е Н І Е

ШЕСТИНАДЦАТОЙ ЧАСТИ.

І Ю Л Ъ. Но 13.

	Стран.
I. Странные люди. - -	3
II. Разговоръ въ кофейномъ домѣ. -	13
III. Добрая служанка. - -	17
IV. Еще отрывки изъ Афинскихъ Писемъ. - - -	43
V. Руской Леонидъ, или Парфентьевъ, Полковникъ Киевскаго гренадерскаго полку. -	52
VI. Стихи Гнѹ. Захарову на случай воздушнаго путешествія для различныхъ опытовъ и наблюдений, сдѣланнаго имъ 30 Іюня въ Спбурѣ. -	59
VII. Осель въ нарядахъ. Басня. -	57
VIII. Парижскія Моды. -	58
IX. Перечень извѣстій изъ Лондона съ 19го Іюня по 7е Іюля. -	60
Перечень извѣстій изъ Парижа съ 25го Іюня по 6е Іюля.	63
X. Открытія и изобрѣтенія. Новѣйшее лѣкарство отъ чихотки и простудныхъ грудныхъ болѣзней. -	66

Спасительныя дѣйствія висмута въ нервическихъ желудочныхъ болѣзняхъ. -	69
Лѣкарство отъ коклюша, или судорожнаго дѣтскаго кашля. -	70

I Ю Л Б. No 14.

I. Размышленіе Гердера о томъ, что - человекъ сотворенъ для ожиданія безсмертїа. -	71
II. Нѣкоторыя мысли Св. Климентя Александрійскаго. -	90
III. Путешествіе въ Воскресенскій монастырь, называемый нынѣ Новымъ Іерусалимомъ. -	97
IV. Евграфъ Петровичъ Батуринъ. -	109
V. Рѣчь Польскому Королю, Станиславу Августу, въ защищеніе Греко-Россійской церкви; въ то время гонимой Поляками, возведенная Бѣлорусскимъ Епископомъ Георгіемъ въ Варшавѣ 1765го года Іюля 27 дня. -	119
VI. Письмо къ Издателямъ Вѣстника. -	125
VII. Письмо изъ Гжатска къ Издателямъ Вѣстника, -	132
VIII. Парижскія Моды. -	134
IX. Перечень извѣстій изъ Лондона съ 7го по 17е Іюля. -	137
Перечень извѣстій изъ Парижа съ 6го по 14е Іюля. -	141

X. Смѣсь.

Шарда.	-	-	146
Эпиграммы.	-	-	—
Эпитафія.	-	-	148

 АВГУСТЪ. No 15.

I. Дѣйствіе совѣсти. Прѣсвь А. Лафонтена.	-	-	149
II. Отрывки, содержащіе нѣкоторыя любопытныя подробности о Турціи и Египтѣ. (Продолже- ніе первое.)	-	-	190
III. Картина небесъ.	-	-	203
Ичисленіе частей, входящихъ въ составленіе небесъ.			
1. О звѣздахъ отдѣленныхъ.			205
2. О двойственныхъ звѣздныхъ системахъ, или двойныхъ звѣздахъ.	-	-	208
3. О сложнѣйшихъ звѣздныхъ системахъ, или о трой- ныхъ, четверныхъ, пятер- ныхъ и многосложныхъ звѣздахъ.	-	-	212
IV. Смѣсь.	-	-	218
V. Мысли.	-	-	223
VI. Парижскія Моды.	-	-	225
VII. Перечень извѣстій изъ Лондона съ 17го Іюля по 3е Августа.			229

	Стран.
Перечень известій изъ Пари- жа съ 14го Іюля по 5е Августа.	234
VIII. Разныя известія.	235

А В Г У С Т Ъ. Но 16.

I. Отрывки, содержащіе нѣкоторыя любопытныя подробности о Турціи, Сиріи и Египтѣ. (Про- долженіе второе.)	239
II. Письма Русскихъ путешественни- ковъ изъ Бразиліи къ Госл. N. N.	267
III. О новой Руской Исторіи.	273
IV. Анекдотъ о ПЕТРѢ I.	290
V. Кладбище.	291
VI. Великодушное мщеніе.	298
VII. О новооткрытой планетѣ Ирак- лѣ, или Геркулесѣ.	304
VIII. Анекдоты.	306
IX. Эпиграмма.	309
X. Парижскія Моды.	—
XI. Перечень известій изъ Лондона съ 3го по 10е Августа.	314
Перечень известій изъ Парижа съ 3го по 10е Августа.	317